СОВЕТСКОЕ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1955

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ~ 1955

ЗАДАЧИ ВОСТОЧНОЙ ФИЛОЛОГИИ

В странах Востока происходят великие перемены. В результате второй мировой войны и дальнейшего углубления кризиса капитализма начался распад веками складывавшейся колониальной системы. Вслед за странами Центральной и Восточной Европы от системы капитализма отпали Китай, Северная Корея и Вьетнам. Под руководством рабочего класса народы этих стран уверенно идут по пути социализма. Всемирно-историческое значение имеет превращение многомиллионного Китая в великую народно-демократическую державу, вместе с Советским Союзом возглавляющую лагерь мира, демократии и социализма. В результате национально-освободительной борьбы народов и ослабления лагеря империализма и реакции ряд бывших колониальных стран — Индия, Индонезия, Бирма и другие — добились независимости. Особо важное международное значение имеет создание суверенной Республики Индии, крупнейшего после Китая государства в Азии. Роль, которую сейчас играют многие народы и государства Востока в решении судеб мира, неизмеримо возросла. С каждым днем усиливается значение борьбы народов Азии и Африки за ослабление международного напряжения, за мир и международную безопасность. Ярким примером этого явились совещание народов Азии в Дели и недавно закончившаяся конференция стран Азии и Африки в Бандунге. Пять принципов мирного сосуществования, сформулированные в соглашении двух великих стран Азии — Китайской Народной Республики и Республики Индии, получили поддержку и признание всех миролюбивых сил мира.

Все это ставит перед прогрессивной наукой всего мира и, прежде всего, перед нашей советской наукой серьезнейшие и неотложные задачи глубокого и всестороннего изучения стран Востока, их истории, экономики, культуры, изучения громадного вклада, на протяжении многих веков внесенного народами Востока в развитие мировой культуры.

Без преувеличения можно сказать, что изучение всемирной истории, равно как и истории любой науки и искусства, невозможно без самого тщательного знакомства с историей их развития в странах Востока. Изучение места и роли Востока во всемирно-историческом процессе важно также и потому, что оно наносит разящие удары по всем расистским концепциям, по всем так называемым теориям неполноценности и якобы извечной отсталости народов Востока. Этими «теориями» империалисты всех стран и их агентура в лице некоторых реакционных ученых пытались и пытаются оправдать колониальное порабощение и эксплуатацию народов Азии и Африки.

Авторитет советской науки и все возрастающее международное признание ее достижений возлагают на нее во всех областях, и в частности в

области изучения стран Востока, большие обязанности и большую ответственность. Только наука, основанная на марксистско-ленинском методе, покоящаяся на принципах подлинного гуманизма и признания равенства всех народов, великих и малых, способна по-настоящему раскрыть прошлое и настоящее народов Востока, сделать достоянием человечества многообразную и самобытную культуру Востока. При этом для Советского Союза, в братскую семью народов которого входит ряд восточных народов, изучение истории, экономики и культуры Востока приобретает особое значение. Раскрепощенные Великой Октябрьской социалистической революцией народы советского Востока получили невиданную ранее возможность свободно и всесторонне развивать свою культуру. С каждым годом растут достижения востоковедов республик советского Востока.

Зарубежное востоковедение и русское дореволюционное востоковедение внесли немалый вклад в изучение многих вопросов истории и культуры Востока, выработали необходимые профессиональные навыки филологического анализа и изучения восточных памятников. Однако многие важные проблемы; такие, как изучение производительных сил стран Востока, изучение роли народных масс как подлинных творцов истории, по-настоящему могли быть поставлены лишь советскими востоковедами после Великой Октябрьской социалистической революции. Тщательное и всестороннее исследование этих проблем является задачей наших ученых.

Острые споры, которые сейчас ведут наши востоковеды по вопросам периодизации истории стран Востока, о хронологических вехах смены общественно-экономических формаций в отдельных странах и т. д. свидетельствуют о необходимости глубокого изучения конкретного хода исторического развития всех стран Востока и тщательных научных обобщений. У нас все еще нет капитальных, основанных на привлечении всех доступных источников, историй отдельных стран Востока с древнейших времен до наших дней, истории культуры и литературы народов Востока.

Одной из важнейших причин известного отставания в исследовании многих вопросов истории, экономики и культуры народов Востока, несомненно, следует признать отставание восточной филологии.

Изучение стран Востока в значительной мере основывается на рукописных памятниках, ксилографах, старопечатных изданиях, что, естественно, делает особенно важной филологическую основу подобных исследований. Без настоящего овладения восточными языками и навыками филологического анализа, без знания истории и литературы тех или иных стран Востока невозможно отделить наслоения и искажения, накопившиеся в рукописях при многократной переписке, нельзя подготовить для публикации и перевода критический текст. А необходимость изучения и публикации этих важнейших источников, без которых нельзя по-настоящему поднять и разрешить многие основные проблемы, очевидна. До настоящего времени многочисленные источники по истории, экономике, культуре стран Востока, хранящиеся в сокровищницах различных стран мира и, в частности в богатейших рукописных фондах и библиотеках Советского Союза, изучены все еще не достаточно. Их опубликовано и переведено на русский и западноевропейские языки крайне мало. Многие публикации к тому же не отвечают высоким научным требованиям, грешат грубыми искажениями и опечатками.

Совершенно ошибочно противопоставлять работу над источниками, относящимися к прошлому стран Востока, изучению современности. Между тем представление о возможности исследовать современные проблемы стран Востока без соответствующей филологической базы, к сожалению, еще далеко не изжито. А ведь дело не только в том, что современное состояние большинства стран Востока, с их обилием пережитков старого,

делает невозможным понимание многих актуальных и практических вопросов без соответствующего знания прошлого, без исследования неразрешенных вопросов истории, экономики, литературы. Без навыков филологического анализа нельзя изучать и переводить самые современные политические тексты, государственные акты, литературные произведения и прессу.

Возьмем в качестве яркого примера труды вождя великого китайского народа товарища Мао Цзэ-дуна, имеющие величайшее теоретическое и практическое значение, связанные с самыми насущными вопросами борьбы китайского народа за свою национальную независимость, за развитие Китая по пути к социализму. Какое знание языка, культуры прошлого и настоящего Китая понадобилось квалифицированному коллективу переводчиков для того, чтобы дать научный, адэкватный перевод, осмыслить и правильно объяснить для русского читателя цитаты и ссылки Мао Цзэ-дуна на классических китайских авторов, на события из истории Китая.

Если взять государственные акты и законы современного Вьетнама или Индонезии, Ирана, арабских стран, современные работы по истории народов Азии и их культуре, какое требуется знание языка, всего культурного наследия, хотя бы только для того, чтобы правильно осмыслить отдельные термины, почерпнутые зачастую из далекого прошлого, но наполненные новым, современным содержанием. Таким образом, именно задачи подлинно научного исследования проблем современности сейчас, как никогда, ставят неотложный вопрос об изучении ряда восточных языков, ранее не изучавшихся в нашей стране, и о подлинном овладении языками, в области которых достижения наших ученых уже заслужили всеобщее признание.

Однако изучением языков еще не исчерпываются задачи филологической подготовки. Такая подготовка должна обеспечить критическое использование источников, их исследование, комментирование, научный перевод. Выработка этих научных навыков на базе изучения восточных языков должна занять почетное место в подготовке востоковедов на восточных факультетах и соответствующих отделениях исторических, филологических и экономических факультетов университетов.

Восточная филология в Советском Союзе имеет ряд достижений. Многое сделано советскими востоковедами-филологами в области изучения живых восточных языков, их грамматического строя, лексики и диалектов. Научная разработка и описание некоторых из этих языков, в особенности языков народов Советского Союза (таджикского, башкирского, кумыкского, якутского, каракалпакского, киргизского и др.), является заслугой главным образом советской филологической науки.

Проделана большая работа по созданию алфавитов, правописания, терминологии, нормативных грамматик языков народов Советского Союза.

Издано большое количество двуязычных словарей народов Советского Союза и зарубежного Востока, в том числе китайско-русский и русско-китайский, корейско-русский и русско-корейский, японо-русский и русско-японский, хинди-русский, урду-русский. Подготовляются к изданию ряд новых словарей и нормативных грамматик многих восточных языков.

Опубликованы обнаруженные на территории Советского Союза новые письменные памятники на древних иранских языках (чл.-корр. АН СССР А. А. Фрейман). Значительные успехи достигнуты в изучении памятников древнетюркской письменности (чл.-корр. АН СССР С. Е. Малов).

Большое значение имеют исследования по грамматике китайского языка, по фонетике живых языков иранской группы и т. д.

За последние годы Институтом языкознания АН СССР было издано несколько монографий по отдельным вопросам иранского и тюркского язы-

кознания: «Талышский язык» проф. Б. В. Миллера, «Очерки по фонетике живых иранских языков» В. С. Соколовой, «Очерки по таджикской диалектологии» В. С. Расторгуевой, «Каракалпакский язык» Н. А. Баскакова. Сданы в печать «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» под редакцией чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева и том трудов Института языкознания, посвященный вопросам иранистики. Институтом востоковедения АН СССР изданы: «Хорезмийский язык» чл.-корр. АН СССР А. А. Фреймана, «Сравнительная грамматика монгольских языков» Г. Д. Санжеева, «Исследование по грамматике современного китайского языка» А. А. Драгунова. Сдан в печать том «Ученых записок Института востоковедения», посвященный индийским языкам.

Достижения в области восточной филологии имеются и в научных учреждениях союзных и автономных республик и областей. Академией наук Узбекской ССР подготовлен и опубликован перевод первого тома канона Ибн-Сины (Авиценна), готовятся очерки современной литературы народов советского Востока.

В различных издательствах опубликованы переводы литературных памятников народов Востока, сделанные советскими востоковедами-филологами.

Однако достижения, имеющиеся в некоторых областях восточной филологии, не меняют отмеченного выше положения, что современное ее состояние все еще не отвечает тем высоким требованиям, которые вправе предъявлять к ней советская общественность. Недостаточно благополучно обстоит дело с постановкой преподавания восточных языков. Подготовка специалистов по ряду языков, ранее никогда не изучавшихся в Советском Союзе, до сих пор еще не налажена. Едва лишь начавшееся преподавание индонезийского и вьетнамского языков поставлено явно неудовлетворительно. Университеты и Министерство высшего образования не сумели обеспечить изучение столь необходимых современных языков. Отсутствие учебных пособий и словарей в свою очередь крайне затрудняет овладение многими восточными языками. Растущие культурные связи между Советским Союзом и странами Востока настоятельно диктуют необходимость скорейшей ликвидации существующего отставания.

Нельзя мириться с значительными недостатками в подготовке высококвалифицированных кадров в тех отраслях восточной филологии, которыми издавна и заслуженно гордилось наше отечественное востоковедение. Существенные недостатки наблюдаются, в частности, в области изучения амхарского, коптского, древне- и среднеперсидского, маньчжурского и многих других языков.

Достижения советской археологии, обнаруживающей все новые и новые письменные памятники на согдийском, хорезмийском, парфянском языках, делают особенно важной подготовку филологов, способных исследовать эти памятники, имеющие столь большое значение для изучения мировой истории и истории нашей страны.

Отставание восточной филологии в значительной мере объясняется недостатками организации подготовки филологов-востоковедов.

Ныне ликвидированный Московский институт востоковедения по своим программам был не в состоянии готовить специалистов такого профиля. Массовые выпуски филологически слабо подготовленных людей, способных разбираться лишь в современных текстах и объясняться на соответствующем языке, делали большинство из них мало пригодными для дальнейшей научной работы в области филологии. В настоящее время подготовка филологов возложена целиком на университеты, однако до сих пор там еще не созданы надлежащие условия, обеспечивающие выпуск высококвалифицированных востоковедов.

До настоящего времени попытки восточных отделений филологического факультета МГУ и восточных факультетов других университетов добиться решительного пересмотра программ наталкиваются на недостаточное внимание Министерства высшего образования. Даже восточный факультет ЛГУ, где филологической подготовке уделяется большое внимание, до последнего времени находился под постоянной угрозой сокращения часов, отведенных по плану на восточные языки, на филологическую работу над текстами и т. д. Совершенно очевидно, что вопрос о подготовке востоковедов, хорошо владеющих восточными языками и филологическими навыками, требует к себе неотложного внимания.

Необходимо четкое планирование подготовки востоковедов университетами. Прием специализирующихся по отдельным странам и языкам должен строго сообразовываться с потребностями в соответствующих специалистах, в подготовке востоковедов-филологов по ряду современных и древних языков, ныне нигде в Советском Союзе не изучаемых (южноиндийских языков, языков Юго-Восточной Азии, ряда африканских языков, языков древнего и средневекового Востока).

Необходимо добиться тщательного и продуманного пересмотра существующих программ и учебных планов, с тем чтобы гарантировать подготовку высококвалифицированных филологов, которые в совершенстве знали бы восточные языки, а также подготовку историков и экономистов, владеющих соответствующими филологическими навыками.

Одной из существенных причин недостаточной филологической подготовки востоковедов является слабая языковая практика. Когда мы подчеркиваем совершенное знание восточных языков такими корифеями русского востоковедения, как китаеведы И. Бичурин, П. Кафаров, В. П. Васильев, индоведы Г. С. Лебедев, И. П. Минаев, такими крупными советскими востоковедами, как акад. В. М. Алексеев или акад. И. Ю. Крачковский, то нельзя забывать, что их языковая и филологическая подготовка сочетала хорошую теоретическую школу с неоднократным и многолетним пребыванием в тех странах, язык и культуру которых они изучали.

Необходим решительный перелом и в этом отношении. Обязательная посылка в страны зарубежного Востока на достаточно продолжительный срок студентов и аспирантов филологов, историков и экономистов должна стать составной частью их подготовки. В связи с этим необходимо срок обучения аспирантов-востоковедов увеличить до четырех лет.

Совместная разработка ряда лингвистических, филологических, исторических проблем советскими востоковедами и учеными стран Востока, в частности и в особенности учеными народно-демократических стран Востока, в свою очередь будет способствовать дальнейшему росту подготовки наших востоковедных кадров. Пока совместные работы, так же как и участие ученых стран Востока в наших изданиях и периодических органах, практикуются редко. Между тем положительный опыт такой совместной научной деятельности — подготовка силами ученых Монгольской Народной Республики и советскими монголоведами «Истории Монгольской Народной Республики», ценные консультации китайских ученых, использованные при составлении очерка о Китае в БСЭ и при работе над томами «Всемирной истории» — являются ярким примером плодотворного научного сотрудничества ученых разных стран.

Необходимо также развивать систематические связи и обмен опытом с востоковедными учреждениями и учеными Запада и, в первую очередь, с востоковедами европейских стран народной демократии.

Отмеченные недостатки в области филологической подготовки и отсутствие надлежащих кадров в ряде областей востоковедения являются од-

ной из причин крайне слабого внимания к такой важнейшей задаче, как исследование и публикация восточных источников и литературных памятников.

Институт востоковедения Академии наук СССР располагает уникальным фондом восточных рукописей, ксилографов, редчайших памятников (свыше 60 тыс.). Эти подлинные сокровища еще по-настоящему не изучены и не использованы, хотя их разработка могла бы пролить свет на ряд важнейших вопросов мировой истории и истории нашей родины. Мы не располагаем даже подробными каталогами и описаниями наших драгоценных фондов. Не лучше обстоит дело и с рукописными фондами Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР, где не ведется систематической работы по изучению и публикации рукописей. Только с выходом в свет ценного двухтомного описания рукописного фонда под редакцией действительного члена Академии наук Таджикской ССР А. А. Семенова широкие круги востоковедов получили представление о наиболее ценных памятниках рукописного фонда Института востоковедения АН Узбекской ССР.

С сожалением приходится констатировать, что за последние годы издание памятников и их переводов почти прекратилось. А между тем общеизвестно, какое значение имело издание под редакцией В. В. Струве архивов Джуйбарских шейхов, издание «Путешествия Ибн-Фадлана» — перевод А. П. Ковалевского, «Сиасет-наме» — перевод и примечания Б. Н. Заходера, «Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве» — перевод и исследование Н. И. Конрада, «Кабус-намэ» — перевод, статья и примечания Е. Э. Бертельса.

За последние годы почти не издавалось и основанных на первоисточниках монографических работ.

Следует решительно покончить с недооценкой научного значения и актуальности издания важнейших памятников. Назрел вопрос об организации систематической публикации серии востоковедных источников и памятников, которая может быть осуществлена силами востоковедов Москвы, Ленинграда и научных центров союзных республик.

Невнимание к важности такого рода публикаций приводит к тому, что годами не могло быть завершено издание переводов Рашид ад-Дина или что подготовленный критический текст этого же труда ждал своей сдачи в издательство в течение десяти лет и ныне лишь частично публикуется Академией наук Азербайджанской ССР.

Недооценкой этой важнейшей отрасли востоковедения, которая требует высокого филологического мастерства, очевидно, приходится объяснить и неудовлетворительные условия хранения уникальных рукописных фондов в Алма-Ате и в Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР.

Большим препятствием на пути плодотворного исследования и публикации восточных памятников и текстов на восточных языках как старых, так и самых современных, является крайне неудовлетворительное состояние полиграфической базы.

Отсутствие ряда необходимых восточных шрифтов, устарелость и некомплектность имеющихся — все это затрудняет опубликование рукописей и исследований памятников.

Такие крупные научные издательства, как Издательство АН СССР и издательства некоторых союзных республик, должны иметь специальные восточные отделы с квалифицированным составом редакторов и корректоров-востоковедов, иметь типографии, укомплектованные всеми необходимыми шрифтами и располагающие квалифицированными наборщиками.

Отставание в области восточной филологии, несомненно, в известной мере объясняется и весьма слабой координацией работы отдельных институтов в системе Академии наук СССР, занимающихся восточной филологией, а также отсутствием постоянного контакта между университетами и научными центрами востоковедения Москвы, Ленинграда и союзных республик.

В области изучения стран Востока и проблем современности имеется еще множество неразрешенных и ждущих своего тщательного исследования вопросов.

Совершенно очевидно, что ликвидация недостатков в области восточной филологии не может быть достигнута лишь силами одного какого-нибудь института. Требуется дружная и согласованная работа всех связанных с востоковедением учебных заведений и научно-исследовательских центров.

Плохо работает в области филологии и Институт востоковедения АН СССР. До сих пор Институтом подготовлено и опубликовано очень мало крупных филологических и литературоведческих исследований. При подготовке молодых кадров через аспирантуру не уделяется серьезного внимания диссертационным темам филологического и источниковедческого характера.

Многие секторы Института, в частности сектор языка и литературы народов Среднего и Ближнего Востока, в последнее время не дали ни одного серьезного филологического исследования или крупной литературоведческой работы. Нетерпимо также положение, сложившееся в секторе языков и литературы стран Дальнего Востока. Несмотря на некоторые успехи, сектор еще не удовлетворяет все возрастающие запросы советской общественности в области языка и литературы Китая, Кореи, Монголии, Вьетнама.

Крупные недостатки имеются в организационном руководстве филологической работой со стороны дирекции и филологической секции Ученого совета Института востоковедения.

Перед Институтом стоит неотложная задача в кратчайший срок изжить отставание в филологической работе. Решения, принятые Совещанием по вопросам восточной филологии при президиуме Академии наук СССР, несомненно, помогут ликвидировать имеющиеся недостатки. Необходима быстрейшая реализация этих решений.

Надо признать, что Институт языкознания Академии наук СССР не уделяет достаточного внимания восточным языкам, по ряду языковых групп работа не ведется, при разработке теоретических проблем общего языкознания не привлекаются такие языки, как, например, китайский.

Для расширения работы в области восточных языков необходимо значительное укрепление Института языкознания кадрами востоковедов-лингвистов по ряду языков.

Несмотря на очевидную для всех истину, что нельзя изучать мировую литературу, игнорируя богатейший вклад в нее Востока, Институт мировой литературы им. А. М. Горького мало занимается вопросами изучения литератур народов советского и, особенно, зарубежного Востока.

Результатом известного отставания восточной филологии и малочисленности кадров по ряду восточных языков и литератур является не всегда отвечающие высоким требованиям переводы литературных произведений, научных и публицистических работ с восточных языков. Однако зачастую причина неудовлетворительного качества переводов кроется не столько в недостатке кадров, сколько в упорном нежелании издательств прибегать к помощи и консультации соответствующих научных востоковедных учреждений. Поэтому переводы подчас делаются случайными

людьми, плохо знающими языки и не имеющими представления о стране. Более того, даже тогда, когда к участию в изданиях привлекаются крупные ученые-востоковеды, глубокие знатоки языка, литературы, истории, издательства сплошь и рядом пытаются «улучшать» их научные комментарии и введения. Следствием подобных «улучшений» является искажение и упрощение подлинно научных вступительных статей, послесловий примечаний и т. д. Все возрастающее количество востоковедных изданий и переводов современной восточной литературы требует пополнения аппарата наших издательств филологически подготовленными востоковедами.

Одновременно с этим наши институты должны повысить требования к работам, не допуская сдачи в издательства неподготовленных трудов, так как вообще издание востоковедных работ представляет для издательств значительные трудности.

В борьбе за ликвидацию отмеченных недостатков в вопросах восточной филологии, в систематическом освещении достижений и задач, стоящих перед востоковедами в этой области, большую роль призван сыграть журнал «Советское востоковедение».

Предъявляя высокие требования к идейно-теоретическому содержанию публикуемых в журнале статей по истории, экономике, литературе, языку, редакция будет добиваться исчерпывающего использования источников на восточных языках, независимо от того, относятся эти работы к древности, средневековью или самому новейшему периоду.

Журнал должен своевременно откликаться на все востоковедные работы, уделяя особое внимание монографиям, публикациям и периодическим изданиям на восточных языках. Постановка дискуссий и обсуждение на страницах журнала актуальных и спорных востоковедных вопросов, в частности вопросов восточной филологии, несомненно, помогут изжить имеющиеся недостатки и добиться нового подъема нашей востоковедной науки.

СТАТЬИ

К ВОПРОСУ О ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Е. Э. БЕРТЕЛЬС

Термин «филология» применялся еще древнегреческими авторами, у которых он обычно означал «стремление к усвоению всех знаний своего времени». Значение это в эпоху Возрождения в Италии сужается и начинает прилагаться ко всякого рода деятельности, связанной с изучением римских и греческих древностей. Понятно, что изучение античного мира покоилось прежде всего на исследовании сохранившихся письменных памятников, будь то литературные произведения, научные труды, деловые документы или различного рода надписи. Изучение всего этого наследия, зачастую дошедшего до ученых эпохи Возрождения уже в сильно поврежденном виде, требовало установления правильного чтения любого из этих памятников и затем точного, верно передающего все оттенки оригинала научного перевода с комментированием всех так называемых реалий, т. е. упоминаемых в тексте имен собственных, забытых или изменившихся географических названий, названий предметов быта, архитектурных сооружений и т. п. Понятно, что осуществление такого рода работы требовало совершенного знания языка оригинала, следовательно, разработки грамматических пособий и словарей, а также хорошего знакомства с литературой эпохи и стилистическими особенностями, характерными для того или иного времени, того или иного района. Затем необходимо было, конечно, знание истории, истории материальной культуры и многого другого.

Не приходится поэтому удивляться, что к XIX в. под филологией начали уже понимать изучение совокупности культуры какого-либо народа, осуществляемое, однако, на базе изучения его языка и литературы. Рядом с этим расширенным пониманием термина продолжало существовать и более узкое—критическая обработка текстов, то, что теперь склонны выделять в качестве особой дисциплины под названием «текстология».

С расширением круга изучаемых языков и культур, наряду с филологией античной, вплоть до XVIII в. занимавшей в европейской науке господствующее место, начинают появляться и другие ее отрасли: филология индийская, иранская, арабская, китайская, японская и другие. Каков был взгляд на состав этой дисциплины в конце XIX в., хорошо показывает план известной книги «Руководство по иранской филологии»[1].

[1] «Grundriss der iranischen Philologie, herausgegeben von W. Geiger und E. Kuhn», Strassburg, 1895—1901.

Первый том этого солидного свода составляют сжатые научные грамматики всех известных тогда языков иранской семьи, начиная с гипотетических арийского и праиранского и кончая живыми диалектами и говорами современного Ирана. Второй том содержит статьи: об Авесте, о древнеперсидских надписях, по среднеперсидской литературе, географии Ирана, по истории Ирана от древнейших времен до падения Сасанидов и другие.

Из этого перечня видно, что составители понимали филологию именно как совокупность вопросов культуры, освещаемых преимущественно при помощи изучения языков и литератур.

В наши дни под филологией часто понимают лишь язык и литературу, изучение же старых текстов, т. е. первоначально главный объект филологии, иногда вообще не учитывается. Насколько можно понять, основной мотив такого пренебрежения — недостаточная «актуальность» древних письменных памятников. До сих пор не изжито еще мнение, что подлинное знание современных языков и литератур может быть достигнуто без серьезного изучения истории языков и литературного наследия. Думаю, что здесь еще немалую роль играет и насаждавшееся последователями «нового учения о языке» враждебное отношение к старой письменности.

Попробуем разобраться в этих вопросах более внимательно. Действительно, можно ли считать, что знаешь тот или иной язык, если умеешь только говорить и читать на нем? Возьмем к примеру более знакомую мне область, персидскую прессу. При всем сравнительно не очень высоком литературном качестве предлагаемого персидской газетой материала там на каждом шагу встречаются цитаты из наиболее популярных авторов — Хафиза, Саади, Джелаладдина Руми. Знакомый с их произведениями читатель сейчас же вспомнит, в каком контексте стоит в оригинале та или иная строка, и ему станет понятно, почему данная цитата приведена именно в этом месте. Незнание же цитируемых авторов часто влечет за собой совершенно превратное понимание отдельных абзацев, а иногда и всей статьи в целом. Далее, трудно себе представить газетную или журнальную персидскую статью, в которой не встречалось бы ни одной арабской цитаты — пословицы, изречения, просто коранического стиха.

Следовательно, читателю надо знать и классическую персидскую, и классическую арабскую литературу (последнюю, правда, в меньшем объеме). Необходимо не только узнать цитату, но и уметь определить, насколько точно она приведена. Искажения цитат могут быть случайными, по малограмотности пишущего, но могут быть и намеренными. Иногда искаженная цитата используется как прием, придающий данной мысли особую ироническую остроту. Только уловив это, можно правильно разгадать замысел автора. Отсюда следует, что читатель должен знать также, какой текст классических произведений считается каноническим, общепринятым в данное время, и в какой мере он отвечает оригиналу. Если же, как это часто бывает, печатного издания данного текста еще не существует, то нужно знать, какая и где хранящаяся рукопись этого текста дает наиболее аутентичный текст.

Опыт прошлого показал, что изучение литературного произведения без учета точности его передачи, его подлинности, возможности определить время его написания дает весьма прискорбные результаты.

Особенно это касается Ближнего Востока, где большое число важнейших памятников до сих пор не издавалось ни разу и существует лишь в виде рукописей, иногда весьма трудно доступных. Но даже и то, что издавалось в конце XIX начале XX в. в настоящее время требует сугубо критического отношения, так как по ряду причин многие вопросы

в то время решить не удавалось. Некритическое отношение к изучаемому тексту может жестоко за себя отомстить. Вспомним первые шаги западноевропейской науки по изучению творчества Омара Хайяма[2].

Аналогичная история произошла и с изучением другого популярнейшего поэта, великого лирика Хафиза. О его стихах тоже было написано немало, о них говорили даже такие титаны европейской литературы, как Гёте. Именем Хафиза, правда, не спекулировали, клубов его имени не открывали, роз с его могилы никуда не возили. В 1854—1856 гг. немецкий ученый Г. Брокгауз выпустил в свет в Лейпциге трехтомное критическое издание дивана Хафиза, причем к тексту он приложил ученый комментарий Сурури на первые восемьдесят газелей. Об этом издании писали много. Было принято говорить, что оно впервые дает востоковедам образец такой же основательной критики текста, какую мы находим в многочисленных ученых изданиях античных авторов. Если и возникали сомнения, то лишь в одном отношении: следует ли принимать анакреонтику Хафиза за чистую монету или, следуя восточным комментаторам, толковать его вино как «мистический экстаз», тем более, что в диване было немало газелей, никак не допускавших иного толкования. В 1927 г. в Тегеране была найдена рукопись Хафиза, переписанная через 35 лет после его смерти. Молодой ученый Абдуррахим Хальхали взялся за ее издание, и, понятно, прежде всего сличил ее с изданием Брокгауза. Обнаружилось, что в этой рукописи газелей намного меньше, чем у Брокгауза. Тогда Хальхали решил проверить, не найдется ли в других диванах этих «лишних» газелей, и вскоре установил, что в издании Брокгауза, кроме газелей самого Хафиза, были приведены произведения по меньшей мере десяти других авторов, частью значительно более позднего периода. Следовательно, и тут противоречия объясняются путаницей в текстах.

Эти два примера убедительно показывают, что изучать литературы народов Ближнего и Среднего Востока без соответствующей филологической подготовки и обработки невозможно.

Примерно то же можно сказать и об истории. Для средневековой истории Турции, Ирана, арабских стран основным источником служат многочисленные исторические хроники. Кое-что из этих хроник существует в более или менее критических изданиях, но значительная часть пока доступна или в виде литографий или в рукописях, хранящихся в различных государственных и частных библиотеках. До сих пор нередки случаи, когда ученые, изучая какой-либо отрезок истории того или иного народа, используют в качестве источника имеющуюся у них под руками рукопись. Однако такие рукописи далеко не равноценны. Не говоря уже о многочисленных искажениях, вносимых в течение веков в текст переписчиками, чрезвычайно жестоко обращавшимися с такими данными, как собственные имена, географические названия, даты, в поздних рукописях обычно можно найти еще и множество интерполяций, иногда искажающих приводимые автором хроники факты.

Следовательно, и здесь прежде всего нужно найти наиболее надежную рукопись, а это опять-таки невозможно без предварительной работы филолога.

История различных восточных языков до сих пор существует лишь в очень общих чертах. Так, для персидского языка обычно дается деление на периоды: древнеперсидский, среднеперсидский и новоперсидский.

---

[2] См. *Е. Э. Бертельс.* Шах-наме и критика текста. «Советское востоковедение», 1955, № 1, стр. 89.

Против такого деления, конечно, возразить ничего нельзя. Однако надо заметить, что так называемый новоперсидский язык существует с VIII—IX вв. до наших дней. Многие известные иранисты считали возможным утверждать, что на протяжении этих двенадцати веков персидский язык особо заметных изменений не претерпел и что язык, например, Фирдоуси мало чем отличается от теперешнего литературного языка. Конечно, даже чисто умозрительно поверить в такое изумительное постоянство языка нелегко.

И в этом случае востоковедов конца прошлого века подвел материал. Изучая персидскую литературу по сравнительно новым рукописям или по покоящимся на таких рукописях изданиям, можно действительно придти к выводу, что язык авторов X—XI вв. от языка XX в. отличается мало. Такое впечатление складывается потому, что переписчики лишь в исключительных случаях добросовестно передавали копируемый текст, обычно же считали себя не столько копиистами, сколько редакторами, на обязанности которых лежало устранение всех недостатков переписываемого текста. К недостаткам они причисляли устаревшие, непонятные для них слова, не нравившиеся им метрические особенности и вялые, по их мнению, рифмы. Все это немилосердно «исправлялось», причем переписчик старался сделать строку «осмысленной», то есть, иначе говоря, придать ей тот смысл, который ему самому хотелось. Только в сравнительно недавнее время в результате углубленной работы над текстами и тщательного отбора рукописей как на Востоке, так и на Западе выяснилась техника этих «хранителей старины». Когда тексты X—XI вв. предстают перед нами в своей подлинной форме, становится ясно, что язык их весьма далек от современного литературного языка.

Чтобы нарисовать картину изменений персидского литературного языка, которые привели к теперешнему его состоянию, нужны прежде всего монографические исследования языка отдельных авторов ряда столетий. Однако создать такие монографии можно лишь на базе критических текстов, которые могут подготовить только филологи. Покойный иранский поэт М. Бехар в своей «Сэбкшенаси» (Стилистика) проделал огромную работу, показывающую отдельные стороны языковых изменений, но понятно, что это пока только наметка, предварительная разведка, и что выполнить такую громадную работу в нужном объеме не под силу одному человеку.

В очень многих областях «западоведения» четкое разделение истории, литературоведения и языкознания вполне осуществимо. Языковед уже может пользоваться образцовыми изданиями древних и средневековых текстов, литературовед получает критические издания изучаемых им писателей, историк располагает изданиями хроник, летописей, мемуаров, переписки, деловых документов, архивных материалов. Востоковед же ближневосточник пока не имеет почти ничего и потому не может обойтись без филологии. Таким образом, диапазон знаний, необходимых настоящему филологу, очень велик. Для филологической работы недостаточно знать только одну новейшую форму этого языка. Филолог должен быть знаком с изучаемым языком в его историческом развитии, он должен иметь достаточно четкое представление об изменениях, которые претерпевал словарный запас данного языка на протяжении его истории. Это означает, что в литературных памятниках нового времени он должен уметь отличать стандартные, шаблонные обороты от архаизмов, неологизмов, варваризмов, что, в свою очередь, требует от него знания и тех языков, которые так или иначе были связаны с изучаемым языком и могли дать материал для лексических заимствований. Иногда соседний, лучше сохранившийся язык может

оказать неоценимую помощь при изучении сравнительно хуже сохранившегося и менее изученного языка. Так, например, доступный в большом числе памятников древнеармянский язык дает чрезвычайно много для выяснения деталей менее изученного языка среднеперсидского.

Мы уже говорили, что переписчики старых рукописей нередко заменяли устаревшие, им уже непонятные слова словами, в их время широко применявшимися, и, таким образом, зачастую совершенно искажали переписываемый оригинал. Ученый, незнакомый с историей того языка, памятники которого он изучает, не сможет заметить таких «поправок» и будет в простоте душевной анализировать не творение мастера слова, а «произведение» профессионального каллиграфа.

При подготовке критического издания поэм Низами старейшие рукописи (XIV в.) сплошь и рядом давали явную, казалось, бессмыслицу, новые же рукописи (XV и XVI вв.) предлагали вполне удобопонятный текст. Длительная работа над текстами показала, что текст XIV в. в подавляющем большинстве случаев и был верным и оригинальным текстом, а непонятен он был текстологам лишь в силу недостаточного знакомства с языком поэта и недостаточного знания реалий эпохи. Видимо, переписчики XV в. были примерно в том же положении, как и издатели XX в., с той только разницей, что старые переписчики без всякого пиэтета искажали и делали «понятным» трудный язык Низами, а издатели XX в. бились над текстом до тех пор, пока не выяснили точного значения старого правильного текста [3].

Далее, филолог должен обладать глубоким знакомством с письменностью. Во многих классических литературах (арабской, китайской) смысл художественного произведения иногда раскрывается лишь после того, как удается установить наличие в нем цитат или намеков на цитаты из более ранних авторов. Филологи — китаисты и японисты располагают многочисленными прекрасными справочниками, составленными старыми китайскими учеными и позволяющими легко установить наличие цитаты и ее происхождение. Для Ближнего и Среднего Востока пока таких справочников нет, и ученому приходится или полагаться на свою память и читать возможно большее число старых памятников, или самому составлять необходимое пособие в виде картотеки.

Надо отметить и еще один принципиально существенный вопрос — вопрос о влиянии в литературах. Влиянию одно время склонны были придавать слишком большое значение, в результате чего творчество многих авторов в руках исследователя иногда распадалось на ряд влияний, как сложенный из кубиков домик. Об ошибочности такой «методики» говорили не раз. Но это указание было воспринято как требование полного отрицания возможности какого бы то ни было влияния. Вопроса этого в последнее время старались не касаться, всячески его обходили. Однако отрицать наличие тем, переходящих от народа к народу, можно лишь не считаясь с реальным положением вещей. Учитывать влияния безусловно необходимо, но, конечно, не нужно думать, что этот ключик может открыть любой замок и что в этом весь смысл научной работы. Интересен не самый факт заимствования, а причины его и в особенности те изменения, которые заимствованный материал претерпел на новой почве.

Наконец, совершенно очевидно, что анализ старого текста не может быть достаточно точным, если не определить времени его написания и не знать, каковы были исторические судьбы создавшего этот памятник

[3] См. *Ф. Бабаев*. Работа над текстами Низами. «Известия АН СССР», Отд. литературы и языка, 1941, № 2, стр. 85.

народа в то время, когда было написано само произведение и когда была переписана используемая исследователем рукопись.

Слабое знание истории приводит также во многих случаях к тому, что исследователь, не будучи знаком с характером мировоззрения отдаленной эпохи, начинает вносить в ее характеристику черты современности, приписывает старым авторам взгляды и мысли, которых они не только не имели, но и не могли иметь. В результате стремление к реализму выливается в совершенно обратное явление — создается некая абстракция, в истории реального соответствия не имевшая.

Время переписки обычно устанавливается по так называемому колофону, т. е. сделанной в конце рукописи переписчиком приписке, указывающей дату окончания переписки. Но колофона может и не быть, последний лист рукописи может быть оторван. В таких случаях определение даты производится путем палеографического изучения: изучают почерк, манеру письма, бумагу, переплет и т. д. Для арабской письменности существуют специальные палеографические пособия, дающие фототипические воспроизведения страниц точно датированных рукописей. Для других языков пока таких остро необходимых пособий почти нет, как не имеется в распоряжении востоковеда и достаточно удобных пособий по описанию различных сортов бумаги и способов ее изготовления на Востоке в различные исторические эпохи. Не нужно забывать, что колофон, на который чаще всего опираются при определении возраста рукописи, может быть просто переписанным с колофона оригинальной рукописи или умышленно подделанным с целью увеличения продажной цены рукописи. В таких случаях только изучение при помощи палеографических данных может помочь установить подлинный возраст рукописи.

Филолог, занимающийся изучением рукописного наследия, должен иметь ясное представление обо всех известных мировых коллекциях рукописей, должен знать их печатные каталоги, их систему, степень достоверности сообщаемых этими каталогами данных, примерный состав каждой такой коллекции. Это необходимо, так как при работе над каждым старым литературным произведением нужно прежде всего выяснить, насколько надежен имеющийся в распоряжении исследователя рукописный материал, нет ли где-нибудь рукописей более древних, более близких по времени к написанию самого изучаемого произведения. Обнаружить нужную рукопись можно лишь при условии достаточного знакомства с мировым рукописным фондом. В прежние времена розыски нужной рукописи где-нибудь в далекой зарубежной стране требовали от исследователя дорогостоящих далеких путешествий. Теперь, когда почти всюду можно получить дешевый микрофильм, возможности широкого использования рукописей чуть ли не всего мира чрезвычайно возросли.

Впрочем, отсюда еще не следует, что филологу-востоковеду не нужно теперь бывать в стране, язык, литературу и историю которой он изучает. В процессе подготовки работника-востоковеда командировка в изучаемую страну должна быть признана совершенно необходимой, поскольку надежно овладеть языком можно лишь в соответствующей языковой среде. Не меньшее значение для исследователя имеет непосредственное знакомство с бытом, нравами и обычаями населения, географией изучаемой страны.

Таким образом, нам кажется, мы достаточно убедительно показали, что такой важный аспект филологии, как изучение старых текстов, отнюдь не потерял своей актуальности.

Однако, при всей несомненной важности филологической работы над востоковедными источниками, до сих пор в этом вопросе наблюдается известное отставание. Это прежде всего относится к публикации критических текстов. К сожалению, еще приходится сталкиваться с точкой

зрения, что публиковать тексты классических творений восточной литературы и науки не всегда актуально и нужно. Оправдать такую позицию никак невозможно. Русское востоковедение XIX в. в значительной степени потому и заняло ведущее положение в мировой науке, что давало в большом числе исключительно ценные, не имевшие себе равных и до сих пор не утратившие своего значения публикации текстов.

Едва ли следует считать неактуальной и ненужной работу по подготовке критического издания всех поэм Низами и части поэм Навои. Не нужно забывать, что постановление правительства об издании полного собрания сочинений Навои так и не осуществлено, ибо выпуск в свет нескольких небрежно подготовленных текстов, мало чем отличающихся от старых литографий (в которых, кстати сказать, было меньше опечаток), считать академическим изданием нельзя.

Правда, на пути к осуществлению таких мероприятий имеется еще одно большое препятствие — отсутствие типографской базы. Ленинградская типография Академии наук СССР, еще до недавнего времени имевшая возможность издавать тексты почти на любом восточном языке, в настоящее время устарела и не может дать нужную стране продукцию. Разумеется, создание такой базы совершенно необходимо.

Нужно проявить больше заботы и о подготовке соответствующих исследовательских кадров. Подготовка кадров высококвалифицированных филологов через аспирантуру лишь в сравнительно редких случаях дает ожидаемые результаты, так как трех лет для аспирантов, специализирующихся по восточной филологии, явно недостаточно.

Поэтому для соответствующей подготовки кадров необходимо изменить программу восточных отделений университетов и других учебных заведений, продумав систему введения ряда дополнительных курсов, которые обеспечивали бы выпуск квалифицированных филологов, владеющих техникой текстологической работы. В частности, следует ввести преподавание таких дисциплин, как палеография, эпиграфика и дипломатика. Разумеется, такое изменение учебной программы не должно повлечь за собой сокращения часов, отведенных на занятия живыми современными языками и литературой, которые попрежнему остаются основным объектом изучения. Наоборот, целью всех этих мероприятий должна быть подготовка высококвалифицированных специалистов-филологов, прекрасно знающих современность.

Наши замечания о некотором отставании филологической работы не надо рассматривать как проявление какого-то пессимизма в данном вопросе.

Советский Союз обладает огромнейшими рукописными коллекциями, собранными рядом поколений востоковедов. Достаточно назвать такие рукописные хранилища, как коллекции Института востоковедения АН СССР, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, коллекции Ленинградского университета, огромную ценнейшую коллекцию Института востоковедения АН Узбекской ССР в Ташкенте, небольшую, но интересную коллекцию в Баку, такую же в Сталинабаде, ряд ценных книг и литографий в Алма-Ате.

У нас имеются все условия для развития филологических исследований, для углубленной и плодотворной работы над восточными источниками. У нас есть молодые способные кадры не только в центрах, но и почти во всех республиках, так что при их помощи и там можно вырастить прекрасную смену.

Ведется и значительная филологическая работа. Достаточно сказать, что в данное время мы имеем подготовленными к изданию: законченный

П 12087
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ

еще в 1940 г. и находящийся в настоящее время в наборе образцовый критический текст третьего тома «Джами'ат-таварих» (Собрание летописей) Рашидаддина, «Тарих-и Газани» (История Газан-хана); критический текст остальных четырех поэм Низами (кроме опубликованного в 1947 г. текста «Искендер-наме»); хорошо подготовленные тексты поэм Навои «Лейли ва Меджнун» (Лейли и Меджнун), «Хайрат ал-абрар» (Смятение праведных) и «Саб'аи саййар» (Семь планет), весьма любопытную критическую обработку «Гулистана» Саади, текст которого хоть и был напечатан много раз, но до сих пор научно не издан; прекрасно подготовленный текст исключительной важности и интереса — мемуары поэта XIV в. Васифи «Бадаи ал-вакаи» (Удивительные события); текст первого тома «Шах-наме», впервые подготовленный с привлечением старейших источников; замечательный уникальный текст трактата XI в. «Китаб-е рукн-е мо'амелят» (Книга об основах взаимоотношений), показывающий четко и ясно мировоззрение горожанина того времени и отражающий его резко оппозиционное настроение по отношению к феодальной аристократии.

Ближайшей задачей, стоящей перед советскими филологами, является расширение такого рода работы, подготовка и издание новых образцовых критических текстов восточных памятников.

Пора покончить с мнением, что текстологическая работа перестала быть актуальной. Советские филологи, исследующие языковые, исторические и литературные памятники, должны помнить, что такая работа не означает устремления в прошлое, что она имеет важнейшее значение для изучения живых языков, новейшей литературы и истории зарубежного и советского Востока.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЭПИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА НАРОДОВ СОВЕТСКОГО ВОСТОКА („ГУРГУЛИ“ и „ГЭСЭР“)

И. С. БРАГИНСКИЙ

Устное эпическое творчество представляет собою ценнейшую часть культурного наследия народов СССР и является предметом их национальной гордости. М. И. Калинин ярко охарактеризовал значение эпоса в воспитании чувства советского патриотизма, когда подчеркнул одну из особенностей проводившихся в Москве декад искусства и литературы союзных республик: «С каким восторгом раскованные народы восстанавливают в памяти образы своих эпических и исторических героев. Они отображают их в своих лучших художественных произведениях, которые везут на показ в Москву — сердце советских республик, где каждый из них хочет как бы сказать всем народам СССР: смотрите, я являюсь не из чьей-то милости членом великого союза народов, я не человек без роду и племени,— вот моя родословная, которой я горжусь, и хочу, чтобы и вы, мои братья по труду и по защите идеалов человечества, полюбовались моей родословной! Значит, советский патриотизм берет свои истоки в глубоком прошлом, начиная от народного эпоса: он впитывает в себя все лучшее, созданное народом, и считает величайшей честью беречь все его достижения»[1].

Советские ученые в своих исследованиях убедительно доказали всю антиисторичность и несостоятельность утверждений так называемой исторической школы в фольклористике, отрицавшей творческую роль народа в создании величественных произведений устного эпоса.

Широко были отмечены советской общественностью годовщины таких выдающихся эпических произведений, как армянская эпопея «Давид Сасунский», карело-финская «Калевала». Это были всесоюзные празднества, когда народы СССР, воздавая должное великим произведениям народного гения, обменивались между собой культурными ценностями.

В критическом освоении эпического наследия советской науке приходится преодолевать двоякого рода ошибки: с одной стороны идеализацию всего, что содержится в устной эпической поэзии, с другой стороны, отрицание ценности эпических произведений с «пролеткультовских» позиций. Так был вскрыт антинародный характер эпического сказания о Едыгее, а также дошедшего до нас письменного варианта эпоса о Деде-Коркуде. Одновременно был дан отпор проявившемуся в последние годы нигилистическому отношению к таким эпическим произведениям, как

[1] *М. И. Калинин.* О коммунистическом воспитании. М., «Молодая гвардия». 1945, стр. 73—74.

«Кёр-оглы» (Гуруглы), «Гэсэр» и «Манас». Дискуссии, развернувшиеся вокруг этих произведений, были весьма поучительными, а аргументация, развивавшаяся на этих дискуссиях, имеет серьезное научно-методологическое значение для дальнейшего изучения эпического творчества народов Востока. В силу этого основные итоги и выводы прошедших дискуссий заслуживают того, чтобы стать достоянием широкой научной общественности[2].

* * *

Меньше других подвергался несправедливым нападкам эпос «Кёр-оглы». Азербайджанский эпос «Кёр-оглы» послужил основой для создания одноименной оперы, о которой высоко отзывался И. В. Сталин, заметивший при этом, что «народ свои песни шлифует в продолжение столетий и доводит до высшей ступени искусства»[3]. Однако в отношении таджикского эпоса «Гургули» у некоторых литературоведов наблюдалась тенденция «отказаться» от него из-за того, что этот эпос якобы не самобытный таджикский и не народный по своему характеру. Аргументация в защиту «Гургули» может быть полезной для установления некоторых существенных черт, свойственных народному эпическому произведению вообще[4].

Цикл эпических сказаний, обычно целиком стихотворных, о волшебной стране Чамбул (Чамбули мастон) и ее богатырях Гургули и особенно Авазе занимал в дореволюционном таджикском фольклоре центральное место. Эти сказания исполнялись и поныне исполняются главным образом профессиональными певцами (гургулихон) в сопровождении двуструнного инструмента—дутор. Сводного варианта эпоса не существует, хотя известно и частично записано не менее шести его версий со слов различных исполнителей. Опубликована же самая незначительная часть эпоса, не более 15 тыс. строк[5].

Содержание эпоса «Гургули» в изложении одного из сказителей — Курбон Сафара — следующее.

В стародавние времена (дар вақтҳои эскӣ) было счастливое царство бедняков-дехкан, называвшееся Чамбули мастон. Его устроителем и справедливым султаном (султони боадолат) был бывший пастух Гургулишо. Он родился чудесным образом — в могиле, от красавицы Гулоим-ой, изгнанной из дома злым братом, богатым купцом Ахмадхоном. Отсюда и имя его — Гӯр-ӯ-ғлӣ, что означает «Сын могилы». Вскормила его кобылица, одновременно кормившая и своего жеребенка. Когда жеребенок вырос, он стал быстроногим, крылатым конем, обладавшим человеческим разумом (ақлдор), звали его Зайнулкир (или Кират). Зайнулкир верно служил Гургули. Когда злой Ахмадхон узнал, что в Чамбуле хорошо живется, он переселился туда со своими муллами и чиновниками и с тех пор стал непрестанно сеять раздоры между жителями Чамбула, натравливая их на Гургулишо. У последнего не было детей, но к нему прилетели из рай-

[2] О проблематике изучения эпоса и о борьбе как с нигилистическим отношением к нему, так и с его идеализацией см. *В. И. Чичеров.* Вопросы изучения творчества народов СССР. «Вестник АН СССР», 1952, № 12, стр. 32—44.

[3] См. *У. Гаджибеков.* Пути советской оперы. «Советская музыка», 1939, № 5, стр. 21.

[4] Дальнейшее изложение в части, касающейся эпоса «Гургули», основано на статье автора «Заметки о таджикском эпосе „Гургули“», «Краткие сообщения Института востоковедения», т. IX, 1953, стр. 48—57).

[5] См. *А. Н. Болдырев.* К фольклору Таджикистана. «Труды Таджикистанской базы АН СССР», т. III, стр. 59—73; «Гӯрӯғлӣ». Эпоси халқии тоҷик, т. I. Сталинабад, 1941; *Бобо Юнус Худойдод-вода.* Шеър ва достон ҳ о. Сталинабад, 1941.

ского сада Эрамбог чудесные пэри Огоюнус и Ширмой, которые стали воспитывать приемных сыновей Гургулишо: Хасана, сына ткача (алочабоф), Шодмона, сына охотника (мерган), и Аваза, сына мясника (қассоб). Самым смелым и прекрасным из них был Аваз. Когда Аваз вырос, он поселился в Балхе (Балхубон) и оттуда постоянно наблюдал в подзорную трубу (дурбин) за тем, что творится в Чамбуле. Он всегда приходил на помощь в трудную минуту. «Аваз — благоденствие Чамбула» (Ободии Чамбул Аваз ай) — поется в эпосе. А врагов у Чамбула было много. Цари-тираны — Райхон-араб, Оксок-подшо, Хунхор-подшо и другие — совершали многочисленные набеги на Чамбул. Но Аваз со своими сорока молодцами (чил йигит) разгонял всех захватчиков. Лишь однажды, когда Аваз находился далеко на охоте, враги под предводительством Кишвар-подшо воспользовались предательством Ахмадхона, проникли в Чамбул и, пленив Гургулишо, угнали весь его народ в рабство. Беду почуял верный конь Аваза — Зайнулкир. Аваз бросился в погоню за Кишвар-подшо, отбил у него Гургулишо и остальных пленников, а самого захватчика казнил. В стране, где правил Кишвар-подшо, народ по предложению Аваза избрал себе царем простого дехканина. С тех пор Чамбул процветал, и певец Сокибобо сложил песни-достоны про его богатырей. Эти песни и распевают гургулихоны.

Эта сюжетная канва в самых общих чертах повторяется и во всех остальных вариантах. Однако она служит лишь «рамкой», в которую в различных вариантах вставляются всевозможные сказочные эпизоды самого различного содержания, в том числе и многие известные таджикские сказки. Таким образом, в цикле «Гургули» используется старый прием «рамки», известный в письменной таджикской литературе, например, в таких произведениях, как «Книга попугая» (Тутинома), «Десять вазиров» (Даҳ вазир), «Семь зрелищ» (Ҳафт манзар) и другие. Различные самостоятельные сказки соединяются между собой общим сюжетом и общими героями, которые служат своеобразным связующим звеном.

Поэтому, за исключением четырех-пяти достонов, более или менее общих для каждого из вариантов эпоса «Гургули», остальные достоны резко отличаются друг от друга сюжетом, многочисленными вставными эпизодами и новыми действующими лицами. Вот почему каждый из гургулихонов имеет возможность, избрав темой своего исполнения какие-либо популярные сказочные сюжеты, импровизировать и создавать новые достоны, вводя в них любимых героев и, прежде всего, Аваза.

Каковы же существенные черты эпоса «Гургули», свойственные ему как народному эпическому произведению?

Эпические циклы, связанные с именем Гургули (это имя встречается в различных вариациях), имеются не только у таджиков. Одноименные эпосы есть в Азербайджане, в Армении, у советских курдов. Эпос «Гуруглы» широко распространен в Туркмении, Узбекистане, среди каракалпаков и казахов. За рубежом записан турецкий эпос «Кёр-оглу»[6].

При первоначальном знакомстве с этими эпическими произведениями бросается в глаза их сходство. Оно прежде всего выражается в сочувственном отношении сказителей к борьбе положительных героев эпоса

[6] Азербайджанский эпос— *A. Chodzko.* Specimens of the popular poetry of Persia... Kurroglou. London, 1842, p. 3—344; «Короглу». Тәртиб әдәни М. Тәһмасиб. Баку, 1949; армянский — «„Кёр-оглы“ Народный эпос». Ереван, 1941; курдский — Сб. «Folklora kyrmanca», I. Ереван, 1936; туркменский — «Гёроглы». Ашхабад, 1941; узбекский — подробные сведения в книге: *В. М. Жирмунский* и *Х. Т. Зарифов.* Узбекский народный героический эпос. М., 1947, стр. 164—277; имеются также издания отдельных достонов; турецкий — *В. Радлов.* Образцы народной литературы тюркских племен ч. VIII, СПб., 1899, стр. 1—26.

против угнетателей и насильников, против шахов, султанов, пашей и ханов. Источником этого сходства является, конечно, не заимствование, а сходные условия жизни и классовой борьбы угнетенных масс на средневековом Востоке, вызывающие общие представления, оценки, мотивы. В этих эпических циклах встречаются общие имена основных героев и некоторые похожие эпизоды. Таковы сам Кёр-оглы (Гуруглы, Гургули), его приемный сын Айваз (Аваз), мудрый конь, счастливое царство Ченлибел (Чамбул) и другое.

При дальнейшем изучении этих эпических произведений становится, однако, очевидным, что суть заключается отнюдь не в этих формальных совпадениях и моментах сходства. Эти общие имена и эпизоды служат лишь некоторым сюжетным стержнем, лишь «рамкой» для включения в нее каждым народом своих исконных, самобытных легенд и преданий, своих мифов и образов. Даже то формально-общее, что имеется в различных эпических циклах «Кёр-оглы» (Гуруглы), вовсе неодинаково, а по-своему переосмысливается каждым народом. Так, например, само имя Кёр-оглы, обозначающее в азербайджанском эпосе «Сын слепого», в эпосе таджикском и узбекском воспринимается как Гуруглы, т. е. «Сын могилы»[7].

Роль Гуруглы и Аваза различна в азербайджанском и в таджикском эпосах. В последнем не Гуруглы, а Аваз становится центральным героем эпоса.

Существенно то обстоятельство, что национальные эпосы отражают исторические события, культурные традиции, быт народа, его национальный колорит. В узбекском эпосе все это узбекское, в таджикском — таджикское, в азербайджанском — азербайджанское. Таким образом, надо говорить не о наличии разных вариантов какого-то одного эпоса, а о своем эпосе «Кёр-оглы» (Гуруглы) у каждого народа, содержащем лишь некоторые общие элементы.

Достаточно сравнить любой из меджлисов (сказов) о замечательных походах Кёр-оглы азербайджанского эпоса с одним из узбекских достонов, например, с великолепным фантастическим сказанием «Маликаи Айёр», чтобы убедиться в национальной специфике каждого из этих эпических сказаний, в самостоятельной трактовке в них темы и образов, в оригинальной разработке отдельных сюжетов и эпизодов.

Эпическое творчество, специфическое у каждого народа, никогда не было абсолютно изолировано от эпического творчества других народов. Непрерывно происходил процесс культурного взаимовлияния. Но то общее, что приобреталось в результате этого процесса, вовсе не является одинаковым и тождественным, ибо оно по-своему переосмысливается и преобразуется каждым народом в процессе его самостоятельного творчества.

Следовательно, одна из особенностей народного эпоса состоит в том, что даже при наличии в нем некоторых одноименных с эпическими произведениями других народов героев, аналогичных образов и эпизодов, эпос каждого народа является в конечном счете результатом его самобытного творчества.

Обратимся к другой черте, связанной с идейным содержанием «Гургули». В этом эпосе обращает на себя внимание наличие противоречивых мотивов

[7] Видимо, тут произошла контаминация имени Кёр-оглы со старинным образом героя, родившегося в могиле, образом, давно бытовавшим среди народов Средней Азии, в частности среди таджиков: в Бухаре — «Пури гур» (Сын могилы), в Хорасане — «Гурзо» (Рожденный в могиле). См. *С. Хедайет.* Нейрангестан. Тегеран, 1933, стр. 16.

и идей: передовых, народных и, вместе с тем, некоторых отсталых, реакционных идей.

Эпические циклы «Кёр-оглы» (Гуруглы) возникли в крестьянской среде в эпоху позднего средневековья, в условиях господства феодальных отношений. Это определило их идейное содержание. В этих сказаниях отразились народные думы и чаяния о лучшем будущем, о справедливости, ненависть народа к своим угнетателям, протест против социального неравенства. Именно эти идеи преобладают в эпосе, они и определяют его народный, прогрессивный для своего времени характер. Таково восхваление труда, проходящее через весь эпос. Такова идея об обетованной земле крестьянского счастья. Мечта о такой счастливой земле («Золотой кишлак», «Страна Муравия») свойственна разным народам. В таджикском «Гургули» эта земля носит название «Чамбули мастон», т. е. «Волшебный Чамбул»[8]. В этой стране крестьянского счастья правит справедливый царь, происходящий из пастухов. В некоторых песнях эпоса «Гургули» описывается картина, как дехкане сами избирают себе царя.

Глубоко народен во всех эпических циклах разных народов образ самого Кёр-оглы (Гуруглы). Азербайджанский Кёр-оглы — гроза ненавистных народу насильников-пашей. В армянском эпосе дается следующая характеристика Кёр-оглы.

«Кто с открытым лицом и мужественным сердцем
Бесстрашно защищает бедных и угнетенных[
Кёр-оглы пришел джигитом в этот мир
И мужественно прожил свой век.
Тех, кто был несправедлив к людям и кто жил насилием,
Их, злодеев, судил своим судом Кёр-оглы,
Всегда защищая и помогая добрым и честным людям»[9].

В узбекском эпосе о Гуруглы говорится, что «враги народа были врагами Гуруглы, их уничтожал Гуруглы».

Столь же народным является в таджикском «Гургули» образ богатыря Аваза, который все время враждует с другим богатырем Чамбула — Ахмадом, изображаемым как богач-аристократ, трус, лицемер и изменник, открывающий ворота врагам. Аваз в конечном счете всегда побеждает Ахмада.

Глубоко народной является патриотическая идея эпоса: богатыри различных народностей и племен совместно защищают родной Чамбул от нападения всевозможных иноземных захватчиков и притеснителей, шахов и ханов. И, наконец, народными являются и замечательный юмор и своеобразный «сказочный реализм», пронизывающие весь эпос.

Вместе с тем в эпосе отразилась и крестьянская ограниченность. В него проникли также некоторые реакционные, клерикальные мотивы. Так, в некоторые среднеазиатские достоны врываются фальшивые ноты мусульманского благочестия. Особенно это заметно в редко встречающихся печатных изданиях, выходивших до революции в Ташкенте. В них Гуруглы изображался святым. Не личная смекалка, сила и ловкость, как в народной трактовке, а помощь свыше, от аллаха, участие Хизра и сорока святых (чилтан) — вот что якобы делает Гуруглы счастливым и всепобеждаю-

[8] В таджикской сказке, записанной в 1915 г. в кишлаке Брич Мулло, фигурирует «царство чамбыльского рода». Возможно, это и есть счастливый «Чамбули мастон» либо переосмысленный сказочником, либо неправильно понятый русским переводчиком Н. Митропольским (см. сказку «Хырс-Палван» в сб.: *Б. Ниязмухамедов.* Таджикские сказки. Сталинабад, 1945, стр. 167).

[9] Перевод П. Т. Арутюняна.

щим. Проникают порою в эпос и вредные идеи национальной розни между туркменами и таджиками, изредка — мотивы прославления ханов и богачей.

Не подтверждает ли все это еще одну особенность народного эпического творчества, состоящую в том, что на это творчество, которое складывалось в средние века, не могла не лечь печать крестьянской отсталости, темноты, забитости и ограниченности. Эпос — могучее орудие воздействия на людей, поэтому господствующие классы не только преследовали отдельных народных певцов «Гургули» за неугодное им исполнение достонов про «какого-то языческого героя», но и использовали народный эпос в своих целях, внося в него реакционные идеи религиозного мракобесия, розни между народами, восхваления царей и т. п. Например, в дореволюционной Туркмении муллы пытались превратить Гёроглы в святого (авлия) и дурачили народ, открыв в районе Балханских гор «священную могилу» (мазар), где он якобы был похоронен[10].

Антинародные искажения, вносимые в эпос, обычно бывают двоякого рода. Это либо наслоения, механические добавления, либо искажения, которые становятся органической частью текста эпоса. В первом случае в отдельные места достона включаются строки, органически не связанные с контекстом, посвященные славословию аллаха, царей и святых. Так, в записи эпоса «Гургули», сделанной со слов сказителя Одина Шакара, едва заходит речь о Бухаре, начинается бесконечное восхваление ее мечетей и былой «славы». Во втором случае нарушается сама ткань достона, вносится иная, религиозная, мотивировка поступков героев, извращаются образы эпоса, что превращает народное в своей основе эпическое сказание в антинародное, феодально-ханское произведение (например, письменный вариант «Деде-Коркуда»)[11]. Господствующей тенденцией в народном эпосе является народная, передовая тенденция, она и побеждает, а отдельные искажения эпоса изгоняются из него самими сказителями.

Следующая черта эпоса связана с определением периода его возникновения и складывания. Архаические мотивы, новые сюжеты, модернизированные образы прошлого, причудливо переплетаясь в эпосе, составляют, в конечном счете, единое целое, и лишь тщательный литературоведческий анализ может расчленить это целое и обнаружить в нем вклад разных эпох. Так, таджикский эпос «Гургули», судя по ряду содержащихся в нем мотивов, не мог возникнуть ранее XVII в., и в то же время мы находим в этом эпосе мотивы, восходящие к глубокой древности.

В «Гургули» можно отметить архаичные элементы, отражающие особенности того периода, когда человек в своем воображении воплощал силы природы в человеческих образах, и более поздние элементы, являющиеся отголосками реальных исторических событий времен тюркского каганата (образ Кишвар-подшо), арабского завоевания (образ злого царя Райхон-араба и др.), монгольского владычества, а также ряд элементов, относящихся к XVIII—XIX вв., и т. п. Наконец, сказители «Гургули» в советское время по-новому переосмысливают многие образы, внося в эпос применительно к новым условиям новые идеи и мотивы, отражающие современную действительность.

Следовательно, непрерывное развитие и изменение эпоса, жизнь эпоса — вот что характерно для каждого эпического произведения.

[10] «Героглы». Ашхабад, 1941, стр. 10.

[11] Отказ от того или иного варианта в целом из-за реакционности его содержания не исключает возможности при текстологической работе над сводом эпоса критически использовать отдельные элементы отвергаемого варианта (описание природы, бытовые сцены и др.) для восстановления текста того или иного сказания, составляющего часть эпоса. Так поступают киргизские поэты при работе над сводным текстом эпоса «Манас».

Отсюда и вытекает многообразие версий в эпических произведениях, наличие в них установившихся штампов и «окаменелостей», с одной стороны, и непрерывное обновление, переосмысление старых образов и создание новых, с другой [12].

Эта переплетенность в эпическом произведении архаического, переосмысленного с новым составляет важнейшую особенность эпоса, закономерно выражая преемственность, существующую и в материальной, и в духовной культуре. В новых условиях возникают новые взгляды и представления. Они составляют главное в эпическом произведении. Но старые образы не просто уничтожаются, а сохраняются в измененном, переосмысленном, а иной раз и в устоявшемся, «окаменелом», виде.

В частности, древний культ сил природы преобразуется в поэтизирование людей, героев, на которых переносятся черты сил природы. Об этом писал Ф. Энгельс: «Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил»[13].

Вот почему в народном эпосе «сын неба» («сын бога») выступает обычно вовсе не как религиозный, божественный образ; иногда это попросту образ солнца, сошедшего с неба и перевоплотившегося в героя, самого по себе весьма земного, но обладающего светлыми, сказочными чертами своего прототипа. Это свойство эпоса настолько типично, что его не могли не заметить старые фольклористы. Но, например, «мифологическая школа» в соответствии с присущими ей идеалистической концепцией и нормами метафизического мышления превратила эту черту в абсолют («астральная теория»).

Таким образом, в различных версиях эпоса нужно вскрывать наличие разновременных элементов, результат поэтического отражения многих исторических эпох, и весьма критически подходить к оценке «возраста» эпоса. Древность эпоса следует определять не по древности отдельных его элементов, а по «возрасту» основного его содержания, основных его образов и действующих лиц.

Наконец, следует отметить и то, что при анализе эпического произведения, вобравшего в себя творчество многих веков, можно часто найти исторические прототипы центральных героев эпоса. Тот герой, который даст название эпосу, чье имя является стержнем, на который нанизываются различные предания, чья жизнь и деятельность образуют основную сюжетную канву эпоса,—этот герой оказывается часто опоэтизированным образом реально существовавшего лица.

[12] Для характеристики устойчивости («окаменелости») некоторых поэтических «штампов» в эпических произведениях приведем лишь один пример описания сборов в поход. В парфянской поэме «Ядгари Зареран», текст которой относится к периоду никак не позже VIII в., описываются сборы в поход войск царя Балха Гуштаспа. Рассказывается, как писари производили опись войск, как царь приказал: «С десяти до восьмидесяти лет никто пусть не остается [дома].... Построил колонну, погонщики слонов со слонами идут, всадники на конях едут, возницы на колесницах; множество было топоров, много колчанов, полных стрел», пыль, поднявшаяся от проходившего войска, затмила весь небосвод и т. д. (См. *E. Benveniste*. Le mémorial de Zarêr, poème pehlevi mazdéen. «Journal Asiatique», 1932, CCXIX, стр. 245). В «Гургули»: «Быстро выступили в поход. По всем большим улицам поставили глашатаев. От 70-летнего старца до 14-летнего юноши собрались все, от мала до велика, писари составили тетради-списки (стр. 198). «Палиценосцы вышли на поле боя.... Стрелки пришли, отряды богатырей, копьеносцы идут с копьями, сетеметальщики идут с сетями... всадники на конях...» (стр. 147 и разные), «пыль поднялась до неба, высокие холмы сравнялись с землей, земля вся стала перепаханной...» (стр. 185). Цит. по «Гӯрӯғӯлӣ». Эпосӣ халқии тоҷик, т. I.

[13] *Ф. Энгельс*. Анти-Дюринг. М., 1950, стр 299.

Так, например, установлено, что прототипом для Кёр-оглы послужило реальное историческое лицо, действовавшее в Азербайджане. У армянского историка Аракела Тавризского (XVII в.) и у автора армянского песенника Мушегяна (начало XVIII в.) имеются данные о действительно существовавшем Кёр-оглы. Аракел Тавризский пишет: «Это тот Кёр-оглы, который сочинил много песен, которые ныне распевают ашуги»[14]. Он называет Кёр-оглы одним из вождей восстания против иранского шаха Аббаса и турецкого султана Мурада. Об этом пишет и Мушегян[15].

Первоначально эпический цикл «Кёр-оглы» сложился, таким образом, в азербайджанской народной среде. Свою мечту о народном мстителе, избавителе от гнета пашей и султанов, народ связал с личностью Кёр-оглы. Народ создал поэтический образ Кёр-оглы, мало похожий на реальную историческую личность. Исторический Кёр-оглы давно забыт, сведения о нем извлекаются из архивов, а поэтический образ Кёр-оглы живет до сих пор, переосмысленный у разных народов и послуживший основой для создания различных самобытных национальных эпосов.

* * *

Эпические сказания о справедливом и могучем Гэсэре, «искоренителе десяти зол», бытуют в течение веков у народов Центральной Азии — в Бурят Монголии, Монгольской Народной Республике, а также в Тибете и во многих других районах Китая. По свидетельству известного исследователя бурятского фольклора М. Н. Хангалова, сказания о Гэсэре занимают у бурят первое место среди других эпических произведений устной поэзии, а сказители, воспевающие Гэсэра, особо почитаются. Послушать их буряты собираются при всяком удобном случае. В тяжелые годы, когда свирепствуют болезни, или при сборах в дальний путь, всегда, рассказывает М. Н. Хангалов, бурят стремится услышать рассказ о Гэсэре или сам запевает запомнившийся ему отрывок из этой эпопеи, полное исполнение которой занимает, по преданию, девять ночей и девять дней[16]. Так велика была популярность эпоса «Гэсэр» в народе.

Этот эпос широко распространен и поныне. В 1941 г. были опубликованы две песни (унгинской версии) из эпоса «Гэсэр» на бурятском языке[17]. Примерно тогда же был в Улан-Удэ составлен Намжилом Балдано сводный текст «Гэсэра» в девяти песнях (так называемых ветвях), который и был построчно переведен на русский язык. В Бурят-Монголии предполагалось отметить юбилей эпоса. Однако после появления в конце 1948 г. монографии академика С. А. Козина о монгольском эпосе[18], в которой Гэсэр отождествлялся с Чингис-ханом, некоторые товарищи выступили в печати с резко отрицательной оценкой эпоса «Гэсэр» как реакционного, феодально-ханского[19]. После этого любое выступление с иным мнением об эпосе «Гэсэр» встречалось тогдашним руководством Союза советских писателей Бурят-Монгольской АССР (председателем правления которого был тогда Ц. Галсанов) как буржуазно-националистическое.

---

[14] «Кёр-оглы». Ереван, 1951, предисловие.

[15] Там же.

[16] См. *М. Хангалов*. Балаганский сборник. Томск, 1908. Отзыв М. Хангалова цитировался на дискуссии о «Гэсэре» Б. И. Панкратовым. См. «Стенограммы дискуссии о „Гэсэре" в Институте востоковедения АН СССР», стр. 39—40 в рукописном фонде библиотеки Института востоковедения АН СССР (в дальнейшем — Рук. ф. б. ИВ).

[17] «„Гэсэр" героический эпос бурят-монгольского народа», под редакцией Ц. Галсанова. Улан-Удэ, 1941.

[18] *С. А. Козин*. Эпос монгольских народов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.

[19] См. «Бурят-монгольская правда», 17 декабря 1948 г.

Однако ученый-монголовед Ц. Дамдинсурэн выступил с противоположной точкой зрения, и Институт востоковедения АН СССР в 1948 г. вынес этот вопрос на широкую дискуссию, результатом которой была поддержка позиции Ц. Дамдинсурэна. В феврале 1953 г. объединенной сессией Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры и Института востоковедения АН СССР было принято решение: «В результате обсуждения представленных докладов сессия пришла к единодушному мнению, что бурятский эпос «Гэсэр» имеет народный характер»[20].

В ходе дискуссии пришлось прежде всего отвергнуть попытку некоторых товарищей уйти от решения вопроса с помощью ссылки на то, что эпос «Гэсэр» вообще мало изучался или что степень его изученности не позволяет еще выносить суждение о характере эпоса в целом. Изданных материалов по «Гэсэру» оказалось вполне достаточно[21], чтобы не откладывать решения вопроса о его характере до какого-то неопределенного срока.

В ходе дискуссии выявились основные черты эпоса «Гэсэр». Прежде говорилось о разных «вариантах» эпоса «Гэсэр»: тибетском, монгольском, бурятском. Известное родство между этими тремя «вариантами» «Гесэра», несомненно, имеется. Однако и здесь при более глубоком подходе становится ясным, что мы имеем дело с тремя самобытными эпическими произведениями, каждый из которых нужно изучать и оценивать в свете условий своей страны, условий той среды, где оно развивалось и где оно поныне распространено.

Далее, анализ «Гэсэра» показал наличие в его содержании противоречивых элементов (как и в «Кёр-оглы»). С одной стороны,— замечательные картины, рисующие как Гэсэр борется с чудовищами, вредящими народу, и раздает отвоеванное им добро простым людям. С другой стороны, особенно в письменных версиях, воспевание Гэсэра как божества десяти стран света, восхваление того, как он насаждает буддизм.

В «Гэсэре» можно отметить также элементы, отражающие различные эпохи. Мы видим и «гороподобного» Гэсэра, на которого перенесены мифологические черты божества гор, мы встречаемся и с версиями, где мифологический образ толкуется сказителем в клерикально-буддийском смысле. В одной версии Гэсэр — справедливый царь, выходец из народа, в другой — он хищный завоеватель. В различных версиях «Гэсэра» мы видим то отголоски анимизма и тотемизма, то (хотя и значительно реже) отражение ханских междоусобиц и феодальных идей. Следовательно, необходимо дифференцированно, критически подходить к оценке разных версий и различных элементов эпоса.

---

[20] «О характере бурятского эпоса „Гэсэр". Доклады и материалы...», Улан-Удэ, 1953, стр. 199 (в дальнейшем — «О характере... эпоса „Гэсэр"»).

[21] См. *Г. Н. Потанин*. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, т. 2. СПб., 1893. (Тангутская и бурятская версии «Гэсэра»); *Г. Н. Потанин*. Очерки Северо-западной Монголии, вып. IV, СПб., 1883. (Фрагменты отдельных, преимущественно бурятских, версий «Гэсэра»); «Монголо-ойратский героический эпос». Перевод, вступительная статья и примечания Б. Я. Владимирцова, Пг.—М., 1923; «Образцы народной словесности монгольских племен, тексты, т. II. Произведения народной словесности бурят. Эпические произведения эхирит-булагатов. Гэсэр-Богдо». Л., Изд-во АН СССР, вып. I, 1930; вып. II, 1931.; «„Гэсэр"— героический эпос бурят-монгольского народа». Улан-Удэ, 1941. Русские переводы акад. С. А. Козина — первой части так называемой пекинской версии Гэсэра, песни 1—7: («Гессериада. Сказание о милостивом Гесер Мерген-хане — искоренителе десяти зол в десяти странах света». Перевод, вступительная статья и комментарии С. А. Козина. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1935) и ее второй части, песни 8—13 (не опубликовано); *С. А. Козин*. Эпос монгольских народов 1948; машинопись русского перевода сводной версии бурятского эпоса «Гесер» (в девяти песнях) в рук. ф. б. ИВ (в дальнейшем—«Сводная версия»).

Имеется гипотеза и об историческом прототипе Гэсэра. Ц. Дамдинсурэн, опираясь на многочисленные письменные источники, доказывает, что исторический Гэсэр — это князек, правивший в Амдо (Тибет) в XI—XII вв. Имя его забыто, но по некоторым письменным преданиям он был относительно справедливым князем, много претерпевшим от более сильных князей. Этот факт и послужил, вероятно, причиной того, что этот безвестный князек стал прототипом для народного сказания о могучем и справедливом царе. Это не прототип в обычном, литературоведческом, смысле. Точнее — это использование исторического имени для того, чтобы оформить давно зреющий в народных массах поэтический образ народного героя, на которого перенесено множество архаических и мифологических черт из древних сказаний[22]. Таковы были некоторые особенности, выявленные в эпосе «Гэсэр» и присущие вообще многим эпическим произведениям.

Выявление этих черт в «Гэсэре» подводило к оценке этого эпоса как произведения, типичного для народного творчества. Однако окончательно решить вопрос о характере эпоса «Гэсэр» можно было лишь путем развернутого анализа текста различных версий, выявления специфики эпоса и определения того, какие идеи в нем преобладают. При этом важны были не столько отдельные детали, сколько цельное сказание, основное сюжетное содержание, весь комплекс образов и идей. В связи с этим уместно напомнить слова И. В. Сталина о том, как нужно подходить к оценке литературного произведения: «Разве ценность брошюры определяется отдельными частностями, а не её общим направлением?» [23]

Кроме перечисленных опубликованных версий бурят-монгольского «Гэсэра», имелась упомянутая выше неопубликованная сводная версия «Гэсэра» в девяти песнях, полностью переведенная на русский язык. Вот ее краткое содержание.

Ветвь первая. Описывается жестокая борьба 55 добрых западных небожителей (тэнгри) во главе с Хан-Хурмасом Тэнгри против 44 злых восточных небожителей во главе с Атай-Уланом Тэнгри. В результате победы добра над злом, Хан-Хурмас Тэнгри разрубает поверженного Атай-Улана на семь частей и бросает их на землю. Из этих частей тела вырастают чудовища, приносящие неисчислимые бедствия людям[24]. Чтобы спасти людей, нужно отправиться на землю любимому сыну Хана-Хурмаса Тэнгри — Бухэ Белигтэ батору.

Ветвь вторая. Сын Хурмаса Тэнгри проходит через земное перевоплощение, он вновь рождается на земле в виде мальчишки-сопляка, сына бедной искалеченной старухи и получает имя Гэсэр. Мать его в результате чудесных родов исцеляется. Уже с младенческих лет Гэсэр проявляет свою ловкость и силу. С самого начала его недоброжелателем и врагом является его дядя Хара (черный) Зутан. Благодаря победе на состязаниях Гэсэр добывает себе трех прекрасных жен: Тумэн-Жаргалан, Урмай-Гохон и Алма-Мерген.

Ветвь третья. Из головы Атай-Улана выросло чудовище Архан Хара Шудхер, т. е. Архан — черный дьявол, которое висит между небом и землей и пытается проглотить луну и солнце, чтобы повергнуть землю в веч-

[22] См. подробнее в диссертации Ц. Дамдинсурэна «Исторические корни Гесериады» стр. 289—300. (Рук. ф. 6. ИВ).

[23] *И. В. Сталин.* Соч., т. 12, стр. 112.

[24] Предание о «99 небесах», вернее небожителях (тэнгри), о главном среди них Хан-Тюрмас Тэнгери и его любимом сыне Гэсэр Богдо приводится также в соч. А. В. Потанинной «Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю». М., 1895, стр. 6.

ный мрак. Гэсэр побеждает чудовище и спасает для людей свет солнца и луны.

Ветвь четвертая. Огненное всепожирающее чудовище Гал-Нурмын-хан, также происшедшее от Атай-Улана, наносит жестокий урон людям. Гэсэр побеждает чудовище, а награбленное им богатство раздает людям, пострадавшим от чудовища.

Ветвь пятая. Небывалых размеров тигр Орголи — пестрое чудовище — пожирал народ и все его достояние. Гэсэр убивает тигра и извлекает из его утробы все проглоченное богатство, которое также раздает народу.

Ветвь шестая. Уродливое страшилище с чугунно-черным хвостом, кровожадный Шырым Мината — дьявол пожирал целые племена. Гэсэр поклялся освободить народ от этого страшилища и, несмотря на происки Хара Зутана, добился победы над дьяволом.

Ветвь седьмая. Победа Гэсэра над злым чудовищем Абарга Сэсэн Мангадхаем, который похитил с помощью Хара Зутана старшую жену Гэсэра красавицу Тумэн-Жаргалан. Гэсэр после одержанной победы благополучно возвращается со своей женой в свои владения.

Ветвь восьмая. Победа Гэсэра над страшным драконом Лойр Лобсоголдой, с помощью колдовства превратившего Гэсэра на некоторое время в «осла-труженика». Большую роль в спасении Гэсэра и в его победе сыграла его жена Урмай-Гохон.

Ветвь девятая. Победа Гэсэра над ненавистными народу тиранами-захватчиками ханами Шарайдай (Шороголдой), порождением Атай-Улана.

Из этого главного содержания эпоса, а также из других многочисленных сюжетных мотивов и общего идейного направления наиболее популярных в народе версий можно сделать вывод о том, что в эпосе преобладает народная тенденция. «Гэсэр» — это грандиозная эпопея о народном герое, выходце из низов, борющемся против зла ради блага народа и пользующемся покровительством мифических (языческих) божеств. Гэсэр в «Сводной версии» является земным перевоплощением мифического божества, связанного с древним культом сил природы и прежде всего солнца. Идея эпоса связана неразрывно с этическими воззрениями народных масс, со взглядами простого народа на добро и зло. Это выявляется еще отчетливей при более подробном рассмотрении основных образов и сюжетов эпоса.

Народное представление о добре и зле. У трудящихся масс бурят-монгольского народа издавна сложились, судя по эпосу «Гэсэр», очень ясные взгляды на добро и зло. Добро — это то, что хорошо для народа — труд, довольство, взаимная поддержка в тяжелой обстановке, отдых и забавы после напряженного труда, справедливое распределение благ — каждому его доля. Эти взгляды, сложившиеся еще в период первобытно-общинных отношений, развились уже в условиях классовой борьбы. Зло — это то, что плохо для народа — хищнический захват нажитого трудом имущества, притеснения и насилия ханов и феодалов, разбой и вторжение иноземных завоевателей. Народ познал это зло в процессе своего исторического развития и установил вполне определенное, резко отрицательное отношение к этому злу.

С добром и злом общественным тесно связаны добро и зло, исходящие от сил природы. Добро — это солнце, свет, благодатный дождь, которые множат урожаи, облегчают труд, увеличивают богатство. Зло — это мрак, болезни, мор и засуха, несущие голод, не дающие возможности пожинать плоды труда, помогающие ворам и разбойникам нападать на мирных людей, а тиранам и захватчикам — угнетать народ.

Эти бесхитростные представления о добре и зле бурятский народ и воплотил в образы эпоса в самых различных формах. Борьба 55 добрых

тенгринов западной части неба против 44 злых тенгринов восточной части неба — это борьба добра и зла для людей, хотя и происходит она в мифической заоблачной выси. Исход этой гигантской борьбы интересует сказителя и слушателя не с точки зрения победы неких абстрактных Добра или Зла, а с точки зрения вполне реальных для народа результатов.

Еще конкретней, реалистичней идея борьбы добра и зла выражается в борьбе Гэсэра со своим дядей Хара Зутаном (Цотон — в монгольском эпосе), являющейся одним из основных эпизодов большинства версий. Хара Зутан наделен всеми реальными чертами предателя, богача-насильника, захребетника: он искалечил мать Гэсэра и пустил ее по миру; он пригласил врагов, когда Гэсэр покидал родную страну; он открыл иноземным захватчикам ворота. Хара Зутан — это образ конкретного носителя зла на земле, равно как Гэсэр — носитель земного добра.

Народ — величайший оптимист, и поэтому, как и в эпосе всех народов, в «Гэсэре» добро в конечном счете торжествует. Эта победа добра над злом представляет ведущую идею «Гэсэра».

Человечность образа Гэсэра. Уже отмечалось выше, что на Гэсэра перенесены многие древние мифологические представления. Подлинный прототип Гэсэра следует искать в мифе, как давно уже отмечал Б. Я. Владимирцов. Не случайно одним из важнейших его подвигов является победа над чудовищем, стремившимся проглотить солнце. Отсюда Гэсэр и изображается в «Сводной версии» сыном божества света Хурмаса Тэнгри (монгольский Хормуста) и сам обожествляется, на него переносятся многие черты культа природы — солнца, гор и т. п.

При все этом Гэсэр глубоко человечен, и ничто человеческое ему не чуждо. При его рождении отец говорит о нем ласково:

«К старости-седине
Сына заимели.
Хоть соплив и плох наш
Рожденный, выношенный ребенок,
Обычным путем появившийся сын»[25].

Гэсэр любит своих жен земной любовью, он хочет сытно поесть, он страдает, как живой человек, он не свободен от обычных людских недостатков — бывает забывчив, может вспылить и т. п. Это сочетание в Гэсэре мифологических свойств с чертами обычного человека прекрасно передано в эпосе показом противоположности, существующей между его внешностью и сущностью.

По внешности Гэсэр выглядит вначале невзрачным: «платье на Гэсэре изодранное, худое; сам грязный, сопли висят ниже губ»[26]. И лошадка у него невзрачная: «тощенького лошака оседлал»[27], как у Иванушки-дурачка. Но под этой неприглядной внешностью Гэсэра таится человек большого дерзновения и богатырской силы. Сущность его героическая. Таким он на протяжении всего эпоса и проявляет себя.

Чудесное рождение героя. Само рождение воспеваемого народом героя представляется как необыкновенное явление и, что наиболее важно, как преодоление зла, чинимого коварным насильником. Мать Гэсэра, изгнанная злым братом, избитая и изуродованная, лишенная всего своего добра, обреченная на голодную смерть, рождает Гэсэра от непорочного зачатья, и сын спасает ее от лишений и гибели.

[25] «Сводная версия», стр. 153.
[26] *Г. Н. Потанин.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, т. 2, стр. 10.
[27] «Сводная версия», стр. 238.

Первые подвиги Гэсэра. Гэсэр-ребенок изображается «пачкуном и плаксой». Он должен пройти через ряд испытаний, чтобы закалиться и стать героем. Первые его подвиги — это победы над животными — вредителями полей. Еще будучи младенцем, он побеждает огромного шмеля, змею и осу, величиной с теленка[28]. Юношей он истребляет полевого вредителя оготона-горностая величиной с вола, истреблявшего пастбища[29]. В последнем подвиге отмечается уже не только богатырская сила и сноровка героя, но и та польза, которую он своим действием приносит народу, скотоводам. Замечательные подвиги этого «паренька» (его зовут еще Нюсата Нюргай) отражены во второй песне «Сводной версии»

Личная жизнь героя. Романтическая часть эпоса связана с тем, как Гэсэр достает себе жен-красавиц. Злые ханы Шарабуловы (иначе — ханы шарайдай, шараблинские ханы, или у монголов — шарайгольские) или, по другой версии, чудовище Абарга Сэсэн Мангадхай похищают его старшую жену. Гэсэр отправляется на них походом, от родного края у Черного моря в страну врагов, к Желтому морю, отвоевывает свою жену и с большими приключениями возвращается домой. Эти эпизоды акад. С. А. Козин остроумно именует «Илиадой» (доставание жены) и «Одиссеей» (возвращение домой) Гэсэра[30].

Борьба героя против носителей зла. Главные подвиги героя связаны, однако, не с его личным счастьем, а с борьбой против всевозможных чудовищ, наносящих народу неисчислимый вред. Не через один искус проходит герой, прежде чем совершает главные подвиги. Вот он из-за своей легковерности обращается злыми демонами в «осла-труженика» (или рыжую клячу) и долго должен терпеть это тягостное и унизительное положение[31]. Он должен пройти между двумя сходящимися скалами (бурятскими Сциллой и Харибдой), которые грозят раздавить каждого, кто появляется между ними. Однако ему удается так быстро проскользнуть между ними, что скалы, не причинив ему вреда, с огромной силой сталкиваются друг с другом и разбиваются в мелкие камни[32].

Он побеждает сказочно огромного тигра, способного замечать человека уже за сутки пути от него, а за полпути — его проглатывать[33]. В «Сводной версии» о нем говорится:

«Когда Орголи — пестрое чудовище,
Раскрывая-раскрывая рот, жует,—
С опушек крайней тайги
Сандаловые черные деревья
В рот попадают ему»[34].

Этими подвигами открывается ряд богатырских деяний, совершенных для спасения людей и на благо народа. Среди них борьба с чудовищами и, в особенности, борьба с пятнадцатиголовым Мангадхаем (Абарга Сэсэн), с девятирогим Дыр (Рдыр), с мифическим Гал Дульма и другими. В некоторых версиях рассказывается о борьбе Гэсэра с двумя оборотнями — черным вороном и святым ламой[35]. Между прочим, ойратский герой Бум Эрдэ-

[28] См. *Г. Н. Потанин.* Тангутско-тибетская окраина, т. 2, стр. 66—67.
[29] См. *С. А. Козин.* Гесериада. М.—Л., 1935, стр. 46.
[30] См. *С. А. Козин.* Эпос монгольских народов, стр. 175 и сл.
[31] См. «Сводная версия», стр. 731—905.
[32] Ср. «Гэсэр». Улан-Удэ, 1941, стр. 70.
[33] См. *С. А. Козин.* Гесериада, стр. 95—98.
[34] «Сводная версия», стр. 521.
[35] См. *С. А. Козин.* Гесериада, стр. 46. Ср. со «Сводной версией», стр. 74.

ни также побеждает шамана, что свидетельствует о не слишком почтительном отношении эпоса к священнослужителям[36].

Любопытен эпизод, встречающийся в некоторых версиях, описывающий поход Гэсэра против змея Хорто-Шоро для спасения трех дочерей хана Хордэга, обреченных на съедение.

Гэсэр не нападает на другие земли, а борется либо с чудовищами, либо с захватчиками, напавшими на его страну, на ее мирных жителей. Когда он по собственной инициативе направляется в поход в Двуречье, то это вызвано необходимостью предотвратить нападение злых хорских (монгольских) ханов на его страну[37].

Не менее поучителен и такой эпизод. Когда китайский богдыхан в трауре по умершей любимой жене отрывает всех своих подданных от их трудов с тем, чтобы они денно и нощно оплакивали царицу, в результате чего страна приходит в запустение, — Гэсэра призывают в Китай. Гэсэр помогает трудящимся людям восстановить нормальную жизнь и мирно возвращается домой, с благодарностью провожаемый населением, спасенным от произвола своего богдыхана[38].

Всеми своими поступками Гэсэр проявляет себя как гуманный герой, как богатырь, борющийся против зла за добро в их народном понимании.

Идея о стране народного счастья. Как уже отмечалось выше, широко распространенной идеей народного эпоса является идея о стране народного счастья, которой правит «хороший царь», справедливый правитель. Мечта о «хорошем царе» вдохновляла крестьянские движения средневековья. Это была несбыточная, утопическая мечта, упорно державшаяся в крестьянской среде разных народов.

Именно такая страна рисуется и в эпосе «Гэсэр». В тангутском эпосе это страна Лынг, где не было угнетения, и народ получал дань от муравьев, реки, ветра и птицы. «От этой дани народ богател и благоденствовал под управлением царя Чагэна... После него воцарился Чотончжаву (бурятский Хара Зутан, монгольский Цотон.—*И. Б.*). Это был плохой царь»[39].

Когда Гэсэр одерживает победу, он восстанавливает положение лишь с помощью упорного труда людей. «Он начал строить город... С этим народом и при помощи богов Гэсэр построил город. Люди набили раны на плечах, скот набил раны на спинах и исхудал, таская землю и камни»[40]. Богатства побежденных врагов Гэсэр не берет себе, а отдает народу. «Теперь богатство Дыря и богатство хорских царей соединились в Лынге, и Лынг разбогател»[41]. Трудом и победой над захватчиками достигается счастье на земле Лынг.

В монгольском эпосе описывается жизнь после победы над Ангдюльма. «...В безлесной, бестравной земле поросли и леса и травы... запели, заголосили там приятными голосами всякие птицы и звери и в пустынной земле поросли фиговые деревья, леса древа премудрости и забили ключи живой воды, расаяны. Холодная земля стала теплой. В стране метелей и буранов не стало ни снегов, ни ливней»[42].

---

[36] О трактовке Бум Эрдени как феодального героя см. *Г. Д. Санжеев.* Вступительное слово в кн. «О характере... эпоса „Гэсэр“», стр. 16.
[37] См. *С. А. Козин.* Эпос монгольских народов, стр. 214—221.
[38] См. *Г. Н. Потанин.* Тангутско-тибетская окраина, т. 2, стр. 80—85. См. также *С. А. Козин.* Гесериада, стр. 99—109.
[39] *Г. Н. Потанин.* Тангутско-тибетская окраина, т. 2, стр. 3.
[40] Там же, стр. 11.
[41] Там же, стр. 37
[42] *С. А. Козин.* Эпос монгольских народов, стр. 215

Такая же картина рисуется и в бурятском эпосе. И здесь все награбленное чудовищами (Мангадхаем, Лобсоголдоем) у народа возвращается Гэсэром народу. И здесь подчеркивается, что Гэсэр стремится наладить мирную жизнь поселян.

Кроме ведущей идеи эпоса и его общей направленности, народная тенденция проявляется во множестве поговорок и поучений, высказываемых в песнях эпопеи. Любовь к родной земле прекрасно выражена в следующих словах: «Человек, имеющий родину, хочет возвратиться на родину, а человек, имеющий воду, хочет возвратиться к своим водам»[43]; или «Чей сын чужое похищает и уводит? Какой человек должен терпеть похищение и увод и сидеть дома?»[44].

Острое выражение социального протеста, резкая оценка власть имущих дана в следующих словах юного Гэсэра, которого мать уговаривает отказаться от борьбы. «Ты рассуждаешь по-женски... уйти в горы —сожрут властвующие там черти... остаться под властью нойона (феодала) — все равно убьет по привычке к убийству: ведь законы-то у них одинаковы»[45]. Или — «Кто дом строил — позади сидит, а кто веточки резал — впереди идет»[46], «Пришел сборщик — хуторянам же его и угощать»[47].

Эти настроения социального протеста часто передаются с замечательным народным юмором.

Так, например, когда Цотон весьма нелюбезно встречает своего племянника Гэсэра и сулит ему черную землю и болезни, Гэсэр говорит: «Слушайте, добрые люди, что мне посулил в дар добрый князь-барин: и свою землю и даже ваши болезни! Буду теперь и я, как нойон; не сметь без моего позволения ни заплакать, ни чихнуть, ни кашлянуть»[48].

С богами эпос обходится не слишком почтительно. Они часто изображаются драчливыми, щипающими и шлепающими друг друга, капризными, вралями.

Художественный метод эпоса представляет своеобразное, причудливое сочетание самой необузданной фантазии и гиперболизма с реалистичностью в деталях, доходящей до натурализма. Этот противоречивый метод, столь характерный для творчества многих народов, и может быть назван методом «сказочного реализма».

В народной фантазии нет и следа мистики. Главное орудие борьбы героев эпоса — это их богатырская сила, смекалка, порою плутовство и лишь изредка помощь мифических божеств.

Именно эти черты и особенности эпоса «Гэсэр» и подтверждают положение о его народном характере.

Реакционные элементы проявляются в некоторых версиях, в извращении ряда эпизодов, мотивов и идей эпоса. Эти извращения выражаются в следующем.

1. Божество из эпизодического помощника превращается в некоторых версиях в главный субъект эпоса. В подвигах Гэсэра подчеркивается не его богатырская сила и сметливость, а то, что он действует как божество, выступающее против духов, демонов и абстрактного Зла. Хурмас Тенгри (монгольской Хормуста) теряет свою мифологическую сущность и становится выразителем божественной воли Будды.

---

[43] *Г. Н. Потанин.* Тангутско-тибетская окраина, т. 2, стр. 77.
[44] Там же, стр. 102.
[45] *С. А. Козин.* Эпос монгольских народов, стр. 168; см. также *С. А. Козин.* Гесериада, стр. 58.
[46] *С. А. Козин.* Эпос монгольских народов, стр. 168.
[47] Там же; ср. *С. А. Козин.* Гесериада, стр. 50. «Пришел бодочей (сборщик), хотонцам (поселянам) же его и угощать».
[48] *С. А. Козин.* Гесериада, стр. 67.

2. В народные понятия добра и зла привносится религиозное буддийское толкование.

3. Народная идея «хорошего царя» толкуется иногда аристократически, путем изображения царя великим ханом, присваивающим себе богатства, завоеванные им у противников, и устанавливающим мировое господство.

4. Вместо реалистических черт (пусть сказочных, но сохраняющих конкретную естественность и живые бытовые особенности), при изображении героев и их действий на передний план выступают абстрактные мистические образы.

Так, например, в письменной монгольской версии «Гэсэра» в 9-й песне Гэсэр отвечает, почему нельзя убить Цотона: «„Вот каков Цотон: забуду-ли что́, — он напомнит, а сном позабудусь, — разбудит. Не будь его, я мог бы и не справиться со всеми своими делами, предавшись своим радостям. Вот потому-то одним на тысячи моих двойников-хубилганов является этот злодей Цотон... И я покажу тебе наглядно, мой Дзаса Шикир, почему Цотона не следует убивать!" И он отпустил весь народ и сказал: „Ну-ка, подойди сюда, дядюшка Цотон!". Цотон встал, подошел..., и вдруг оба они, и Богдо (т. е. Гэсэр.— *И. Б.*) и Цотон, сделались похожи, как один человек»[49].

Здесь живая народная идея о борьбе конкретного носителя добра против конкретного носителя зла подменена, извращена религиозно-мистической идеей о борьбе двух абстрактных начал внутри человеческой души.

Этот пример лишний раз показывает, что реакционные элементы в «Гэсэре» проявляются не только в отдельных сентенциях, в отдельных вставных эпизодах, выражающих феодально-ханскую и ламаистскую идеологию, но в попытках искажения, извращения общего направления эпоса, преимущественно путем его религиозно-мистического переосмысливания.

Следует отметить, что подобным извращениям, производимым в интересах господствующих классов и ламаистской церкви с целью использования популярного эпоса для одурманивания народа, удавалось проникать в устный эпос лишь в незначительной мере. Тем в большей мере проникают они в письменные варианты эпоса, особенно ярким примером чему может служить вторая часть так называемой пекинской версии «Гэсэра» на монгольском языке[50].

В итоге дискуссии выявилось, что именно бурят-монгольский эпос «Гэсэр», бытовавший в устной форме, и оказался наиболее свободным от подобных извращений.

Учитывая огромную популярность устного эпоса «Гэсэр» среди народов Центральной Азии, вплоть до отдельных районов Китая, и его народную сущность, следует признать глубоко ошибочным нигилистическое осуждение этого эпоса в целом. Это не помогало борьбе с буржуазным национализмом, а, напротив, оскорбляло национальное достоинство народов и содействовало провокационным действиям буржуазных националистов,

[49] *С. А. Козин.* Эпос монгольских народов, стр. 214; см. также *С. А. Козин.* Гесериада, стр. 15.

[50] Насколько легко ламаистские миссионеры шли на перекрашивание буддийских догматов и символов применительно к популярным в народе образам и представлениям, чтобы таким путем добиться широкого распространения буддизма, уже давно отметил русский монголовед прошлого столетия И. Шмидт. Так же поступали и маньчжурские правители, использовавшие популярность Гэсэра в своих целях, объявив его своим патроном и постаравшиеся укрепить религиозную версию, обожествлявшую Гэсэра. Из этих феодальных кругов—ламаистских и маньчжурских—и шло привнесение клерикальных и религиозных элементов в эпос. См. *Г. И. Михайлов.* О народной основе Гэсэриады в кн. «О характере... эпоса „Гэсэр"», стр. 44.

прикрывавшихся национальным нигилизмом, отрицавших самобытность народного творчества и охаивавших его. Важнейшим выводом из дискуссии было, таким образом, утверждение, что удар нужно наносить по феодально-ламаистским извращениям, вносимым в эпос «Гэсэр», а не по самому эпосу.

Вместе с тем, воздавая должное старинному народному эпосу, необходимо поддерживать, особенно в МНР и Бурят-Монгольской АССР, развивающееся новое эпическое творчество: о Ленине и Сталине, о таких исторических героях, как Сухэ-Батор, о дружбе с великим русским народом, о строительстве новой жизни, культивируя прогрессивные исторические традиции и те новые народные традиции, которые сложились уже в советское время.

Завершением дискуссии о «Гэсэре», затянувшейся почти на пять лет, была объединенная научная сессия Бурят-Монгольского научно-исследовательского Института культуры и Института востоковедения Академии наук СССР, проведенная 2—5 февраля 1953 г. в Улан-Удэ. Решение этой сессии — весьма поучительный итог столь длительной дискуссии — было приведено выше. Отличительными чертами сессии было, во-первых, единодушие в оценке эпоса «Гэсэр», достигнутое на основе принципиальной, научной аргументации, и, во-вторых, гораздо более полное, всестороннее и конкретное изучение вопросов эпоса, чем это было в процессе дискуссии в Институте востоковедения.

Изложенные выше положения с большой полнотой обосновывали в своих выступлениях Г. Д. Санжеев, Г. И. Михайлов и другие. Эта аргументация была столь убедительной, что прежние противники концепции об антинародной сущности «Гэсэра» отказались от своих взглядов. В выступлениях А. И. Уланова, Е. В. Баранникова, Н. О. Шаракшиновой, Т. А. Бертагаева, Д. А. Алексеева были привлечены все известные версии бурят-монгольского «Гэсэра», анализировались отдельные улигеры (поэтические сказания), что подняло изучение эпоса на большую высоту. В частности, было установлено, что народная сущность эпоса в наибольшей мере выражена в эхирит-булагатской версии, в меньшей — в унгинской версии, в которую проникло много феодально-ламаистских искажений. Вместе с тем, как подчеркнул А. И. Уланов, народная сущность ясно видна во всех версиях, и «эхирит-булагатские и унгинские версии близки друг другу по идейному содержанию, несмотря на ряд отличительных черт»[51]. Были выявлены формы антинародных искажений «Гэсэра». В выступлении Н. П. Шастиной были отмечены народные черты монгольского эпоса «Гэсэр». Отмечалась большая заслуга монгольского ученого Ц. Дамдинсурэна в борьбе против нигилистического подхода к эпосу «Гэсэр». Очень красочно резюмировал основное положение о народной сущности эпоса в своем слове Г. Д. Санжеев: «Эпические произведения заканчиваются апофеозом мирной жизни: „дээрэ эзэн ү гы, дэргэдээ дайсан ү гы". Это значит: жить счастливой жизнью, над собой не зная властелина, а на рубежах своих не ведать врагов. Вековая мечта о мирной жизни заложена в этих произведениях, в лучших произведениях героического эпоса»[52].

[51] См. *А. И. Уланов.* Бурятский «Гэсэр» и его основные идейные мотивы. «О характере... эпоса „Гэсэр"», стр. 101.

[52] «О характере... эпоса „Гэсэр"», стр. 23.

КОНФЕРЕНЦИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ В БАНДУНГЕ

И. П. ПЛЫШЕВСКИЙ

На острове Ява, в живописной местности расположен небольшой индонезийский город Бандунг. К этому ранее почти неизвестному городу в течение последних двух недель апреля было приковано внимание всей мировой общественности. Здесь проходила конференция 29 стран Азии и Африки, которые насчитывают в общей сложности 1 миллиард 422 миллиона жителей, т. е. более половины населения всего земного шара.

Конференция была созвана по инициативе премьер-министров пяти стран Юго-Восточной Азии: Индии, Индонезии, Бирмы, Пакистана и Цейлона. В конце декабря 1954 г., на совещании в Богоре (Индонезия), главы правительств этих государств пришли к решению созвать широкую конференцию стран Азии и Африки, чтобы обсудить ряд общих проблем, стоящих перед народами этих двух материков. В совместном коммюнике премьер-министры определили следующие цели и задачи предстоящей конференции:

1) способствовать установлению доброй воли и сотрудничества между странами Азии и Африки; изучать и отстаивать их взаимные и общие интересы, устанавливать и развивать дружественные и добрососедские отношения;

2) изучить социальные, экономические и культурные проблемы и отношения представленных стран;

3) изучить проблемы, представляющие особый интерес для народов Азии и Африки, например проблемы, касающиеся национального суверенитета, расизма и колониализма;

4) рассмотреть положение Азии и Африки и их народов в современном мире и вопрос о том вкладе, какой они могут внести в дело укрепления всеобщего мира и сотрудничества.

Решение премьер-министров пяти стран Юго-Восточной Азии о созыве конференции стран Азии и Африки было принято вскоре после того, как агрессивные круги некоторых держав сколотили в Юго-Восточной Азии новый военный блок, получивший название СЕАТО. Организаторы пакта СЕАТО пытались представить дело так будто в пакте заинтересованы все страны Юго-Восточной Азии, тем не менее было очевидно, что он направлен против национально-освободительного движения азиатских народов. Из азиатских стран, как известно, в этот блок вошли только Таиланд, Филиппины и Пакистан, правительства которых находятся в зависимости от США. В связи с созданием блока СЕАТО усилилась

напряженность во всей Азии. И естественно, миролюбивые азиатские государства решили противопоставить агрессивным замыслам империалистов единство народов Азии и Африки, направленное против колониального господства империалистических стран, на упрочение мира и безопасности.

Определенные круги США нервозно реагировали на решение о созыве этой конференции. Американская пропаганда пыталась доказать, что такого рода конференция будто бы не имеет базы для созыва в связи с различием государственных систем и идеологических основ государств, которые приглашены на нее. Зависимые от США правительства азиатских стран, словно по команде, заняли нерешительную позицию относительно своего участия в конференции. Высказывания печати Турции, Таиланда, Филиппин и некоторых других стран давали основание предполагать, что правительства этих стран относятся отрицательно к созыву конференции. Страны, ведущие самостоятельную внешнюю политику, с самого начала заявили о желании участвовать в Бандунгской конференции.

Поскольку большинство стран ответило на приглашение положительно, стало очевидным, что несмотря на попытки некоторых держав сорвать конференцию, она состоится. Тогда вашингтонские политики тут же изменили свою тактику. Они решили попытаться использовать конференцию в своих целях. Очевидно, не без влияния или прямого указания извне зависимые от США правительства заявили о согласии участвовать в конференции стран Азии и Африки. В феврале 1955 г. США и другие колониальные державы на сессии СЕАТО в Бангкоке обсудили вопрос об азиатско-африканской конференции. Здесь была намечена общая линия поведения сторонников США, разработана программа и тактика их действий на конференции.

Колониальные державы не прекращали своих интриг. Им удалось посеять известные разногласия среди стран—организаторов конференции. Уже накануне конференции стало известно, что премьер-министр Пакистана Мохаммед Али и премьер-министр Цейлона Джон Каталавала будут поддерживать в Бандунге линию, выработанную бангкокской сессией СЕАТО.

Можно было не сомневаться, что Бандунгская конференция будет проходить в острой борьбе между теми, кто стремится объединить страны Азии и Африки на борьбу за общие цели, выдвинутые в Богоре, и кто стремится разъединить их на отдельные враждующие группы, чтобы сорвать совместную борьбу народов Азии и Африки против колониального гнета, за сотрудничество в экономической и культурной областях, за принципы мирного сосуществования. Монополистические круги и их агентура пытались сорвать работу Бандунгской конференции путем организации диверсионных актов.

Однако, несмотря на происки империалистов, конференция в Бандунге началась в точно назначенный срок — 18 апреля. Только Федерация Центральной Африки отказалась от участия в конференции. Остальные из приглашенных стран Азии и Африки были представлены правительственными делегациями.

Конференцию открыл президент Индонезийской республики Сукарно. Его яркая речь выражала ту общую линию конференции, о которой договорились в Богоре премьер-министры — инициаторы конференции. Сукарно указал на то, что конференция — это новый шаг в истории мира, так как руководители азиатских и африканских стран впервые в истории получили возможность собраться вместе и обсудить свои наболевшие вопросы. За эту возможность пришлось заплатить дорогой ценой — жизнью многих борцов за свободу и национальную независимость. В те-

чение многих поколений народы Азии и Африки не имели права голоса в своих собственных делах. Люди, которые решали дела, не обращались к азиатскому и африканскому народам. «Народы Азии и Африки,— подчеркнул президент Индонезии,—больше не будут жертвами колониального гнета, они больше не будут орудием в руках других».

Над Азией и Африкой пронесся шторм, продолжал оратор. За последние несколько лет произошли огромные перемены. Нации, государства проснулись от многолетней спячки. Кое-кто за границей ожидал, что созыв конференции провалится, потому что народы Азии и Африки имеют между собой различия в формах государственного правления, идеологии, в уровне экономического и культурного развития. Однако конференция собралась. И собралась она потому, что народы Азии и Африки имеют общие интересы в борьбе против колониализма, за национальную независимость и мир.

Для народов Азии и Африки, указал Сукарно, колониализм это не отвлеченное понятие, они знают его безжалостность. Известная часть народов все еще остается под колониальным гнетом. Вот почему никто из собравшихся не может думать о том, что борьба за независимость уже увенчалась полным успехом. Не может народ чувствовать себя свободным до тех пор, пока хотя бы часть его родины является зависимой.

Выступая против тех, кто заявляет, что «колониализм умер», Сукарно сказал, что нельзя понимать колониализм в его классической форме, как это имело место в Индонезии и других странах. Колониализм имеет также «современную форму, современную одежду». Он весьма опытный и решительный враг, он является в различных масках. Этот враг не расстается легко со своей добычей.

Говоря о роли народов Азии и Африки в борьбе за мир, президент заявил: «Многие думают, что народы Азии и Африки не могут играть решающей роли в борьбе за мир, так как страны этих континентов слабы экономически, разобщены, слабы в области дипломатии. Верно ли это? Нет, не верно. Что мы можем сделать? Мы можем сделать многое. Один миллиард четыреста миллионов человек, которых мы представляем, это значительно более половины всего человечества. Мы можем мобилизовать моральные силы наших наций в пользу мира».

Вслед за президентом выступил премьер-министр Индонезийской республики Али Састроамиджойо. Он проанализировал причины международной напряженности, подчеркнув, что «политика силы» не может гарантировать мир. Среди причин, вызывающих международное напряжение, Састроамиджойо назвал колониализм. «Колониализм — старая плеть, удары которой народы Азии и Африки претерпевали многие годы... Колониализм весьма живуч.

Если мы посмотрим карту Азии и Африки, мы найдем много пунктов, даже целые страны, которые все еще опутаны цепями колониализма. Более того, в целом ряде освободившихся стран все еще в большей или меньшей степени застряли шипы колониального управления. Мы видим, что колониальные державы все еще пытаются продолжать свой контроль в той или иной замаскированной форме в бывших колониальных и полуколониальных странах».

Следующей причиной, вызывающей напряженное положение в мире, указывает премьер-министр Индонезии, является расизм. Фактически расизм «очень часто, если не всегда, является фактором колониализма, основывается на чувстве превосходства господствующих групп. Дискриминация основывается на различии цвета кожи, что противоречит основным правам человека, противоречит сущности равенства человечества, справедливо выраженном в хартии ООН».

Большое внимание Састроамиджойо уделил вопросу международного сотрудничества между странами на основе известных пяти принципов, изложенных в декларации Чжоу Энь-лая — Неру.

Эти две речи государственных деятелей Индонезии произвели большое впечатление на конференции. Американские корреспонденты и некоторые делегаты не ожидали, что с самого начала конференция возьмет столь решительный тон, осуждающий империалистическую колониальную систему и призывающий к борьбе за полное освобождение народов от колониального гнета, за мир, против «политики силы». Проамериканские деятели начали явно нервничать.

Как и следовало ожидать, делегаты зависимых от США стран выступили в Бандунге с речами, которые были направлены на раскол конференции. Они провокационно пытались переключить внимание конференции на идеологические и социальные различия между участниками конференции, отвлечь их от главных проблем, стоящих перед народами Азии и Африки. Например, глава делегации Турции в своем выступлении призывал к борьбе с коммунизмом. Он заявил, что не верит в мирное сосуществование и требовал одобрения агрессивных пактов. Турецкому делегату вторил делегат Ирака, который также пытался доказать «опасность инфильтрации» (проникновения) коммунизма, обвинял демократические страны в отсутствии свободы религии. Таиландский делегат выступил с клеветническими нападками на Китайскую Народную Республику, которая якобы угрожает Таиланду. Изобиловала выпадами против демократических стран и речь премьер-министра Цейлона Каталавала. С явно проимпериалистической речью выступил делегат Филиппин Ромуло. Он без обиняков заявил, что говорить сейчас о независимости — это иллюзия и анахронизм. Сейчас, по его словам, необходимо говорить о «взаимозависимости». Мало чем от этих выступлений отличалась и речь пакистанского делегата. Противники мирного сосуществования всеми силами пытались оправдать существование агрессивных блоков, отвести удар от империалистов, осуществляющих колониальный гнет.

Однако подобных выступлений было немного. Избитая фразеология этих делегатов, заимствованная из арсенала поборников колониализма, не могла произвести и не произвела большого впечатления на участников конференции. Трудно было обмануть представителей стран Азии и Африки, собравшихся в Бандунге. Собственный опыт убедил их в том, что не страны демократического лагеря, а империалистические державы пытаются сохранить колониальный режим, осуществляют расовую дискриминацию, создают на чужих территориях свои военные базы, стремятся использовать зависимые от империалистов народы в качестве пушечного мяса, угрожают другим странам.

19 апреля на конференции с напряженным вниманием ожидалось выступление главы китайской делегации Чжоу Энь-лая. У тех, кто объективно следит за политикой КНР, не было сомнения в том,что речь Чжоу Энь-лая будет новым доказательством миролюбия китайского народа, его озабоченности судьбами народов Азии и Африки. Однако противники мира и дружбы народов рассчитывали, что выступление китайской делегации приведет к столь желанным для врагов мира разногласиям между КНР и другими странами Азии и Африки. Но и на сей раз они просчитались.

В своем выступлении Чжоу Энь-лай с большой убедительностью показал пути к миру и независимости народов Азии и Африки, разоблачив те силы, которые противодействуют этому движению. У китайской делегации, заявил Чжоу Энь-лай, немало весьма важных вопросов, таких, как освобождение Тайваня, восстановление КНР в законных правах члена

ООН и ряд других. Требования китайского народа по этим вопросам, как известно, давно находят поддержку со стороны многих стран. Однако китайская делегация прибыла в Бандунг не для того, чтобы вызывать разногласия, а для того, чтобы найти почву для разрешения общих вопросов, стоящих перед собравшимися здесь странами. Поэтому китайская делегация не ставит на обсуждение конференции этих спорных вопросов, так как «конференция была бы втянута в обсуждение всех этих проблем без принятия какого-либо решения».

Глава китайской делегации предложил, чтобы конференция обсудила те общие вопросы, которые имеют жизненно важное значение для всех собравшихся стран.

Каковы эти вопросы? Борьба за независимость, против колониализма. Сегодняшние Азия и Африка теперь уже не те, что были раньше. Многие страны этих континентов, в недавнем прошлом находившиеся под пятой империализма, после долгих лет борьбы взяли судьбу своих народов в собственные руки. Но борьба против колониализма для этих стран — это не прошлое, а настоящее.

КНР борется за освобождение Тайваня и прибрежных островов. Египетский народ борется за восстановление своих прав в зоне Суэцкого канала. Иранский народ борется за то, чтобы самому распоряжаться нефтяными ресурсами своей страны. Индийский народ борется за восстановление суверенитета Индии в Гоа. Индонезия борется за восстановление своих прав в Западном Ириане. Народы Алжира, Туниса, Марокко и других стран Африки борются против колониального гнета, за независимость. Народы Южной Африки борются против расовой дискриминации, являющейся фактором колониального угнетения.

Характерной чертой всех собравшихся в Бандунге стран, продолжал Чжоу Энь-лай, является их слабое экономическое развитие. Это опять-таки результат длительной колониальной и полуколониальной зависимости. Сейчас и в освободившиеся страны и в страны зависимые старается проникнуть американский империализм, вытесняя оттуда «старых» колонизаторов. Но народы Азии и Африки не намерены больше терпеть господства иностранных монополий. Это не означает, что должно быть исключено экономическое сотрудничество между странами вне азиатско-африканского района. Но должна быть устранена эксплуатация экономически слабо развитых стран колониальными державами. Народы хотят создать свою независимую экономику.

Китайский народ после того, как он стал хозяином своей страны, указывает далее Чжоу Энь-лай, ведет напряженную работу по индустриализации страны. За последние пять лет КНР восстановила свою национальную экономику, разрушенную многими годами войны. Начиная с 1953 г. китайский народ начал осуществлять первый пятилетний план развития народного хозяйства. Продукция во всех областях хозяйства выросла, увеличилось количество выплавляемого железа, стали. Сбор урожая с полей возрос. Увеличилось количество хлопчатобумажных тканей. Уровень жизни китайского народа стал выше, чем когда бы то ни было в истории китайского народа. Однако Китай все еще остается недостаточно развитым по сравнению с высокоиндустриальными странами. Как и другие страны Азии и Африки, КНР нуждается в мире, развитии своей независимой экономики.

Народы Азии и Африки в течение длительного времени страдали от агрессивных войн. Войны им ничего не приносили, кроме неисчислимых бедствий, гибели миллионов людей. Война угрожает не только независимому развитию стран Азии и Африки, но и может повлечь порабощение их колониальными державами. Сейчас агрессивные силы, готовящие новую

войну, строят в некоторых странах Азии и Африки много военных баз. Они открыто говорят о применении атомного оружия. Нельзя забывать, что первые атомные бомбы упали в Азии и первые жертвы атомных взрывов были в Азии.

Но те, кто готовит войну, в меньшинстве. Они не могут не считаться с волей народов. Если народы Азии и Африки объединятся со всеми миролюбивыми народами в борьбе за мир, мир может быть сохранен. Страны Азии и Африки, защищающие независимость, едины в своем стремлении отстоять свои национальные права. Страны, большие и малые, сильные и слабые, должны пользоваться равными правами в международных отношениях. Территориальную целостность, суверенитет этих стран должны уважать и не нарушать. Народы всех стран независимо от языка, цвета кожи, политических и религиозных убеждений должны пользоваться равными правами, без всякой дискриминации.

Таким образом, борьба за независимость против колониального гнета, борьба за сохранение мира против подготовки новой войны, сотрудничество в экономической и культурной областях, совместная борьба за суверенитет, права человека — вот те вопросы, которые объединяют всех собравшихся на конференцию в Бандунге.

Чжоу Энь-лай остановился также на ряде вопросов, которые были затронуты в выступлениях некоторых делегаций. Исключают ли идеологические различия отдельных стран возможность достижения общих решений? На конкретных исторических фактах Чжоу Энь-лай показал несостоятельность таких утверждений. Например, в течение длительного времени многие страны вели борьбу за независимость. Китайский народ боролся под руководством компартии. В других странах — Индии, Бирме, Индонезии — борьба возглавлялась националистами. Тем не менее нет никаких оснований к тому, чтобы относиться с неуважением к любой стране, избравшей себе такую форму политического и государственного устройства, какую народы этих стран считают для себя наиболее подходящей. На этих принципах была созвана конференция в Бандунге, и нет никаких причин думать, что нельзя установить между этими странами взаимопонимание и дружественное сотрудничество.

Наконец, глава делегации Китая с большой силой и убедительностью показал, что не Китай вмешивается во внутренние дела других стран, а американские империалисты мешают мирному развитию китайского народа; вокруг Китая, как и вокруг других стран демократического лагеря, создаются военные базы для нападения.

Чжоу Энь-лай пригласил делегатов конференции, а также парламентариев и представителей народных организаций стран Азии и Африки посетить Китайскую Народную Республику, что произвело на них большое впечатление.

Речь главы делегации КНР вызвала многочисленные комментарии. Многие делегаты заявили, что эта речь открыла перед конференцией перспективу достижения согласованных решений по вопросам, стоявшим на повестке дня Бандунгской конференции стран Азии и Африки.

После двухдневных пленарных открытых заседаний конференция перешла к закрытым заседаниям, распределив свою работу между тремя комитетами: экономическим, культурным и комитетом глав делегаций, или, как его именовали в Бандунге, политическим комитетом. Если работа первых двух комитетов проходила в более или менее нормальной деловой обстановке и закончилась в заранее обусловленный срок, а комитет по культурным вопросам закончил свою работу даже ранее намеченного срока, то иное положение было в политическом комитете. Глава делегации Турции Зорлу, глава делегации Ирака Джемали, премьер-

министр Цейлона Каталавала и некоторые другие главы делегаций все вопросы, которые способствовали бы расколу конференции, а следовательно, осуществлению империалистических планов, перенесли на закрытое заседание политического комитета.

Делегаты, выступавшие с таких позиций, пытались на заседании этого комитета подменить вопрос борьбы против колониального гнета вопросом борьбы против несуществующей «коммунистической опасности», вопрос борьбы за мир и мирное сосуществование — вопросом о необходимости военных блоков и военного сотрудничества. При этом они прибегали к грубой клевете на страны демократического лагеря, к попыткам отвлечь внимание конференции от империалистической политики колониальных держав. Подобного рода выступления не только не нашли сочувствия среди большинства глав делегаций, но, как передавало агентство Антара, они получили достойный, сокрушительный отпор со стороны главы китайской делегации Чжоу Энь-лая, премьер-министра Индии Неру, премьер-министра Бирмы У Ну, главы делегации Египта Насера, глав делегаций Сирии, Индонезии и ряда других стран, заинтересованных в достижении общего соглашения по принципиальным вопросам, стоявшим в повестке дня конференции.

Помимо общих вопросов, обсуждавшихся в политическом комитете, там были затронуты и некоторые конкретные вопросы, касающиеся отдельных стран. Был обсужден вопрос о бесправном положении коренного населения в Северной Африке. Этот вопрос был поставлен делегациями арабских стран. Прибывшая в Бандунг неофициальная делегация от Алжира, Туниса и Марокко в распространенных ею материалах показала, какому чудовищному гнету подвергается африканское население со стороны французских колониальных властей. Эта делегация также сообщила о непрекращающейся борьбе народов Алжира, Туниса и Марокко против империалистических поработителей.

По всем вопросам, разбиравшимся на Бандунгской конференции и в ее комитетах, делегации пришли к согласованным решениям. Единогласно принятое на открытом заседании конференции 24 апреля объединенное коммюнике свидетельствует, что расчеты колониальных держав, направленные на раскол народов Азии и Африки, потерпели крах.

Огромный успех Бандунгской конференции именно в том и состоит, что даже делегаты от проамериканских стран вынуждены были голосовать за решения, осуждающие колониализм и подготовку империалистов к новой мировой войне. Врагам мира не помогли ни козни некоторых пособников колонизаторов, ни угрозы и дешевые посулы империалистических государств. Бандунгская конференция достигла плодотворных результатов потому, что она не зависела от диктата извне. Она твердо высказалась за поддержание всеобщего мира и сотрудничество между народами.

Принятое конференцией объединенное коммюнике состоит из нескольких частей. Первый раздел говорит об экономическом сотрудничестве. Участники конференции выразили общее стремление к экономическому сотрудничеству на основе взаимного интереса и уважения национального суверенитета. В своих выступлениях ораторы указывали на тяжелое экономическое положение стран Азии и Африки, явившееся следствием хозяйничания иностранных монополий. Представители Алжира, Туниса и Марокко в материалах, распространенных ими на конференции, привели факты, свидетельствующие о бедственном положении местного населения. Например, в Алжире иностранцы, составляющие десятую часть населения страны, владеют 2400 тыс. га из 7600 тыс. га обрабатываемой земли. Промышленность, торговля в колониальных и зависимых странах находятся, в основном, в руках иностранцев. К установлению тесного экономического сотрудничества с трибуны конференции призывал японский представитель Такасаки и многие другие делегаты. Эти призывы и нашли свое отражение в первом пункте коммюнике Бандунгской конференции.

Во втором разделе коммюнике, посвященном вопросам культуры и укреплению культурных связей между странами Азии и Африки, решительно осуждается подавление колонизаторами национальной культуры, в частности, в Африке. Третий раздел говорит о правах народов на самоопределение и осуждает расовую дискриминацию.

Проблеме народов, все еще находящихся в колониальной зависимости, посвящен специальный четвертый раздел коммюнике, в котором говорится: «Конференция согласилась: а) заявить, что колониализм во всех его проявлениях представляет собой зло, которое надлежит быстро пресечь; б) подтвердить, что подчинение народов иностранному закабалению, господству и эксплуатации представляет собой отрицание основных прав человека, что противоречит Уставу Организации Объединенных Наций и мешает содействию международному миру и сотрудничеству; в) заявить о своей поддержке дела свободы и независимости всех таких (зависимых. — *И. П.*) народов; г) призвать заинтересованные страны предоставить свободу и независимость таким народам». Коммюнике, в частности, призывает правительство Франции урегулировать вопрос о независимости Алжира, Туниса и Марокко.

В пятом разделе коммюнике говорится о поддержке прав арабов в Палестине и о мирном разрешении палестинского вопроса, о поддержке Индонезии в вопросе относительно Западного Ириана и, наконец, о поддержке Йемена по вопросу Адена и южных частей страны.

Шестой раздел посвящен вопросу о мерах, которые способствовали бы всеобщему миру и международному сотрудничеству. Конференция обращается к Совету Безопасности с просьбой рассмотреть вопрос о приеме в члены ООН стран Азии и Африки, еще не представленных в ней. Конференция решительно осудила атомное и термоядерное оружие и потребовала его запрещения.

Коммюнике включает декларацию о содействии всеобщему миру и сотрудничеству. Декларация состоит из следующих десяти пунктов: 1) уважение основных прав человека, а также целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций; 2) уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран; 3) признание равенства всех рас и равенства всех наций, больших и малых; 4) воздержание от интервенции и вмешательства во внутренние дела другой страны; 5) уважение права каждой страны на индивидуальную или коллективную оборону, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций; 6) (а) воздержание от использования соглашений о коллективной обороне в частных интересах какой-либо из великих держав, (б) воздержание любой страны от оказания нажима на другие страны; 7) воздержание от актов или угроз агрессии или применения силы против территориальной целостности или политической независимости любой страны; 8) урегулирование всех международных споров мирными средствами — такими, как переговоры, примирение, арбитраж или юридическое урегулирование, так же как другими мирными средствами по выбору сторон, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций; 9) содействие взаимным интересам и сотрудничеству; 10) уважение справедливости и международных обязательств.

Коммюнике заканчивается принятой по предложению Чжоу Энь-лая рекомендацией о том, чтобы страны — инициаторы первой конференции стран Азии и Африки, рассмотрели вопрос о созыве второй конференции, проконсультировавшись предварительно со странами-участниками.

Конференция стран Азии и Африки в Бандунге имеет огромное международное значение. Это, прежде всего, первая конференция, на которой представители азиатских и африканских государств собрались совместно, обсудили свои общие вопросы и приняли согласованные решения. Особенно важно подчеркнуть, что участниками конференции были страны с самыми различными формами государственного правления и придерживающиеся различных идеологических направлений. Тем не менее эти страны нашли общий язык и пришли к общим решениям. Уже один этот факт опрокидывает доводы тех политиков, которые считают идеологические различия и различия государственных систем непреодолимым препятствием для достижения общих решений по таким, например, вопросам, как смягчение международной напряженности, обеспечение длительного и прочного мира, экономическое сотрудничество и т. д.

Всякий непредубежденный наблюдатель не может не видеть, что делегация Китайской Народной Республики, приложившая все усилия к тому, чтобы найти пути и средства к достижению согласованных решений по основным вопросам повестки дня, в огромной мере способствовала успеху Бандунгской конференции.

На Бандунгской конференции делегация Китайской Народной Республики, наряду с делегациями Индии, Индонезии, Бирмы, Египта, Сирии и других, явилась активным борцом за достижение согласованных решений. Конструктивные предложения делегации Китайской Народной Республики всегда встречали активную поддержку тех делегаций, которые боролись за успех Бандунгской конференции, так же как предложения любых стран, направленные на обеспечение согласованных решений, всегда находили поддержку делегации КНР. Это привело к росту авторитета КНР среди стран Азии и Африки; клевета и дезинформация враждебной пропаганды, распространявшиеся о Китае, были развеяны.

Конференция рассмотрела вопрос об укреплении мира и международной безопасности и единодушно высказалась за необходимость изыскать пути и средства для ослабления международной напряженности и предотвращения новой войны. Она приняла декларацию о содействии всеобщему миру и сотрудничеству между народами, призвав страны принять необходимые меры к разоружению, запрещению производства, применения и испытания ядерного оружия и другого оружия массового истребления. Таким образом, страны Азии и Африки прямо и недвусмысленно высказались за мир, осудив тем самым происки врагов мира.

Конференция решительно осудила колониальную систему, построенную на грабеже и эксплуатации иностранными монополиями колониальных и зависимых стран, превращении их в монопольные рынки, источники сырья, сферы приложения капитала и в военностратегические базы империалистических держав. Вместе с тем конференция поддержала справедливую борьбу народов колониальных и зависимых стран за национальную независимость и защиту национальных прав.

Важным итогом конференции в Бандунге является то, что она укрепила национальное самосознание и уверенность в силах народов Азии и Африки, объединила их борьбу за национальную независимость, способствовала установлению более тесного взаимопонимания между народами двух материков и остальными народами и тем самым расширила фронт борьбы за смягчение международной напряженности, за мир и международное сотрудничество.

Помимо обсуждения вопросов, стоявших на повестке дня конференции, в Бандунге устанавливались связи и проводились двухсторонние переговоры между заинтересованными делегациями. Между Китайской

Народной Республикой и Индонезийской республикой был подписан договор относительно двойного гражданства китайского населения, проживающего в Индонезии. Смысл этого договора сводится к тому, что граждане китайской национальности, проживающие в Индонезии, должны определить свое гражданство, т. е. стать гражданами Индонезии или КНР. Урегулирование этого вопроса имеет большое значение для развития дружественных отношений между обеими странами.

Во время конференции состоялись переговоры между главой делегации Демократической Республики Вьетнам Фам Ван Донгом и премьер-министром королевства Лаос Катай. Переговоры закончились опубликованием декларации, в которой указывалось, что правительство ДРВ считает политическое урегулирование между Лаосом и Патет-Лао их внутренним вопросом, подлежащим разрешению обеих сторон в интересах своей страны и народа. Декларация предусматривает, что «Правительство Демократической Республики Вьетнам и королевское правительство Лаоса установят гармоничные и добрососедские отношения, которые связывают и должны связывать эти две страны в рамках пяти принципов, изложенных в соглашении между Китаем и Индией». Эта договоренность была достигнута в присутствии премьер-министра Республики Индии Джавахарлала Неру и премьера Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лая.

Таким образом, конференция в Бандунге на деле способствовала дальнейшему расширению связей между государствами, заинтересованными в международном сотрудничестве, в упрочении мира и безопасности народов. Она сплотила народы Азии и Африки в борьбе против империализма.

Различное отношение к конференции выявилось как со стороны стран, не участвовавших в конференции, так и со стороны ее участников. В то время как империалисты пытались сорвать конференцию стран Азии и Африки, миролюбивые силы всего мира горячо приветствовали ее, выражая солидарность с идеями, провозглашенными в Зале Свободы в Бандунге.

Президиум Верховного Совета СССР, а также президиумы Верховных Советов Узбекской, Казахской, Туркменской, Киргизской, Таджикской советских республик прислали в Бандунг приветствия с пожеланиями успеха конференции стран Азии и Африки. В приветствиях выражалась уверенность, что конференция будет успешно содействовать мирному и независимому развитию стран Азии и Африки. «Народы Советского Союза, — говорится в специальном заявлении заместителя министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецова накануне Бандунгской конференции, — с полным пониманием относятся к борьбе стран Азии и Африки против всяких форм колониального господства за свою политическую и экономическую независимость».

Бандунгская конференция явилась важной вехой в великом движении народов Азии и Африки против колониализма, за обеспечение свободы и независимости своих стран, за международное сотрудничество в интересах укрепления мира и безопасности народов.

Бандунг, апрель 1955 г.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГИЛЯНСКОЙ ПРОВИНЦИИ ИРАНА в 1920—1921 гг.

М. Н. ИВАНОВА

Национально-освободительное движение, развернувшееся в Иране под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, охватило в начале 20-х годов всю страну и проходило под лозунгом освобождения Ирана от ига английского империализма, за свою национальную независимость.

После первой мировой войны Англия, пытаясь превратить Иран полностью в свою колонию, оккупировала его территорию. Приведя к власти Восуг-эд-Доуле, своего ставленника и агента, Англия заключила с Ираном 9 августа 1919 г. кабальное соглашение. Это соглашение устанавливало английский протекторат над Ираном, передавало в руки английских империалистов иранскую армию, финансы, таможни, пути сообщения, связь и т. д. Иранское правительство лишалось всякой самостоятельности и лишь выполняло приказы английских властей.

В послевоенные годы Иран переживал тяжелое экономическое положение, явившееся следствием первой мировой войны, сильно разорившей экономику Ирана. На ухудшении экономического положения страны сказалось также прекращение многолетних торговых связей с Россией.

Экономическая разруха привела к огромной безработице, разорению крестьян, ремесленников, мелких торговцев.

В отличие от Англии Советская Россия рассматривала Иран как суверенное и равноправное государство. Советское правительство аннулировало все дипломатические акты, носившие неравноправный характер, все привилегии и концессии, полученные царским правительством в Иране. Советское правительство не признало англо-иранского соглашения 1919 г., ставящего своей задачей превращение Ирана в колонию Англии.

Колониальная политика Англии, кабальный характер англо-иранского соглашения 1919 г., продажность правительства Восуг-эд-Доуле вызвали возмущение широких слоев населения Ирана. Повсеместно проходили митинги и демонстрации под лозунгами «Долой англофильский кабинет Восуг-эд-Доуле!», «Долой английских империалистов!»[1].

В Иранском Азербайджане с апреля по сентябрь 1920 г. происходило восстание под руководством шейха Мохаммеда Хиабани. Восставшие объявили Азербайджан «Азадистаном» — «страной свободы», а своей программой — борьбу с английским империализмом и реакционным

[1] См. *Али Авери*. Восстание шейха Мохаммеда Хиабани в Тавризе. Тегеран, 1951, стр. 247.

шахским правительством. Восставшие отказались подчиняться центральному иранскому правительству, выслали из Тавриза и других городов провинции правительственных чиновников и выдвинули демократические лозунги [2].

В Мазандеране против англичан и каджарской династии выступил Савадкухский хан — Исмаил-хан Амир-Моайед. В Хорасане восстала беднота во главе с вождем Ходо. Но наибольший размах национально-освободительное движение в 1920—1921 гг. получило в Гилянской провинции Ирана.

Гилянская провинция Ирана представляет собой узкую полосу, протянувшуюся вдоль юго-западного побережья Каспийского моря на 225 км при ширине от 25 до 105 км.

Это одна из богатейших и плодороднейших провинций Ирана, с мягким и влажным климатом, с богатой флорой и фауной. Население провинции — около 1 млн. человек, из них городское население — примерно 200 тыс. человек. Гили—основные жители Гиляна, отличающиеся от персов по языку, составляют 80—82% всего населения провинции. Кроме того, там проживают талыши, галеши, курды, халхальцы и другие народности.

Население Гиляна было почти сплошь неграмотно; среди рабочих грамотных было 2%, а среди крестьян — всего лишь 0,5%.

Основное занятие жителей Гиляна — земледелие. Полуоседлое население занимается скотоводством, жители побережья — рыболовством.

Площадь, годная для обработки земли в Гилянской провинции, равнялась примерно 200 тыс. джерибов[3]; бо́льшая часть этой земли принадлежала помещикам.

В описываемый период в Гилянской провинции почти вся помещичья земля на началах издольной аренды была раздроблена между тысячами крестьян-арендаторов. Средняя арендная плата составляла до $^2/_3$ урожая. Помимо этого крестьянин должен был платить помещику и шахскому правительству за орошение, за рабочий скот, за тутовые и ореховые деревья, находящиеся на арендуемом участке, и т. д.

Гилянский крестьянин формально был свободен, но фактически находился в феодальной зависимости. Все его права сводились лишь к праву переменить одного хозяина-помещика на другого. Но даже и этим «правом» крестьянин был лишен возможности воспользоваться в силу своей постоянной задолженности помещику. Только в случае потери трудоспособности крестьянина помещик выгонял его «на свободу». Если же крестьянин сам уходил от помещика, ему нужно было иметь при себе удостоверение о том, что он не совершил никаких преступлений и ничего не должен своему старому хозяину. Иначе полиция возвращала его обратно.

Гилян являлся основной базой Ирана по производству риса и шелка-сырца. Центром торговли рисом был город Решт, главный город провинции. Из Решта рис поступал как на внутренний иранский рынок, так и на экспорт. Экспорт риса из Гиляна с 1908 по 1917 г. составлял 3 млн. пудов в год.

После первой мировой войны вследствие прекращения экспорта риса в Россию Гилян переживал глубокий экономический упадок. Промышленность Гиляна была слабо развита и носила в основном мануфактурный характер. В Гиляне имелось 38 кирпичных заводов, 18 заводов по производству черепицы, 16 кожевенных мастерских и т. д. Число рабо-

[2] См. *Г. Маммедли*. Хиабани. Из истории национально-освободительной борьбы азербайджанского народа. Баку, Азернешр, 1949.

[3] 1 джериб = 1200 кв. м.

чих в мастерских обычно не превышало 6—10 человек, их заработная плата была чрезвычайно низка — от нескольких шай до 5 кран[4] в день при 16—17-часовом рабочем дне.

Крупных промышленных предприятий в Гиляне в тот период не было, за исключением концессий, сдаваемых шахским правительством иностранным капиталистам. Крупнейшая лесная концессия принадлежала иностранцам Куссису и Теофилактосу, которые хищнически эксплуатировали леса на всем персидском побережье Каспийского моря от Астары до Астрабада.

Рабочий класс Гиляна был немногочисленен. Кроме рабочих, занятых главным образом на иностранных концессионных предприятиях, в провинции имелись группы чернорабочих и сельскохозяйственных рабочих-батраков. Условия труда и жизни рабочих Гиляна, как и всего Ирана, характеризовались произволом предпринимателей, безудержной эксплуатацией, отсутствием законодательства о труде и полным политическим бесправием. При непомерно длинном рабочем дне заработная плата рабочего была чрезвычайно низка, дневной заработок среднего рабочего не покрывал расходов на пропитание самого рабочего и его семьи. Широко применялся женский и детский труд.

Торговля Гиляна зависела от иностранного рынка. Во время оккупации Ирана английскими войсками (1918—1920) внешняя торговля провинции почти совсем замерла, т. к. Англия не вывозила гилянского сырья. Рис, табак и другие товары массами залеживались на складах, не находя себе покупателей, население голодало и разорялось.

В этих условиях в Гиляне сильно оживилось дженгелийское (партизанское) движение, которое возникло еще в период разгула реакции в 1912 г. Это движение зародилось в непроходимых лесах Гиляна — в дженгеле, откуда и получило свое название. Участники движения ставили себе задачей борьбу с шахским правительством и засильем иностранного капитала. Партизанские отряды дженгелийцев формировались из крестьян, батраков, из мелкой городской и сельской буржуазии, из бедноты.

В самом начале дженгелийского движения к нему примкнул мирза Кучик-хан [5], сделавшийся вскоре руководителем дженгелийцев.

Руководство движением захватил комитет «Эттехаде ислам» («Единение ислама») — буржуазно-националистическая, панисламистская организация, выступавшая под лозунгом «Защиты ислама». В этот комитет входили представители духовенства, помещиков, ростовщиков и мелкобуржуазной интеллигенции. Комитет «Эттехаде ислам» во время первой мировой войны был связан с Германией и Турцией[6].

Шахское правительство еще в период первой мировой войны пыталось покончить с дженгелийским движением. Однако отряды шахских войск не могли справиться с партизанскими отрядами. Осенью 1917 г. для ликвидации отрядов Кучик-хана правительством был послан Амир Мунтадир Талышский, который заключил с Кучик-ханом союз и отказался повиноваться тегеранскому правительству.

После окончания первой мировой войны дженгелийцы вышли из лесов и заняли всю провинцию, выступая против англичан под лозунгами «Долой англичан!» и «Персия для персов!».

[4] Кран равнялся 17 копейкам; в кране 20 шай.

[5] Мирза Кучик-хан происходил из семьи торговца, окончил духовную школу, принимал участие в революции 1905—1911 гг. и в походе рештских федаев на Тегеран, был выразителем интересов националистически настроенной торговой буржуазии и средних помещиков Гиляна.

[6] См. *Али Азери*. Восстание полковника Мохаммед Таги-хана Пасиана в Хорасане. Тегеран, 1950, стр. 147.

В конце 1917 г. и в начале 1918 г. влияние дженгелийцев распространилось не только на Гилянскую провинцию, но и на Мазандеранскую, где местные феодалы Эмир Моайед, Мохаммед Али-хан, Амир Мокаррем и Сердар Джалил вступили в соглашение с дженгелийцами и отказались признавать власть Тегерана.

К началу 1918 г. среди участников дженгелийского движения обозначились два направления:

Первая группа, имевшая большое влияние на Кучик-хана и бывшая его непосредственным окружением, состояла из представителей крупной и средней торговой буржуазии, помещиков и духовенства, которые хотя и стремились к реформам, ограничивающим власть шаха и феодалов, но стояли, однако, за сохранение феодальных порядков в деревне.

Вторая группа состояла из мелкой буржуазии, бедноты и курдов-батраков, работавших у помещиков Гиляна. Основные требования этой группы были направлены на изменение существующих аграрных отношений.

Сам Кучик-хан выступал против каких-либо подлинно демократических преобразований и облегчения положения крестьян. Управление провинцией, когда она была занята дженгелийцами, осталось прежним, все распоряжения издавались от имени шаха. Только доходы провинции поступали Кучик-хану, а не в шахскую казну.

В 1918 г. английская оккупация распространилась и на Гилян. Дженгелийцы совместно с трудящимися города Энзели оказали сопротивление специальному английскому отряду генерала Денстервилля, имевшему задание пройти через Гилян в Баку, а затем в Тифлис. Однако к середине 1918 г. англичанам совместно с белогвардейским отрядом русских казаков под командованием полковника Бичерахова удалось сломить сопротивление дженгелийцев и в конце июня занять Решт и Энзели.

Стремясь добиться прекращения вооруженной борьбы дженгелийцев, англичане летом 1918 г. вступили в переговоры с Кучик-ханом. Они обещали признать его правителем Гиляна, если дженгелийцы не будут препятствовать дальнейшему продвижению английских войск на Баку.

Несмотря на то, что революционно настроенные дженгелийцы требовали продолжения борьбы с английскими оккупантами, Кучик-хан 12 августа 1918 г. принял условия англичан, прекратил военные действия и пошел на союз с англичанами.

«Автономное правление» Кучик-хана продолжалось до 1919 г. Затем тегеранское правительство с помощью тех же англичан решило покончить с дженгелийским движением. На подавление этого движения были посланы части иранской армии, в борьбе с которыми отряды дженгелийцев потерпели поражение. Многие моджахиды[7] попали в плен, и были казнены, остальные бежали в леса. Губернатором Гилянской провинции был назначен Теймур-таш. Начался кровавый террор, провинция покрылась виселицами. Вешали каждого, в ком подозревали участника дженгелийского движения. Отряд в тысячу человек, выделенный из иранской казачьей дивизии, в течение года упорно преследовал Кучик-хана, прятавшегося в лесах. В январе 1920 г. Кучик-хан капитулировал перед правительством Восуг-эд-Доуле. Англичане и тегеранское правительство считали, что с дженгелийским движением в Гиляне покончено.

Однако в мае 1920 г. Гилян вновь восстает. Революционно настроенные рабочие, крестьяне, ремесленники и мелкая торговая буржуазия с новыми силами вступили в борьбу за освобождение своей страны от ига английского порабощения. Были созданы новые отряды дженгелийцев,

[7] Буквально «боец за веру», в данном случае «боец за правое дело».

во главе которых опять становится Кучик-хан, отказавшийся от соглашения с правительством Восуг-эд-Доуле.

Национально-освободительное движение по всему Гиляну нарастало с большой силой. Шахская администрация и крупные феодалы бежали из провинции, управление которой перешло к Кучик-хану. 4 июня 1920 г. Кучик-хан со своими отрядами, насчитывающими около 2 тыс. человек, вступил в Решт. В Гиляне была объявлена республика.

5 июня было сформировано Временное революционное правительство, создана революционная армия и Революционный военный совет во главе с Кучик-ханом. Во Временное революционное правительство входили в основном представители торговой буржуазии и помещиков Гиляна.

Программа Временного революционного правительства, опубликованная газетой «Энкелабе-Сорх», содержала следующие пункты:

1. Борьба с монархией и установление в Иране республики.
2. Охрана личности и имущества всего населения.
3. Ликвидация всякого рода кабальных договоров и соглашений, заключенных иранским правительством с правительствами других держав.
4. Равноправие всех наций.
5. Охрана ислама[8].

Газета «Дженгель»— правительственный орган Гилянской республики, разъясняя программу правительства, писала: «...основной задачей настоящего республиканского правительства является восстановление хозяйства страны от внутренней разрухи, ликвидация насилий и произвола изменников и изгнание чужеземных войск, которые вопреки всем международным правилам, вступили в нейтральную страну и заняли нашу свободную независимую родину»[9].

Несмотря на то, что программа правительства Кучик-хана не включала аграрных реформ и сохраняла в провинции весь старый государственный аппарат, самый факт провозглашения Гиляна республикой, борьба, объявленная английскому империализму и шахскому правительству, имели исключительно важное революционизирующее значение для всего Ирана.

Весть о провозглашении Гиляна республикой облетела всю страну и нашла живой отклик во всех уголках Ирана. В Тегеране и других крупных городах страны прошли митинги, собрания, манифестации с требованием смены проанглийского кабинета Восуг-эд-Доуле, расторжения англо-иранского соглашения 1919 г. и удаления из страны англичан.

Под давлением растущего национально-освободительного движения в стране правительство Восуг-эд-Доуле вынуждено было уйти в отставку. По словам иранского историка, правительство Восуг-эд-Доуле вызывало всеобщее отвращение и не поддерживалось народом, требовавшим от шаха смены кабинета и расторжения англо-иранского соглашения[10].

В июне 1920 г. на смену правительству Восуг-эд-Доуле пришло правительство крупного иранского феодала, националиста Мушир-эд-Доуле. Он выступил против проводимой в Иране английской политики открытого диктата и стремился к восстановлению дипломатических и торговых связей с Советской Россией. Одним из первых мероприятий нового правительства была приостановка всех операций, связанных с проведением в жизнь англо-иранского соглашения впредь до его ратификации меджлисом.

[8] «Энкелабе-Сорх», 7 июня 1920 г.
[9] «Дженгель», 6 июля 1920 г.
[10] *Хосейн Макки.* Двадцатилетняя история Ирана, т. I Тегеран, 1944, стр. 2—3.

В обстановке повсеместного подъема национально-освободительного движения в Иране 22 июня 1920 г. был созван I съезд Иранской коммунистической партии, образованной из социал-демократической партии «Адалят», созданной в 1916 г. иранскими рабочими. К 1920 г. партийные организации существовали уже почти во всех крупных городах Ирана и работали на нелегальном положении. Организации партии «Адалят» в Гиляне легализовались в конце мая 1920 г. В основном деятельность компартии в 1920—1921 гг. протекала в Гиляне, так как Гилян в то время был центром национально-освободительного движения Ирана. Коммунистическая партия поставила перед собой задачу возглавить национально-освободительное движение в Иране и сохранить единый национально-освободительный фронт борьбы против английского империализма.

В программе иранской компартии предусматривалось изгнание иностранных империалистов из Ирана, уничтожение монархии, власти феодалов и ханов.

Программа намечала проведение необходимых мероприятий по поднятию народного хозяйства Ирана и освобождению его от зависимости иностранного капитала. По аграрному вопросу программа включала конфискацию поместий крупных помещиков и передачу их народу[11].

I съезд иранской компартии оценил происходившие в Гиляне события как национально-освободительное движение, ставящее своей задачей достижение политической и экономической независимости Ирана, и выработал тактику единого антиимпериалистического фронта борьбы. В своих решениях I съезд обязывал партию поддерживать все силы, которые выступят против иностранного империализма и шахской власти и вовлекать в активную революционную борьбу широкие массы трудящихся.

На первом съезде были приняты программа и устав партии и избран Центральный Комитет из 15 человек.

Национально-освободительное движение в Гилянской провинции Ирана в 1920—1921 гг. можно разделить на три этапа.

Первый этап — кратковременный, характеризовался наличием единого национального фронта борьбы против английского империализма и его опоры — правящей клики феодальной аристократии и компрадорской буржуазии. В единый национальный фронт входили все классы и слои населения за исключением крупных феодалов и компрадоров, тесно связанных с иностранными империалистами. На первом этапе национально-освободительного движения революционная армия одержала ряд побед, очистила всю территорию Гиляна и часть Мазандерана от шахских и английских войск. Крупные землевладельцы бежали из Гиляна, их поместья переходили в распоряжение республики.

Однако противоречия, возникшие среди участников национально-освободительного движения, и деятельность врагов народа привели к распаду единого национального фронта.

Правительство Кучик-хана, склонное к половинчатым решениям, постоянным компромиссам с шахским правительством, боялось углубления революционных событий и участия в них широких народных масс. Оно скорее стремилось локализовать движение, ограничив его Гилянской провинцией, чем превратить его в национально-освободительное движение во всеиранском масштабе.

Объявив Гилян формально свободной республикой, правительство

[11] «Программа Иранской коммунистической партии», 1921, стр. 6—7 (на персидском языке).

Кучик-хана оставило в силе все феодальные порядки шахского управления провинцией, вплоть до старого бюрократического аппарата и системы взимания налогов, ложившихся всей тяжестью на плечи трудового населения. Никаких мер к улучшению положения рабочих, крестьян и ремесленников правительство Кучик-хана не принимало.

Сам Кучик-хан, опиравшийся на торговую буржуазию Гиляна, тесно связанную с помещичьим землевладением, и защищавший ее интересы, был категорически против каких-либо аграрных реформ, раздела помещичьих земель среди крестьян и вообще против участия в революционном движении широких крестьянских масс.

Расколу общенационального фронта способствовала также и контрреволюционная политика, проводимая группой предателей во главе с Султан-заде, пробравшихся к руководству компартией. Эта группа провокационно утверждала, что лозунги буржуазно-демократической революции для Ирана устарели, что Иран является развитой капиталистической страной, вполне подготовленной для немедленного проведения в ней социалистической революции.

Группа Султан-заде требовала конфискации всех помещичьих земель, вплоть до мелких землевладений, производила реквизиции у крестьян, мелких торговцев и кустарей, требовала прекращения сотрудничества с мелкой и средней буржуазией. Провокационный характер носила ее пропаганда против религии и духовенства.

Контрреволюционная деятельность этой группы, в которую входили английские и шахские агенты, шла вразрез с программой Временного правительства.

19 июля 1920 г. Кучик-хан со своими отрядами ушел в леса. На этом кончился первый этап национально-освободительного движения в Гиляне.

Второй этап гилянских событий характеризовался распадом единого общенационального фронта.

31 июля в Гиляне пришло к власти новое правительство во главе с анархистом-террористом Эхсанулла-ханом. Был создан Национальный комитет освобождения Ирана, в который вошли сторонники крайне-левацкой политики Эхсануллы-хана, а также группа Султан-заде.

С целью разложения национально-освободительного движения изнутри правительство Эхсануллы-хана приняло демагогическую программу социалистической революции в Иране, в то время как в стране не имелось устойчивой социальной базы для ее проведения в жизнь ввиду малочисленности и слабости иранского пролетариата.

Правительство Эхсануллы-хана не только не осуществляло своих же собственных деклараций о раскрепощении трудящихся масс, о разделе среди крестьян земель помещиков, об уменьшении доли помещиков в урожае, но в действительности проводило мероприятия, тяжело ложившиеся на плечи крестьян, рабочих и ремесленников. Налоги взыскивались с крестьян и ремесленников за три месяца вперед. Рабочим и служащим заработная плата не выплачивалась по нескольку месяцев. Лозунг о национализации средств производства был явно провокационным для Гиляна, промышленность которого была в основном кустарной. Провокаторы имели в виду провести реквизицию орудий производства ремесленников и кустарей и тем оттолкнуть их от революционного движения.

Аграрная программа правительства, декларирующая передачу земли народу, не освобождала в действительности иранского крестьянина от феодальной зависимости, так как правительство не давало крестьянину возможности обработать полученный им участок, не могло снабдить

его нужным инвентарем и семенами для посева, а крестьяне не имели ни скота, ни семян и целиком зависели в этом отношении от помещика.

Поход на Тегеран, предпринятый Эхсанулла-ханом в августе 1920 г. без соответствующей подготовки, закончился поражением революционной армии. Шахские и английские войска заняли г. Решт, который революционной армии удалось снова отбить только 21 октября 1920 г.

Антинародная политика правительства Эхсануллы-хана оттолкнула от него широкие народные массы. Она вызвала сильнейшее возмущение иранских коммунистов, требовавших роспуска ЦК, избранного на первом съезде, так как в него пролезла группа предателей.

В октябре 1920 г. к руководству Иранской коммунистической партией пришел новый ЦК, секретарем которого был избран известный иранский революционер Гайдар-хан Аму-Оглы. Гайдар-хан пользовался большим авторитетом среди иранского трудового населения как участник революции 1905—1911 гг. и организатор Иранской коммунистической партии и рабочего движения.

С приходом нового состава ЦК к руководству Иранской коммунистической партией начинается третий этап гилянских событий. Этот этап характеризовался переходом руководства движением к Иранской коммунистической партии, взявшей курс на объединение всех революционных сил Гиляна и восстановление единого национального фронта борьбы.

ЦК провел большую работу по укреплению в Гиляне организаций компартии и очищению ее рядов от чуждых и враждебных элементов.

В январе 1921 г. ЦК утвердил «Тезисы о социально-экономическом положении Ирана и тактике Иранской коммунистической партии „Адалят“».

В тезисах давался подробный анализ социально-экономического положения Ирана и характеризовались различные классы и этапы революционного движения. Признавалось невозможным немедленное проведение в Иране социалистических мероприятий и связанной с ними экспроприации торговой буржуазии, но считалось необходимым приступить к разрешению аграрного вопроса и передаче земли крупных феодалов в руки крестьян. После принятия тезисов Гайдар-хан и другие члены ЦК, считая необходимым восстановить единый национальный фронт борьбы, существовавший на первом этапе революционных событий в Гиляне, начали переговоры с Кучик-ханом и другими руководителями движения.

Соглашение между ЦК компартии, правительством Эсхануллы-хана и Кучик-ханом о совместных действиях против англичан и шахского правительства было заключено 8 мая 1921 г. Во вновь созданный Революционный комитет вошли мирза Кучик-хан, Гайдар-хан Аму-Оглы, Эхсанулла-хан, Халу-Курбан (начальник военных отрядов курдов) и сторонник Кучик-хана Мирза Мохаммеди. В задачи Революционного комитета входило укрепление позиций Гилянской республики, превращение ее в базу и центр национально-освободительного движения в Иране, укрепление революционной армии, развитие дружественных отношений с Советской Россией, недопущение иностранного вмешательства во внутренние дела Ирана. Несмотря на заключенное соглашение, Кучик-хан отказался выехать в Решт и остался в Фумене.

В то время, когда иранская компартия боролась за объединение всех революционных сил Гиляна и восстановление там единого национального фронта борьбы, во внутреннем положении Ирана произошел ряд существенных изменений.

Англичане, воздействуя на шаха, добились отставки неугодного им правительства Мушир-эд-Доуле и требовали от пришедшего к власти правительства Сепахдара утверждения меджлисом соглашения 1919 г.

Однако Чрезвычайный верховный совет, созванный вместо меджлиса,

несмотря на свой реакционный состав, учитывая рост национально-освободительного движения в Иране и опасаясь революционного взрыва в стране, отказался утвердить соглашение.

Стремясь сохранить в Иране свои позиции, англичане силою иранской казачьей дивизии совершили 21 февраля 1921 г. переворот, известный как переворот «3-го хута», приведший к власти английского агента Сеид Зия-эд-Дина и Реза-хана. Последний занимал сначала пост командира казачьей дивизии, а затем стал военным министром.

Цель переворота «3-го хута» заключалась в стремлении «разрядить» революционную обстановку в Иране, сохранить его зависимое от Англии положение и помешать подписанию советско-иранского договора, переговоры о котором велись в Москве и были в это время успешно закончены.

Правительство Сеид Зия-эд-Дина находилось у власти три месяца. Скомпрометировав себя в глазах иранского народа проанглийской политикой, кабинет Сеид Зия-эд-Дина пал, а сам он бежал в Багдад.

Советско-иранский договор, подписанный в Москве 26 февраля 1921 г., устанавливал добрососедские отношения между Советской Россией и Ираном, открывал новый этап в истории взаимоотношений между двумя странами. По этому договору Советское правительство безвозмездно передавало Ирану большие ценности, отказывалось от концессий, царских займов, капитуляционного режима, от всех прав и привилегий, силой отторгнутых у Ирана царской Россией. Советское правительство стремилось обеспечить Ирану политическую и экономическую независимость[12].

Занявший пост премьер-министра после бегства Сеид Зия-эд-Дина Кавам-эс-Салтане (брат Восуг-эд-Доуле) и военный министр Реза-хан направили все свои усилия на подавление растущего национально-освободительного движения в стране и, в первую очередь, в Гиляне. Реакции способствовало то обстоятельство, что восстановленный единый фронт борьбы в Гиляне оказался непрочным, часть членов Революционного комитета вела скрытую борьбу за руководство движением. Стремясь вновь встать во главе революционного правительства, Эхсанулла-хан предпринял самовольное, не согласованное с Революционным комитетом авантюристическое наступление на Тегеран, окончившееся поражением отрядов Эхсануллы-хана.

В третий период национально-освободительного движения в Гиляне компартия Ирана обратила серьезное внимание на работу среди сельскохозяйственных батраков и беднейших крестьян, намереваясь использовать их в будущем в крестьянских советах, которые должны были стать руководящими центрами борьбы крестьян за землю. Сильно возрос авторитет компартии среди крестьян Гиляна. Секретарь ЦК компартии Ирана Гайдар-хан был избран председателем крестьянского «Совета Дженгеля».

В конце июля и начале августа оживилась работа Революционного комитета, который принял ряд важнейших решений — о пересмотре и изменении существующего в Гиляне законодательства, о слиянии в одну революционную армию всех отдельных отрядов, о переводе Революционного комитета в Решт и другие. Были проведены также различные мероприятия в области народного просвещения, здравоохранения и социального обеспечения. Проводилась большая агитационная работа среди населения. Были созданы профсоюзы — грузчиков, портных, шапошников, рабочих рыбных промыслов, типографских рабочих и другие.

[12] «Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях», М., Изд. МИД СССР, 1946, стр. 74—79.

4 августа 1921 г. в Гиляне была объявлена Советская Республика. Компартия повела работу по созданию Советов трудящихся, в которые привлекалась и мелкая буржуазия.

Однако Кучик-хан и его окружение, боясь углубления революции и видя возрастающее влияние компартии, ее популярность в Гиляне и поддерживая связи с провокаторами — агентами англичан и иранских реакционеров, толкавшими их на борьбу с коммунистами, решили избавиться от Гайдар-хана, занимавшего в революционном правительстве пост комиссара иностранных дел, и от других руководящих работников компартии. Кучик-хан встал на путь открытой измены и предательства. План контрреволюционного заговора был выработан Кучик-ханом совместно с представителями правительства Кавам-эс-Салтане — Афгеном и Ардебили, прибывшими из Тегерана. Они имели специальное задание вызвать Кучик-хана на переговоры, пообещав ему пост губернатора Гиляна[13]. Этот план был осуществлен Кучик-ханом 29 сентября 1921 г. Гайдар-хан и другие руководящие партийные работники были убиты. Организации компартии в Реште и Энзели были разгромлены. В результате контрреволюционного переворота в Гиляне началась гражданская война и движение было подавлено в конце 1921 г. правительственными войсками под командованием Реза-хана.

Однако и после подавления движения Гилянская провинция Ирана еще в течение многих лет продолжала оставаться очагом восстаний и крестьянских выступлений.

* * *

Национально-освободительное движение в Гиляне было подавлено иранской реакцией при самой активной помощи Англии. Его подавлению способствовали местный характер революционных событий, их оторванность от национально-освободительного движения, происходившего в это же время в Иранском Азербайджане и Хорасане; слабость только что формировавшегося иранского рабочего класса, который не смог обеспечить сохранения единого общенационального фронта борьбы.

Торговая буржуазия и средние помещики, входившие в состав правительства Кучик-хана, боялись углубления революционного движения и перерастания его в аграрное. Они стремились использовать революционный подъем масс в своих интересах и ограничить движение узкими рамками одной провинции. При углублении национально-освободительного движения в Гиляне торговая буржуазия и средние помещики стали отходить от революционного движения, а выразитель их интересов Кучик-хан встал на путь открытой измены.

Подводя итоги национально-освободительному движению в Гиляне в 1920—1921 гг., можно констатировать, что это движение было направлено против английского империализма и феодальной клики. В то же время оно способствовало ликвидации англо-иранского соглашения 1919 г., а в дальнейшем свержению каджарской монархии. Национально-освободительное движение в Гиляне показало, что в отличие от контрреволюционного класса крупных феодалов и компрадоров, поддерживающих иностранных империалистов, широкие народные массы требовали союза с Советской Россией, видя в этом союзе залог своей свободы и независимости.

[13] *Хосейн Макки*. Указ. соч., стр. 205.

ИЗ ИСТОРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ

Э. Я. ФАЙНБЕРГ

Сто лет тому назад Россия установила официальные отношения с Японией, несмотря на препятствия со стороны США, Англии и Франции. Эти державы, боровшиеся за господство на Дальнем Востоке, пытались подчинить себе Японию и столкнуть ее с Россией по вопросу о государственных границах [1]. Они стремились создать в японских портах свои базы, которые могли стать угрозой для дальневосточных владений России и русских судов, посещавших северо-западную часть Тихого океана [2].

Эти агрессивные планы вызывали беспокойство русского правительства ввиду слабой обороноспособности дальневосточных окраин и их оторванности от Европейской России. Царское правительство в период обострения отношений с Англией и Францией в Европе и на Ближнем Востоке особенно старалось избегать осложнений в своей дальневосточной политике.

Россия была заинтересована в том, чтобы Япония не оказалась в фарватере антирусской политики США, Англии и Франции. Россия соблюдала принцип нейтралитета вопреки стремлению этих держав использовать русские вооруженные силы в карательных экспедициях против Японии [3].

---

[1] В августе 1859 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Муравьев вел переговоры в Эдо (Токио) об установлении границы по проливу Лаперуза. Посланники Англии и Франции Ратэрфорд Олькок и Шень де-Белькур пытались убедить японское правительство в том, что Россия имеет «агрессивные замыслы» в отношении Японии и одновременно, надеясь спровоцировать русско-японский конфликт, они предлагали Муравьеву «проучить японцев» за убийство двух русских моряков в Иокогаме. *Нумада Итиро*. Нитиро гайко-си (История русско-японских отношений). Токио, 1943, стр. 27. Антирусская кампания проводилась печатью США, Англии и Франции и их газетами в Японии («Japan weekly mail», «Japan daily herald», «Japan gazette», «Nagasaki shipping list and advertiser», «L'Echo du Japon»). Представители США в Японии (коммерческий агент Райс, советники японского министерства иностранных дел Песин Смит и колонизационного бюро Х. Кепрон, посланники Гаррис, Прайн, Де-Лонг, Бингэм, Валькенберг и др.) проявляли особую активность, вмешиваясь в русско-японские переговоры, добиваясь аренды сахалинских копей и права монопольной торговли американцев на Сахалине. Иностранные суда устраивали антирусские демонстрации у побережья Сахалина, перевозили японских солдат и оружие на остров, занимались рекогносцировкой в русских дальневосточных водах. Японские чиновники неоднократно заявляли русским представителям, что иностранные державы не допустят утверждения русской власти на Сахалине.

[2] Англия добивалась от японского правительства права «аренды» Цусимы и Хакодатэ, чтобы прежде всего, преградить русским судам проход через Корейский и Сангарский проливы.

[3] В 1864 г. начальник русской тихоокеанской эскадры контр-адмирал Ендогуров отказался участвовать в подготовлявшейся иностранными представителями бомбардировке Симоносеки и в предъявлении японскому правительству требования уничтожить береговые батареи в Нагасаки и Иокогаме, чем вызвал раздражение английского вице-адмирала Купера и французского генерала Гуарела. Ендогуров уклонился также от участия в военных демонстрациях иностранных судов в апреле 1865 г. в Иокогаме и в ноябре 1865 г. в Хёго. Командиры русских судов в Хакодатэ подвергались нападкам консулов США и Англии за отказ высадить десант для наказания японцев, выступавших против бесчинств иностранцев. См. Центральный государственный архив Военно-морского флота (в дальнейшем — ЦГАВМФ), ф. Канцелярии Морского министерства, 1864—1866, д. 3156.

Россия воздерживалась от конфликтов с Японией и вмешательства в ее внутренние дела, добиваясь мирного разрешения всех спорных вопросов. Это прямо или косвенно признают многие историки. Так, японский буржуазный историк Киёдзава Киёси пишет: «Для понимания дипломатической истории периода Бакумацу (1854—1868.— *Э. Ф.*) следует учесть, что Россия не выступала единым фронтом с великими державами. Россия, единственная из великих держав, не участвовала в бомбардировке Симоносеки, а также в их совместной борьбе за открытие портов» [4].

Царская Россия добивалась установления дипломатических и торговых отношений с Японией, действуя только мирными средствами. Великий сын японского народа Катаяма Сэн подчеркивал, что «Россия вела мирную политику и добивалась открытия японских портов дипломатическим путем» [5].

Однако не только политические интересы России толкали ее на сближение с Японией. Русские помещики и купцы нуждались в портах и выходах к морям для сбыта продукции сельского хозяйства и мануфактурных изделий. Эта потребность особенно остро ощущалась в связи с узостью внутреннего рынка, складывавшегося в условиях крепостнического хозяйства. Россия была заинтересована в торговле с Японией. Колонизация русских владений на Тихом океане задерживалась из-за недостатка различных припасов. Сибирь не могла полностью обеспечить продовольствием, а доставка его из европейской России по суше через Сибирь или морским путем вокруг света требовала огромных расходов и затраты времени. Поэтому выгоднее было бы приобретать рис, соль, посуду и другие предметы в Японии в обмен на рыбу, меха и изделия русских мануфактур. Русские суда на Тихом океане нуждались в японских гаванях, чтобы укрываться от штормов, производить ремонт и пополнять запасы. Царское правительство предполагало, что русские купцы устроят склады своих товаров и сахалинского каменного угля в японских гаванях, близлежащих к Китаю, а также станут посредниками в японо-китайской торговле.

По вышеуказанным причинам Россия была заинтересована в добрососедских отношениях с Японией.

Слабая феодальная Япония также избегала конфликтов с Россией. Купцы и ремесленники крупных портов и передовая часть самурайства предлагали сёгунату установить торговые сношения с Россией и разрешить вопрос о северных границах.

В середине XVII в. русские вышли к берегам Тихого океана и открыли Сахалин и Курильские острова. В XVIII в. Россия приступила к их колонизации и стала ближайшим соседом Японии. Русское правительство собирало сведения о Японии из китайских и голландских источников. Эти сведения пополнялись рассказами японцев, потерпевших кораблекрушение у берегов русских владений на Тихом океане. Первая «скаска» была записана в январе 1702 г. в Сибирском Приказе из уст японца Денбея.

---

[4] *Киёдзава Киёси*. Нихон гайко-си (История японской дипломатии), т. I. Токио, 1942, стр. 180.

[5] *Сен Катаяма*. Современная Япония. М., 1926, стр. 16.

В 1705 г. была создана школа японского языка в Петербурге, а в 1745 г.— в Иркутске. Нередко учителями были японцы.

Первая неофициальная попытка установить отношения с Японией была предпринята в соответствии с указом императрицы Анны Иоанновны Витусу Берингу от 2 (14) мая 1732 г. о том, чтобы «японских никаких судов не брать, ежели кто чинить будет, то может добровольно торг завесть, а наипаче не произошло бы от того с таким народом, который к коммерции зело нужен, несогласия и ссоры» [6].

В 1739 г. суда из экспедиции Беринга под начальством Шпанберга открыли северный морской путь в Японию. Русские завязали непосредственное знакомство с японцами и собрали много сведений, не известных европейцам. Это первое появление русских у японских берегов произвело глубокое впечатление на приморское население и было зафиксировано в японских хрониках. Японцы стали интересоваться Россией и издавать о ней первые книги, составленные преимущественно по голландским источникам. Шпанберг и его помощник Вальтон в своих рапортах и журналах плавания судов подробно описали вид посещенных японских селений, встречи с японцами, их наружность и одежду. Экспедиции Беринга обогатили русскую и мировую географическую науку и картографию новыми данными о северной части Тихого океана; они положили начало систематическому изучению Сахалина и Курильских островов. Большое научное значение имели составленные экспедициями карты, на которых были нанесены Курильские острова, Сахалин, Эдзо (Хоккайдо), часть Хонсю и путь русских судов до Японии.

До середины XVIII в. русские мореплаватели исследовали все Курильские острова до Хоккайдо. Уже в 60-х годах XVIII в. русские создали зимовья на южных Курильских островах и привели местных жителей — айну в подданство России. В 1786 г. на Итурупе и Уруп впервые появились японские чиновники, пытавшиеся изгнать русских и уничтожить кресты и другие знаки их пребывания. Но японские чиновники скоро удалились. С конца XVIII в. японцы стали посещать южную часть Сахалина и Курильских островов для рыболовства и торговли с местными жителями. На зиму японцы возвращались на Эдзо (Хоккайдо) или Хонсю.

Сахалин и Курильские острова имели для России большое экономическое и стратегическое значение. Курильские острова изобиловали пушным зверем и благодаря близости к Камчатке стали базой ее обороны от иностранных держав. До середины XIX в. Курильские проливы были для русских судов единственным выходом в Тихий океан. Они не потеряли своего значения как средство связи России с Тихим океаном и после установления экспедицией Невельского судоходности Татарского пролива на всем его протяжении. Это открытие и заселение Амурского края усилили значение пролива Лаперуза и Сахалина, который стал ключом к Амуру и форпостом обороны русского Приморья. После открытия русскими на Сахалине богатых каменноугольных залежей остров приобрел еще большее значение для России.

Со второй половины XVIII в. отдельные промышленники и торговые компании Сибири, развернувшие свою деятельность на Сахалине, Курилах и других островах в северо-западной части Тихого океана, неоднократно пытались установить при содействии властей Охотска и Камчатки торговые сношения с Японией, особенно с ее северными районами, где контроль чиновников был слабее и отсутствовала конкуренция голландских купцов. Но русские могли заниматься лишь неофициальной

[6] «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ), т. VIII, № 6042.

торговлей с японцами на юго-восточном побережье острова Эдзо. Закон о запрете сношений японцев с иностранцами в течение долгого времени препятствовал установлению нормальных отношений между Россией и Японией.

Политика «закрытия страны» была установлена в 1635—1639 гг. сёгуном Токугава Иэмицу. Правители Японии путем изоляции страны от внешних влияний стремились сохранить незыблемость феодального строя. Сёгунат Токугава рассчитывал на успех этой политики в связи с отдаленностью в то время Японии от мировых торговых путей и борьбой между Испанией, Португалией, Голландией и Англией на Дальнем Востоке. Он стремился ликвидировать внешнюю торговлю, которая обогащала торгово-ростовщическую буржуазию и юго-западные княжества, враждебно относившиеся к господству дома Токугава. Желая установить свою монополию на приобретение огнестрельного оружия и других иностранных товаров, сёгунат разрешил на строго ограниченных началах одной полуправительственной купеческой компании торговлю с китайцами и голландцами в Нагасаки. Сёгунат Токугава, олицетворявший диктатуру класса феодалов, опасался, что иностранцы будут разжигать междоусобную борьбу. Политика изоляции Японии носила реакционный характер. Она задерживала процесс превращения Японии в централизованное капиталистическое государство, способное отстоять свою национальную независимость.

Сёгунат Токугава мог проводить политику изоляции, пока не ослабела власть господствующего класса феодалов, пока Япония находилась в стороне от мировых торговых путей и внимание капиталистических держав было отвлечено борьбой за колонии, которые обладали богатыми ресурсами и занимали важное стратегическое положение. Но с конца XVIII в. Тихий океан стал превращаться в арену соперничества крупных капиталистических держав, развернулась их борьба за китайский рынок и за открытие японских портов. Сёгунат опасался войны с иностранными державами, которая могла привести к поражению Японии, усилить борьбу крестьянства и городской бедноты против феодального гнета и ускорить взрыв недовольства торгово-промышленной буржуазии и ремесленников, страдавших от непосильных налогов, жесткой регламентации их деятельности и политического бесправия. Выразителями взглядов торгово-промышленной буржуазии нередко становились ронины (разорившиеся самураи) и самураи низших рангов из юго-западных княжеств, где интенсивнее протекал процесс развития капитализма. Таким образом, большинство населения Японии было заинтересовано в ликвидации прогнившего феодального режима, опорой которого были феодалы и самураи, находившиеся в непосредственной вассальной зависимости от правящего дома Токугава. Придворная аристократия, феодалы юго-западных княжеств и их ближайшие вассалы стремились удержать за собой сословные привилегии. Эта феодально-самурайская оппозиция хотела сохранить старую социально-экономическую систему, обновив лишь ее фасад. Она предлагала поставить во главе страны императора вместо обанкротившегося сёгуната Токугава, который оказался не в состоянии держать в узде крестьянство и сохранить политику изоляции Японии от внешнего мира. «Рангакуся» (голландоведы)[7], связанные с торгово-промышленной буржуазией, предлагали

[7] Голландоведами назывались самураи, которые изучали голландский язык, читали и переводили на японский язык книги европейских ученых для использования их в своих научных трудах. Многие голландоведы были учениками известных естествоиспытателей: Кемпфера, Тунберга, Зибольда, служивших врачами в голландской фактории на острове Дэсима в Нагасакском заливе. Военно-феодальное правительство преследовало голландоведов за нарушение законов изоляции и за оппозиционные настроения

изменить внешнюю политику Японии: установить отношения с западными державами, заимствовать их культуру, особенно военную технику, и поднять благосостояние страны путем развития внешней торговли и колонизации близлежащих островов. В этом особенно была заинтересована торговая буржуазия Нагасаки, Осака и других крупных портов. Но сёгунат Токугава продолжал цепляться за отжившие законы изоляции, пока дула пушек иностранных эскадр не заставили его капитулировать.

Экспансия Англии, Франции (экспедиции Кука, Лаперуза и Браутона) и США вызывала беспокойство России, ибо угрожала безопасности ее владений в северной и северо-западной частях Тихого океана. Но напряженная обстановка в Европе и нежелание обострять отношения с Англией побуждали царизм действовать на Дальнем Востоке под флагом торговых компаний.

Компания Шелехова—Голикова, получившая особые привилегии от русского правительства, сыграла важную роль в открытии и колонизации тихоокеанских островов и в попытках установить отношения с Японией.

В 1792 г. русское правительство по ходатайству известного купца Г.Шелехова и сибирских властей снарядило экспедицию А. Лаксмана, которая по существу была первым русским посольством в Японию. Лаксман должен был добиться согласия Японии на установление торговых сношений с Россией и открытие японских портов для русских судов. Японское правительство отклонило русские предложения, ссылаясь на законы о закрытии Японии для иностранцев, но все же предоставило Лаксману лицензию, разрешавшую приход одного русского судна в Нагасаки.

Однако лицензия, выданная японским правительством А. Лаксману, не была использована в течение целого десятилетия (1793—1804). Внимание русского правительства было в это время отвлечено борьбой европейских держав против буржуазной революции во Франции. Сибирское купечество, не обладая свободными капиталами, достаточным количеством судов и товаров и опасаясь конкуренции голландцев, не решалось без соответствующих гарантий русского правительства приступить к торговле с Японией.

В 1803 г. русское правительство снарядило кругосветную экспедицию под начальством И. Ф. Крузенштерна и посольство Н. П. Резанова в Японию. В октябре 1804 г. Н. П. Резанов на судне «Надежда» прибыл в Нагасаки. Он предъявил японским властям лицензию, полученную в 1793 г. А. Лаксманом, а также письмо Александра I с просьбой открыть гавани Японии для русских судов. Японское правительство по истечении полугодичного срока отклонило предложение России и потребовало ухода «Надежды» из Японии. Неудача посольства Н. П. Резанова объяснялась реакционной политикой изоляции сёгуната и враждебными интригами голландцев, боявшихся потерять монополию торговли с Японией.

Безуспешны были последующие попытки (в 1812, 1814, 1816, 1843, 1845 и 1852 гг.) сибирских властей и Российско-Американской компании установить торговые сношения с Японией, хотя японское население доброжелательно встречало русские суда, в частности корабль «Меньшиков», прибывший 9 августа 1852 г. под начальством Линденберга в порт Симода.

В середине XIX в., с насильственным открытием портов Китая и Японии, колонизацией Калифорнии и Австралии международная обстановка на Тихом океане существенно изменилась. Тихий океан стал одним из мировых путей торговли, втягивавшей в свою орбиту отсталые азиатские страны. Этому способствовало создание пароходных линий, связывавших Европу и Америку с Азией через Тихий океан. США, Англия и Франция

предполагали использовать Японию как опорную базу в борьбе за Китай и как рынок сбыта своих товаров. Эти державы также хотели создать в Японии плацдарм против России на Тихом океане. Они направили крупные военные эскадры для закрепления за собой дальневосточных рынков и захвата выгодных стратегических позиций на Тихом океане.

США проявили особую активность, снарядив экспедиции Перри и Рингольда. Американская буржуазия, окрыленная ростом национальной промышленности и быстрой колонизацией западных штатов, не удовлетворилась внутренним рынком и протянула свои руки к другому побережью Тихого океана. 24 марта 1852 г. было принято решение отправить экспедицию Перри, а 5 апреля морской министр Грехем предложил председателю сената Кингу использовать военные суда якобы для производства гидрографических работ в морях Арктики, Китая и Японии и для уточнения карт этих районов в целях обеспечения плавания американских судов. Конгресс согласился отправить экспедицию Рингольда, ассигновав на ее снаряжение значительную сумму денег [8]. Коммодор Перри был уполномочен прибегнуть даже к военной силе, если бы путем переговоров не удалось добиться открытия японских портов для американцев. Ему предписывалось выяснить возможность создания военно-морских баз поблизости от Китая и Японии. Поэтому Перри в своих письмах морскому министру и государственному секретарю Эвереттy предлагал занять Рюкю и Бонин, чтобы создать противовес английским колониям на Тихом океане и оказать нажим на Японию. Американское правительство одобрило эти планы, так же как враждебную позицию Перри в отношении России.

В середине XIX в. Россия стремилась расширить торговлю с Китаем и установить отношения с Японией. Борьба Англии, Франции и США за господство в Китае и Японии и намерение колониальных держав обосноваться на Камчатке, Курильских островах, на Сахалине и в устье Амура угрожали безопасности русского Дальнего Востока и торговым связям России с тихоокеанскими странами. Иностранные суда часто посещали северо-западную часть Тихого океана, иностранные торговые компании проникали в русские владения, расхищали их пушные и рыбные богатства и занимались контрабандной торговлей с местным населением.

Эти обстоятельства побудили русское правительство принять некоторые меры обороны русских позиций на Тихом океане.

6 мая 1852 г. был учрежден Особый комитет для обсуждения мер по установлению отношений с Японией. Министерство иностранных дел в представленной Особому комитету записке по японским делам отмечало, что новая американская экспедиция имеет целью устрашить японское правительство числом судов и их вооружением или применением военной силы, между тем Россия давно пытается установить отношения с Японией мирным путем и Особый комитет призван обсудить дальнейшие шаги в этом направлении [9]. 19 мая 1852 г. Особый комитет рекомендовал снарядить экспедицию под начальством вице-адмирала Е. В. Путятина. «Но само собой разумеется,— подчеркивал Комитет,— что цель посылки его будет миролюбивая, и во главе инструкции генерал-адъютанту Путятину будет поставлено, чтобы воздерживался от всяких неприязненных в отно-

---

[8] См. Архив внешней политики России (в дальнейшем—АВПР), ф. Главный архив МИД I—9, 1852—1856, д. 17, ч. 1, л. 152. См. также «United States expedition to the Pacific», «Nautical standard», 25 декабря 1852 г.

[9] АВПР, ф. Главный архив МИД I—1, 1852, д. 162, л. 52—60. Записка по японским делам (дата не указана).

шении к японцам действий, стараясь достигнуть желаемого единственно путями переговоров и мирными средствами» [10].

Это решение Особого комитета легло в основу инструкций Путятину.

25 августа 1852 г. начальник Главного морского штаба Меньшиков дал Путятину инструкцию по морской части. Меньшиков подчеркивал мирные цели экспедиции и предлагал Путятину действовать только путем мирных переговоров, воздерживаясь от всяких неприязненных действий в отношении японцев и китайцев [11].

4 сентября 1852 г. Николай I утвердил инструкцию Министерства иностранных дел Путятину, в которой указывалось, что американская экспедиция будет добиваться открытия торговли с Японией если не через переговоры, то посредством силы; русская экспедиция, наоборот, должна только мирным путем убедить японское правительство в выгоде торговых и политических связей между двумя соседними державами и добиться открытия хотя бы одной гавани для русских судов. Министерство предписывало Путятину при переговорах с японскими чиновниками держаться самого миролюбивого и дружественного тона [12].

Тогда же Николай I в грамоте японскому императору и канцлер К. Нессельроде от имени Министерства иностранных дел в письме японским властям отмечали дружеский характер посольства Путятина и просили разрешить русским подданным посещать гавани Японии для торговых и других мирных целей [13]. 19 октября 1852 г. Е. В. Путятин отправился на фрегате «Паллада» в Японию.

Весть о посольстве Путятина была враждебно воспринята американским правительством, хотя оно неоднократно заверяло Россию в своем дружественном отношении. 8 января 1853 г. американский посланник в Петербурге Браун по поручению госдепартамента отправил ноту Министерству иностранных дел. Он выразил «удивление» по поводу командирования русского фрегата с «неизвестной целью» в Тихий океан в тот самый момент, когда правительство США, отправив экспедицию в том же направлении для установления «дружеских» и торговых отношений с Японией, довело об этом до всеобщего сведения.

22 января 1853 г. Нессельроде ответил Брауну, что русское правительство не имело намерений сделать тайну из отправки судна и скрывать мотивы, которыми оно руководствовалось; оно не нашло нужным официально предупредить американское правительство, поскольку отправило не военную экспедицию, а одно лишь судно. К тому же это мероприятие в достаточной мере мотивируется необходимостью охраны русских колоний в Америке и восточного побережья азиатского материка. Русские воды раньше редко посещались иностранными судами, но в последнее время, по разным обстоятельствам, стали ареной необычайной их деятельности. Опасения русского правительства, естественно, усилились ввиду отправления значительной американской экспедиции к берегам Японии, ибо мощность ее вооруженных сил, очевидно, должна была соответствовать важности поставленных перед ней задач. Русское правительство узнало о размерах вооружения этой экспедиции и о месте ее назначения только через прессу.

[10] АВПР, ф. Главный архив МИД I—1, 1852, д. 162, л. 44—51. Журнал Особого комитета от 7 (19) мая 1852 г.

[11] Там же, ф. Главный архив МИД I—9, 1852—1853, д. 17, ч. 1, стр. 52—56. Секретная инструкция генерал-адъютанту Путятину по морской части от 13(25) августа 1852 г.

[12] Там же, ф. Главный архив МИД I—1, 1852, д. 162, л. 96—122. Инструкция МИД генерал-адъютанту Путятину от 23 августа (4 сентября) 1852 г.

[13] Там же, л. 90—92, 123—125. Письмо МИД к японским властям от 23 августа (4 сентября). Высочайшая грамота к японскому императору от 23 августа (4 сентября) 1852 г.

Желательно, подчеркивал Нессельроде, чтобы русское судно могло бы своим присутствием и требованиями чисто мирного характера содействовать столь желанному успеху; и русское правительство льстит себя надеждой, что США не увидят в этом отправлении фрегата ничего противоречащего обоюдным отношениям [14].

8 марта 1853 г. Нессельроде в послании японскому Верховному совету отметил, что цель посольства Путятина войти в откровенные объяснения с японским правительством относительно мер, направленных к устранению недоразумений между Россией и Японией. Нессельроде подчеркивал, что события, происходящие на морях, которые омывают владения Японии и России, требуют безотлагательного разрешения вопроса о границах, что Россия при обширности ее владений не нуждается в новых территориальных приобретениях, но разрешение вопроса о границах будет лучшим залогом мирных отношений между обеими странами. Далее Нессельроде просил выделить несколько гаваней для торговли между русскими и японцами и разрешить военным судам заходить в японские порты по пути на Камчатку и в американские колонии России, если им необходимо будет пополнить свои припасы и совершить текущий ремонт. Указывая, что эти предложения не затрагивают существенных интересов Японии, Нессельроде подчеркивал, что «Россия, по соседству своему, более нежели другая держава, имеет право на подобные мирные и обоюдно полезные сношения» [15].

8 марта 1853 г. в дополнительной инструкции Путятину предписывалось зайти в Нагасаки, чтобы не оскорбить японское правительство нарушением запрета иностранцам посещать закрытые порты Японии. Ему предлагалось при переговорах особо отметить значение Сахалина как ключа к Амуру и угрозу захвата острова какой-нибудь сильной морской державой, соседство которой для японцев не будет столь выгодно и безопасно, как соседство России, чье бескорыстие ими испытано веками [16].

22 марта 1853 г. Путятин прибыл к мысу Доброй Надежды. Офицеры прибывшего туда в апреле американского парохода «Паугаттан» заявили русским, что эскадра Перри будет сформирована в Макао и что вместе с отрядом Рингольда соберется в Тихом океане 15 американских судов. Сообщая об этом директору Азиатского департамента МИД Сенявину, Путятин подчеркивал: «Из разговоров на этом пароходе видно, что при малейшем сопротивлении американцы готовы действовать вооруженной рукой, и что, истратив огромные суммы на снаряжение этой экспедиции, они не воротятся, не достигнув цели» [17]. Во время посещения Кантона Путятин узнал от американских резидентов о пребывании эскадры Перри на Рюкю. Перри потребовал от регента Рюкю установить торговые сношения с США и предоставить место для создания американской базы. Регент после высадки американского десанта согласился принять эти требования, но только 11 июля 1854 г. заключил договор с США.

В июне 1853 г. суда Перри обследовали архипелаг Бонин (Огасавара). Перри намеревался создать американские базы не только в Японии, но и в гавани Ллойд на острове Пиль, на Тайване и Филиппинах, куда посылал с разведывательными целями суда своей эскадры. Он рассчитывал таким путем укрепить позиции США на Тихом океане. Перри одним из первых пытался претворить эти планы в жизнь. Однако в период

[14] АВПР, ф. Главный архив МИД I—9,1852—1853, д. 17, ч. 1, л. 155—159. Копия ноты Нессельроде от 10 (22) января 1853 г.

[15] Там же, л. 94—96, 100. Копия послания К. Нессельроде японскому Верховному совету от 24 февраля (8 марта) 1853 г.

[16] Там же, л. 209—222, 236. Дополнительная инструкция генерал-адъютанту Путятину от 24 февраля (8 марта) 1853 г.

[17] Там же, л. 278—281. Донесение Путятина Сенявину от 8 (20) апреля 1853 г.

гражданской войны США вынуждены были временно отказаться от военной экспансии в западной части Тихого океана. Кроме того, экспансия США в этом районе была затруднена отсутствием сильного военно-морского флота, а также противодействием Англии и Франции.

8 июля 1853 г. эскадра Перри в составе четырех судов прибыла в Эдоский залив. Перри сразу же занял решительную позицию. Он отказался принять японских чиновников, прибывших на флагман для производства обычного опроса, и выстрелами из судовых пушек разогнал караульные лодки, окружившие американские суда. Американцы обследовали Эдоский залив и убедились в слабости его обороны. Перри категорически отказался отправиться в Нагасаки, а, наоборот, продвинул эскадру ближе к Эдо и развернул ее в боевой порядок. «Когда суда приблизились к заливу,— писал историограф экспедиции Гаукс,— коммодором были даны сигналы и палубы немедленно освободились для военных действий, орудия установлены и заряжены, боевые припасы подготовлены, ружья приготовлены, часовые и команды расставлены по местам. Короче говоря, сделаны все приготовления, обычные перед столкновением с врагом» [18].

Японские власти заявили протест против военной демонстрации американцев. Но Перри через своего адъютанта надменно ответил, что он руководствуется американскими законами и будет разговаривать только с высшими сановниками. Появление в гавани Урага американских судов, прозванных японцами «черными кораблями», поскольку они были окутаны клубами черного дыма, произвело панику среди населения столицы и ее окрестностей. Многие горожане бежали в провинцию. Сёгун Иэёси предписал феодалам приморских провинций укрепить форты и увеличить гарнизоны, горожанам внести средства на оборону, а храмам служить молебны.

14 июля Перри высадился с отрядом в 300 матросов, а его суда продвинулись ближе к берегу. В деревне Куригама была назначена встреча с японскими уполномоченными, которые приняли кредитивную грамоту и письма Фильмора и Перри к правителю Японии. Во время этой церемонии, длившейся 20—30 минут, уполномоченные демонстративно не проронили ни единого слова. Перри заявил им, что вернется за ответом весной будущего года с еще большим количеством судов. На другой день он продвинул флагман на расстояние десяти миль от столицы, чтобы заставить японских чиновников обещать благоприятный ответ. 17 июля Перри покинул японские воды, не дожидаясь ответа на письмо Фильмора. Он спешил вернуться в Китай, чтобы силой оружия отстаивать интересы американской буржуазии. Но весть о прибытии русского посольства в Нагасаки побудила Перри ранее намеченного срока отправиться в Японию.

6 августа 1853 г. в гавани Ллойд на острове Пиль собралась вся русская эскадра, которая отправилась в Нагасаки. Прибытие в Нагасаки было, как писал Путятин, торжественной минутой: «С напряженным вниманием и любопытством, которое постоянно поддерживалось в течение десятимесячного плавания, завидели мы берега Японии, как страны во многих отношениях загадочной и неисследованной. С этим вместе мы достигали главного предела нашего похода, и потому минута, когда 9 августа наши четыре судна бросили якорь в Нагасакском рейде, была одной из торжественных минут нашего плавания» [19].

[18] *F. Hawks.* Narrative of the expedition of an American squadron to the China Seas and Japan, performed in the years 1852, 1853 and 1854 under the command of Commodore M. C. Perry. New York, 1857, p. 231.

[19] АВПР, ф. Главный архив МИД I—9, д. 17, ч. 2, л. 355—356. Копия всеподданнейшего донесения Путятина от 29 марта (10 апреля) 1856 г. (Даты в цитатах везде даны по старому стилю).

Итак, русское посольство, отправившееся из Кронштадта на месяц раньше американской экспедиции, прибыло шестью неделями позже нее к месту назначения. Подобная задержка в пути объяснялась рядом причин. Морское министерство оказалось не в состоянии предоставить в распоряжение посольства судно новейшей конструкции. Фрегат «Паллада» уже не годился для кругосветного плавания, почти после каждого шторма его приходилось ставить на ремонт, который в английских портах преднамеренно затягивался. Путятин ожидал прибытия курьеров с дополнительными инструкциями, которые из-за недальновидности Министерства иностранных дел были отправлены через полгода после отплытия Путятина из Кронштадта. Согласно этим новым инструкциям Путятин, помимо переговоров об установлении дипломатических и торговых отношений, должен был договориться о границах между русскими и японскими владениями. Русское правительство стремилось оформить исторические права России на Сахалин и Курильские острова, особенно ввиду усилившейся угрозы захвата их Англией и США. Разрешение этих задач должно было способствовать экономическому развитию русского Дальнего Востока и укрепить политические и военные позиции России на Тихом океане.

21 августа 1853 г. посольство Путятина прибыло в Нагасаки.

Японское правительство не разрешило Путятину приезд в Эдо, ибо появление новых иностранных судов у ворот столицы и одновременные переговоры с представителями США и России должны были привести к немедленному отказу от политики изоляции. Понимая неизбежность «открытия» страны в результате изменения внутреннего и международного положения, японское правительство всячески старалось оттянуть этот момент.

В это время Япония переживала глубокий экономический и политический кризис. Разложение феодальной экономики подорвало основы господства сёгуната Токугава. Он уже не мог справиться с волной восстаний крестьянства и городской бедноты против непосильных феодальных тягот, ростовщической кабалы и политического бесправия [20]. Усилилась борьба торгово-промышленной буржуазии и ремесленников и оппозиция императорского двора, юго-западных князей и их вассалов к сёгунату Токугава. Военное столкновение с западными капиталистическими державами могло привести к полному поражению сёгуната, кризису всей феодальной системы и росту революционного движения в стране. Приход иностранных эскадр застал Японию врасплох, и тут в полной мере проявился двойственный характер внешней политики японского правительства. Оно пыталось уклониться от решительного ответа на требование открыть гавани, рассчитывая путем мелких уступок иностранцам избежать столкновения с ними, выиграть время для укрепления обороны страны. Первая уступка была сделана под жерлами пушек Перри, вынудившего принять письмо президента Фильмора. Это вызвало недовольство оппозиции. 6 августа сёгун запросил мнение императора Комэй относительно целесообразности открытия портов для иностранцев. Одновременно правительство просило князей высказать свое мнение по этому вопросу. Такое обращение было неслыханным нарушением традиций и свидетельствовало о слабости сёгуната, не решавшегося взять на себя ответственность. В начале 1854 г. были получены ответы сорока князей. Большинство требо-

[20] По данным японского буржуазного профессора Куромаса Ивао, в правление сёгуната Токугава (1603—1867) произошло 1240 крестьянских восстаний. С каждым столетием число их увеличивалось: в 1603—1702 гг.—165 восстаний, в 1703—1802 гг.—495, в 1803—1867 гг.— 483. См. *Куромаса Ивао.* Хякусё икки гайкан оёби нэнцё (Общий обзор и хроника крестьянских восстаний), т. 17, вып. 3. Токио, 1923, стр. 122.

вало изгнания американцев в соответствии с неоднократно издаваемыми инструкциями. Императорский двор придерживался такого же мнения. Но некоторые князья (Ии, Хотта, Мацудайра, Макино, Датэ, Хосокава и др.), ссылаясь на изменение международной обстановки, на военную слабость Японии, рекомендовали пойти на временные уступки, открыть гавани на срок от трех до десяти лет, использовать торговлю с иностранцами и особенно западную военную технику для укрепления обороны страны. Ии Камон-но-ками Наосукэ, глава княжества Хиконэ, предостерегал сёгуна о том, что дальнейшие попытки сохранить традиционную политику изоляции страны приведут к печальным последствиям. Военно-феодальное правительство объявило принятие письма президента США «временной мерой» и предписало укрепить оборону морского побережья, особенно Эдоского залива и районов Осака и Киото. Были увеличены гарнизоны, построены укрепления и назначены уполномоченные по охране побережья. Правительство отменило запрет строить суда водоизмещением более 500 коку [21]. Чтобы выиграть время, оно объявило, что в связи со смертью (14 августа 1853 г.) сёгуна Иэёси придется отложить обсуждение вопроса об открытии портов.

Путятин настаивал на переговорах, но старался соблюдать умеренность, чтобы не создать трудностей в будущих русско-японских отношениях. В рапорте генерал-адмиралу Константину [22] Путятин подчеркивал, что американцы, в отличие от русских, проявили полное пренебрежение к японским обычаям, что показывает намерение их действовать силой в случае отказа японского правительства удовлетворить домогательства США. Он заверял, что будет придерживаться тактики мирных переговоров в соответствии с данными ему директивами [23].

12 января 1854 г. начались переговоры Путятина с японскими уполномоченными. 16 января они вручили Путятину ответ японского правительства на письмо Нессельроде, в котором давалось согласие обсудить вопрос об установлении границ и открытии японских портов. При этом правительство соглашалось отменить законы об изоляции Японии только через несколько лет под тем предлогом, что потребуется время для принятия решения на совещании князей и учета внутренних ресурсов страны, которые могут быть использованы для нужд внешней торговли. Однако Путятин в результате восьми последующих заседаний добился согласия уполномоченных на предоставление России права наиболее благоприятствуемой нации.

4 февраля Путятин отдал прощальный визит уполномоченным и получил от них письменное подтверждение прежнего обещания: «1. Когда впоследствии правительство японское откроет свои порты для торговли, тогда Россия будет допущена ранее к этой торговле, чем какая-либо другая нация. 2. Если бы впоследствии Япония открыла торговлю для других наций, то в уважение соседства, все права и преимущества как торговые, так и всякого другого рода, которые будут предоставлены другим нациям сверх данных России,— в то же время будут распространены и на российских подданных» [24].

На другой день Путятин покинул с эскадрой Нагасаки и 13 февраля зашел на Рюкю, где узнал, что Перри отправился в Эдоский залив, оста-

[21] *Саито Таро*. Нихон гайко-си (История японской дипломатии). «Дай нихон-си кодза», 1937, № 4, стр. 219.

[22] АВПР, ф. Главный архив МИД I—9, 1853—1856, д. 17, ч. 2, л. 34—42. Копия рапорта генерал-адъютанта Путятина управляющему Морским министерством вел. князю Константину от 20 сентября (2 октября) 1853 г.

[23] Там же, л. 41.

[24] Там же, л. 135.

вив в Нафа нескольких больных американцев и склад со значительным количеством угля. «Американский офицер,— пишет Путятин,— заведывающий этим депо, прибыл на фрегат с бумагами от Перри, в которых он объявляет всем приходящим судам, что остров Лучу принят им под ведение правительства Соединенных Штатов в возмездие за некоторые требования, не удовлетворенные японским правительством» [25]. Местные власти заверили Путятина в том, что они отказались удовлетворить эти претензии американцев.

13 февраля 1854 г. восемь американских судов под командованием Перри бросили якорь в двенадцати милях от Урага и в двадцати милях от Эдо. Через несколько дней прибыли еще два судна. Таким образом, американская эскадра представляла внушительную силу из десяти судов, имевших на своем вооружении 250 пушек и команду в 1800 человек. 8 марта японские уполномоченные прибыли в Канагаву для переговоров с Перри, который сошел на берег под охраной 500 моряков. Перри потребовал заключения договора по типу кабального американо-китайского трактата 1844 г., угрожая в противном случае ввести в японские воды дополнительное количество судов [26]. 31 марта 1854 г. был заключен Канагавский договор. Для американцев были открыты порты Симода и Хакодатэ, где их суда могли снабжаться припасами. Американские граждане получили право пользоваться в Японии такой же свободой, как и в других странах; их не имели права подвергнуть тюремному заключению за совершенные ими какие-либо преступления. Этой статьей было положено начало права экстерриториальности американцев в Японии, которым они фактически пользовались с 1854 г. Японское правительство предоставило США право наиболее благоприятствуемой нации и разрешило создать консульство в Симоде по истечении восемнадцати месяцев со дня подписания договора [27].

Злоупотребляя этими правами, американские матросы вели себя в Японии, как в завоеванной стране. Они нарушали законы и обычаи страны, чинили насилия над местными жителями. Не удивительно, что население стало сразу жаловаться на их бесчинства. Но эти жалобы оставались безрезультатными. Перри не только не принял мер к прекращению бесчинств матросов, но взял их под защиту, пригрозив принять меры против «оскорбления» американцев и их религии [28]. Хотя Канагавский договор носил неравноправный характер, он не предоставил американцам торговых привилегий. Это вызвало недовольство американской буржуазии, стремившейся захватить японский рынок. Поэтому США стали добиваться заключения торгового договора, который и был подписан 29 июля 1858 г. консулом Таунсендом Гаррисом. США спешили захватить в Японии господствующие позиции, которые содействовали бы их борьбе с Англией и Россией на Тихом океане.

Пребывание русского посольства в Нагасаки сдерживало действия Перри в Эдоском заливе. Это косвенно признают многие авторы, которые

[25] АВПР, ф. Главный архив МИД I—9, д. 17, ч. 2, л. 137. Из депеши Путятина Сенявину от 27 февраля (11 марта) 1854 г.

[26] *Киёдзава*. Указ. соч., т. I, стр. 45; *F. Hawks*. Указ. соч., стр. 328—351.

[27] *Э. Д. Гримм*. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927, стр. 50—51.

[28] Уильямс, переводчик Перри, писал, что 20 мая Перри явился на устроенный для американцев базар, «взял несколько вещей и ушел, после чего последовал такой грабеж, что я диву дался, ибо это не делало чести морским офицерам. Меня рвали на части, туземцы и иностранцы, но я не мог удовлетворить их требования и добиться чего бы то ни было, даже если бы я этого желал. Мне было стыдно за американцев перед японскими чиновниками, бывшими свидетелями такой жадности». *W. Wiliams*. A journal of the Perry expedition to Japan 1853—1854. Transactions of Asiatic society in Japan, vol. 37, part II. Tokyo—Yokohama, 1910, p. 195, 209—210.

отмечают коренное отличие тактики Путятина от тактики Перри [29]. Известный японский буржуазный историк Токутоми Иитиро пишет: «Коммодор Перри и русский посол Путятин придерживались диаметрально противоположной тактики в отношении японцев. Русский посол, уважая древние законы Японии, старался своими доводами убедить японцев. Коммодор Перри с самого начала пытался угрозами и демонстрациями напугать японцев и готов был, на худой конец, прибегнуть к вооруженной силе» [30]. Путятин, в отличие от Перри, старался максимально соблюдать японские законы и обычаи. Он терпеливо доказывал японцам, что Россия не питает враждебных чувств к Японии и желает лишь установить торговые сношения и определить границы обоих государств [31]. Ему в значительной мере удалось рассеять подозрения относительно «северной угрозы», которые в течение веков культивировали голландцы и реакционные самураи. Японский буржуазный историк Куно Ёси пишет: «Японцы, предупрежденные голландцами о приближении русского посольства, были страшно встревожены. Однако Путятин своим тактом, учтивостью и дипломатией вскоре снискал доверие японских чиновников» [32].

Таким образом, русскому посольству в немалой степени удалось убедить японское правительство в мирных намерениях России.

Это весьма беспокоило правящие круги США. Весной 1854 г. в газетах Калифорнии появились сведения о пребывании русского посольства в Нагасаки, о хорошем приеме Путятина и обещании японского правительства открыть порты для русских судов. В мае 1854 г. государственный секретарь США Марси вызвал русского поверенного в делах Стекля и пытался выяснить подробности переговоров Путятина в Нагасаки, причем лицемерно утверждал, что американское правительство якобы даже отказалось от мысли прибегнуть к силе, поэтому трудно ожидать положительных результатов от переговоров Перри [33].

Между тем Канагавский договор был уже заключен в результате военных угроз и шантажа. 14 октября 1854 г. был подписан в Нагасаки англо-японский неравноправный договор. Командующий английской эскадрой в китайских водах Джемс Стирлинг предупредил японских уполномоченных о том, что его эскадра вступит в бой с русскими судами, если они окажутся в японских водах [34]. Таким образом, Англия собиралась нарушить нейтралитет Японии в Крымской войне[35].

В связи с военными действиями на Дальнем Востоке русско-японские переговоры возобновились лишь в конце 1854 г.

[29] *Хаттори Юкифуса*. Бакумацу ни окэру сэкай дзёсэй оёби гайко дзидзё (Обзор международного положения и внешней политики Японии в период Бакумацу). Токио, 1932, стр. 24; *Окума Сигэнобу*. Кайкоку тайсэй-си (История открытия страны). Токио, 1923, стр. 826—827; *Киёдзава*. Указ. соч., т. I, стр. 59; J. *Murdoch*. A history of Japan, vol. III. London, 1926, p. 595.

[30] *Токутоми Иитиро*. Кинсэй Нихон кокумин-си (Новая история японского народа), т. 32. Токио, 1935, стр. 45.

[31] АВПР, ф. Главный архив МИД I—9, 1853—1856 гг., д. 17, ч. 2, л 357. Из всеподданнейшего донесения генерал-адъютанта Путятина от 29 марта (10 апреля) 1856 г.

[32] *Kuno Yoshi*. Japanise expansion of the Asiatic continent. A study in the history of Japan with special reference to her international relations with China, Korea and Russia, vol. II. Berkeley — California, 1940, p. 243.

[33] АВПР, ф. Главный архив МИД I—9, 1853—1856 гг., д. 17, ч. 2, л. 145—146. Донесение Стекля Нессельроде от 6(18) мая 1854 г.

[34] *Киёдзава*. Указ. соч., т. I, стр. 45; *F. Jones*. Extraterritoriality in Japan and the diplomatic relations resulting in its abolition 1853—1899. New Haven, 1931, p. 13.

[35] В период Крымской войны английские и французские военные корабли использовали японские порты не только для стоянок, ремонта и пополнения припасов, но и для набегов на дальневосточное побережье России и выслеживания русских судов. Население Камчатки дважды сбрасывало в море десанты англо-французской эскадры и отстояло русские дальневосточные рубежи.

21 октября Путятин прибыл на фрегате «Диана» в Хакодатэ, чтобы передать через местного губернатора письмо правительству с просьбой прислать в Осака уполномоченных для завершения переговоров. 8 ноября Путятин пришел в Осака, но ему предложили отправиться в Симоду, куда обещали прибыть японские уполномоченные. Японский буржуазный историк Киёдзава Киёси объясняет это бесцеремонное обращение с послом дружественной державы тем, что японское правительство истолковало его прибытие с одним судном и необыкновенную уступчивость как признак слабости России [36]. 20 декабря начались переговоры в Симоде, которые были прерваны в связи с землетрясением и гибелью фрегата «Диана».

Наконец, 7 февраля 1855 г. был заключен первый русско-японский договор. Между Россией и Японией устанавливались дипломатические отношения. Подданные одной стороны должны были пользоваться покровительством и защитой на территории другой стороны, причем обеспечивалась неприкосновенность их собственности. Были открыты порты Симода, Хакодатэ и Нагасаки. Россия получала права экстерриториальности и наиболее благоприятствуемой нации [37].

Весть о заключении Симодского трактата была воспринята русским правительством с большим удовлетворением. 18 августа 1855 г. Нессельроде отправил японскому правительству письмо, в котором сообщил о ратификации договора и выражал уверенность, что торжественный акт обмена ратификациями послужит утверждению на незыблемой основе мира, дружбы и доброго согласия между обеими империями [38]. Путятин придавал большое значение удачному завершению своей миссии. «Таким образом,— писал он в своей «Записке»,— после неоднократных и тщетных в прежнее время попыток нашего правительства, совершилось заключение трактата о торговых и дружественных сношениях с Японией, которое при возрастающем развитии торгового мореплавания в нашем отечестве, при нынешнем распространении нашего народонаселения по берегам Восточного океана и соприкосновении российских границ с японскими, несомненно поведет к самым благим последствиям для поддержания обоих государств» [39].

Наконец, после столетия неудачных попыток Россия установила официальные отношения с Японией. В отличие от США, Англии и Франции, Россия не оказывала военного нажима на Японию и строго соблюдала принцип невмешательства во внутренние дела Японии. Подобная политика вменялась в обязанность всем русским представителям в Японии. Так, 20 февраля 1858 г. в инструкции Министерства иностранных дел первому русскому консулу в Хакодатэ Гошкевичу указывалось: «Мы желаем единственно упрочения и распространения нашей торговли с Японией. Всякие другие виды, всякая другая мысль о вмешательстве во внутренние ее дела чужды нашей политике. Старайтесь убедить в том японское правительство и наблюдайте, чтобы неприязненные внушения не дали ему превратного понятия о наших намерениях» [40].

Итак, в период домонополистического капитализма отношения России и Японии носили мирный характер вопреки попыткам некоторых государств спровоцировать русско-японский конфликт.

[36] *Киёдзава*. Указ. соч., т. I, стр. 59—60.

[37] *Э. Д. Гримм*. Указ. соч., стр. 52—53.

[38] ЦГАВМФ, ф. Инспекторский департамент, 1855—1858, д. 902, л. 22—24.

[39] Там же, ф. Канцелярия морского министерства, 1855—1860, д. 14835, л. 27—50. «Записка о действиях генерал-адъютанта графа Путятина в Японии по возложенным на него поручениям от 19(31) марта 1856 г.»

[40] Там же, 1858—1866, д. 473/16527, л. 12—16.

Столкновение в конце XIX в. империалистических интересов России и Японии на азиатском материке положило начало новому этапу в русско-японских отношениях и привело к войне 1904—1905 гг. Япония, развязавшая эту войну при помощи Англии и США, захватила Южный Сахалин и утвердилась на Курильских островах. Царская Россия, проиграв войну с Японией, вынуждена была заключить позорный Портсмутский договор.

Великая Октябрьская социалистическая революция покончила с империалистической политикой самодержавия. Советская Россия стала проводить принципиально иную политику, преследующую задачи поддержания мира и расширения связей на основе равноправия, соблюдения взаимных интересов и уважения суверенитета договаривающихся сторон, а также решительной защиты неприкосновенности советских территорий от посягательств империалистических держав.

Японский империализм, поощряемый и поддерживаемый некоторыми западными державами, неоднократно пытался развязать агрессию против Советского Союза. Но неоднократные захватнические попытки японских империалистов получали сокрушительный отпор со стороны советского народа. Капитуляция японского империализма в 1945 г. означала конец второй мировой войны. Бесспорные исторические права Советского Союза на исконные русские земли — Курильские острова и Южный Сахалин, захваченные японскими империалистами, были подтверждены Ялтинской конференцией; эти острова были возвращены советскому народу.

Советский Союз, осуществляя миролюбивую политику в отношении других государств, неуклонно отстаивает дело мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире. Советское государство выступает за развитие самостоятельной мирной экономики и национальной культуры японского народа. В этом Советский Союз находит полную поддержку со стороны Китайской Народной Республики и всех миролюбивых народов.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В ПРОВИНЦИИ КНР — СИНЬЦЗЯНЕ

И. Б. ШЕВЕЛЬ

Аграрная реформа в новых освобожденных районах Китайской Народной Республики, проводившаяся на основе Закона о земельной реформе от 28 июня 1950 г., была завершена в основном осенью 1952 г. К трехлетию КНР аграрная реформа была закончена на территории, на которой живет 90% сельского населения страны. В остальных районах КНР (за исключением районов, населенных национальными меньшинствами) реформа осуществлялась в конце 1952 г. — начале 1953 г. Для того чтобы освободить производительные силы в сельском хозяйстве, развить сельскохозяйственное производство и подготовить условия для индустриализации Китая, аграрная реформа упразднила помещичье землевладение и установила мелкую крестьянскую собственность на землю. Среди безземельных и малоземельных крестьян было распределено 47 млн. га земли, ранее принадлежавшей помещикам.

Основные принципы аграрной политики Коммунистической партии Китая легли в основу аграрных преобразований и в населенных национальными меньшинствами районах, являющихся составной частью КНР. В этих районах, как и во всех остальных новых освобожденных районах, земельная реформа проводилась в соответствии с Законом от 28 июня 1950 г.

Провинция Синьцзян, занимающая шестую часть территории Китая, является одним из крупнейших национальных районов КНР. В Синьцзяне живет тринадцать основных национальностей [1].

Коммунистическая партия Китая и Центральное народное правительство КНР, учитывая особенности экономического, политического и культурного развития национальных окраин, их общее отставание от восточных районов страны, а также интересы укрепления единства народов Китая, на время отсрочили введение в действие Закона о земельной реформе с тем, чтобы лучше подготовиться к ней. Как отмечал секретарь ЦК КПК Лю Шао-ци в своем докладе об аграрной реформе, вопрос о том, когда приступить к аграрной реформе в этих районах «... должен быть решен на основе работы с национальными меньшинствами и сознательности народных масс. Мы должны предоставить национальным меньшинствам больше времени с тем, чтобы они могли подумать и подготовиться к проведению реформы, и мы не должны торопиться» [2].

[1] Уйгуры, казахи, китайцы, дунгане, монголы, узбеки, киргизы, русские, татары, таджики, маньчжуры, сибо, дауры.

[2] *Лю Шао-ци.* Об аграрной реформе в Китае. «Правда», 31 июля 1950 г.

Аграрная реформа в провинции Синьцзян была частью аграрных преобразований, проведенных в Китайской Народной Республике. Однако в районах, населенных национальными меньшинствами, подготовка к аграрной реформе заняла гораздо больше времени, чем в восточных районах страны. Осуществление аграрной реформы в Синьцзяне началось лишь через три года после освобождения, когда были завершены подготовительные мероприятия. Проведение реформы заняло в провинции около полутора лет и завершилось весной 1954 г. Относительно медленные темпы осуществления реформы свидетельствуют об учете специфических особенностей национального района.

В Синьцзяне, как и во всем Китае, главное противоречие в области аграрных отношений вырастало из монополии класса феодалов на землю и безземелья или малоземелья основной массы крестьянства. Аграрные противоречия в Синьцзяне обострялись еще и тем, что он был отсталой национальной окраиной полуколониальной страны. Значительная часть земель находилась в руках китайских помещиков, китайской торговой буржуазии и ростовщиков, эксплуатировавших местное население.

По данным обследования комиссии Синьцзянского бюро ЦК КПК, распределение обрабатываемой земельной площади между различными социальными группами накануне аграрной реформы было следующим [3]:

Социальные группы	Численность социальных групп	Количество земли (в му*)	Количество земли в среднем на душу (в му)
Помещики . . .	224 015	7 816 744	34,89
Кулаки	192 375	2 456 047	12,77
Середняки . . .	989 386	5 727 398	5,79
Бедняки	1 148 524	3 445 665	3,00
Батраки	696 627	203 845	0,29
Прочие	79 667	64 662	0,81
Всего . . .	3 330 594	19 714 361	5,92

* му = $^1/_{16}$ га.

Из этих данных видно, что на каждого помещика приходилось в среднем земли почти в шесть раз больше, чем на каждого середняка, в 11 раз больше, чем на бедняка, и в 120 раз больше, чем на каждого батрака. Каждый кулак имел земли в два раза больше, чем каждый середняк, в четыре раза больше, чем бедняк, и в 40 раз больше, чем батрак. По данным обследований, за период с начала 30-х годов по 1949 г. усиленным темпом продолжалось обезземеливание широких крестьянских масс, переход крестьянских земель в руки помещиков, пауперизация и обнищание крестьянства. Процент безземельных крестьян среди сельского населения возрос за указанное время с 13 до 20 [4]. Все более развивалось относительное аграрное перенаселение синьцзянской деревни. Экономические позиции помещиков усиливались также и потому, что им принадлежала значительная часть рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря.

Отличительной особенностью землевладения в Синьцзяне было наличие большого количества вакуфных земель, находившихся в основном в собственности различных религиозных учреждений (мечетей, мазаров, медресе). В Южном Синьцзяне вакуфные земли составляли 15—20% всех земель [5]. Большинство этих земель находилось в пользовании поме-

[3] «Синьцзянжибао», 8 августа 1951 г.
[4] Там же.
[5] «Синьцзянжибао», 28 мая 1952 г.

щиков, которые или вели на ней собственное полуфеодальное хозяйство, или сдавали ее в субаренду крестьянам на кабальных условиях.

Важным средством усиления господства помещиков над крестьянством было сосредоточение в их руках источников воды для орошения полей, являющейся важнейшим условием для занятия земледелием в провинции. В большинстве случаев собственность на ирригационные сооружения совмещалась с собственностью на землю, на которой они были сооружены.

Сосредоточение в руках помещиков собственности на землю, а также на водные источники и ирригационные сооружения было основой эксплуатации широких масс крестьянства Синьцзяна.

Землепользование в Синьцзяне несколько отличалось от землепользования в восточных провинциях Китая, где, как известно, помещики обычно более половины земли сдавали в аренду крестьянам, оставляя для ведения собственного хозяйства сравнительно небольшие участки. Часто они вообще не вели хозяйства, сдавая всю землю в аренду крестьянам. Синьцзянские помещики, которым принадлежало 40% обрабатываемых земель провинции, как правило, сами вели хозяйство на большей части принадлежавшей им земли. Как показали многочисленные обследования различных районов дореформенного Синьцзяна, проведенные провинциальным бюро ЦК КПК в 1951—1952 гг., размеры земельных участков, которые помещики оставляли для ведения собственного хозяйства, составляли обычно 60—90% всей их земли [6]. Эти участки обрабатывались в основном зависимыми, закабаленными крестьянами-арендаторами, которым сдавалось лишь 10—40% помещичьей земли и которые были вынуждены обрабатывать за это земли, оставлявшиеся помещиками для собственного хозяйства.

Пережитки феодальных методов ведения хозяйства определяли всю экономическую жизнь провинции. Их господство проявлялось здесь в еще большей степени, чем в восточных провинциях. Преобладающей формой ренты была рента продуктами. Существенное место занимала также отработочная рента. Удельный вес денежной ренты в силу недостаточного развития товарного хозяйства и товарно-денежных отношений был весьма незначительным. Денежная рента была распространена только в окрестностях крупных городов и поглощала 50—75% урожая. Денежная рента, как и рента продуктами, сопровождалась отработками [7].

Важнейшим видом аренды земли была издольная аренда (ортак), которая распространялась на 90% всей арендовавшейся крестьянами земли. По условиям аренды ортак крестьянин обычно вносил натурой половину, а иногда до 75% урожая, полученного с арендуемого участка земли, и кроме того, был обязан отработать в хозяйстве помещика. Таким образом, сдача в издольную аренду небольших участков земли была средством, обеспечивавшим помещичье хозяйство даровой рабочей силой.

Еще более кабальный характер носила так называемая соседская аренда (хошнидарчилик), когда арендатор—фактически полураб помещика — почти круглый год работал в помещичьем хозяйстве за предоставление ему в аренду земли и за пользование водой, средствами производства и жилищем, а также за отпущенные ему в долг продукты питания, одежду и т. д. С арендуемого участка крестьянин получал всего от $^1/_{14}$ до $^1/_5$ урожая [8]. Такая форма аренды была наиболее распространенной в Хотанском округе.

[6] См. «Синьцзянжибао», 9 и 31 августа, 17 сентября, 8 и 25 декабря 1951 г.
[7] «Синьцзянжибао», 31 августа и 25 декабря 1951 г.
[8] «Синьцзянжибао», 9 августа 1951 г.

Аренда кутара, при которой все производственные расходы лежали на арендаторе, встречалась лишь в районах сравнительно развитого товарного хозяйства. Арендная плата составляла обычно 50—75% урожая[9].

Одной из основных форм эксплуатации синьцзянского крестьянства было ростовщичество, получившее широкое развитие. Ростовщический процент составлял обычно 100, но достигал и 400.

Дополнительным бременем на плечи крестьянства ложились различные сборы в пользу крупного мусульманского духовенства.

Капиталистические отношения в земледелии развивались крайне медленно, чрезвычайно мучительным для широких масс крестьянства путем. В полуколониальном Китае развитие капитализма в деревне задерживали феодальное землевладение и обнищание большинства крестьян, которые были вынуждены арендовать землю на самых кабальных условиях.

Полуфеодальные производственные отношения оказывали разрушительное воздействие на производительные силы. Земледелие провинции не могло осуществлять не только расширенное, но часто даже и простое воспроизводство, вследствие чего с каждым годом земледелие приходило все в больший упадок. Показателем этого упадка являлось непрерывное сокращение посевных площадей, падение урожайности, разрушение ирригационной системы.

Переплетение господствующих феодальных пережитков с нарождающимися капиталистическими отношениями, крайне медленное развитие капитализма в деревне в условиях полуколониальной и полуфеодальной страны—таково было содержание аграрных отношений в гоминьдановском Синьцзяне.

Подготовка к широким аграрным преобразованиям в Синьцзяне началась вслед за освобождением провинции осенью 1949 г. Важнейшими подготовительными мероприятиями, предшествовавшими аграрной реформе, было введение системы прогрессивного налогообложения, наделение крестьян помещичьей землей на условиях аренды, преобразование системы водопользования, сначала выборочное, а затем повсеместное сокращение арендной платы, снижение ссудного процента, борьба с помещиками-деспотами.

В целях развития крестьянского хозяйства провинциальное народное правительство, в соответствии с указанием Центрального народного правительства о том, что налог не должен превышать 13% дохода от сельского хозяйства, определило общий размер осеннего сельскохозяйственного налога, вносимого провинцией государству в 1950 г., в 400 тыс. даней зерна[10]. При этом воинские части, размещенные в Синьцзяне, стараясь облегчить национальным меньшинствам подъем хозяйства, взяли на себя поставку государству 20 тыс. даней зерна. Это было ярким проявлением помощи Народно-освободительной армии крестьянству национальной окраины. Таким образом, население вносило государству в качестве налога 380 тыс. даней зерна. Вместе с начислениями, взимаемыми для нужд местных органов власти, составляющими 15% государственного налога, весь налог равнялся 437 тыс. даней, или 61% номинальной величины налога в период гоминьдановского господства[11].

[9] «Синьцзянжибао», 9 августа 1951 г.

[10] Дань (пикуль) — мера сыпучих тел, равная 103,5 л. Меры веса: цзинь — 596,8 г и городской цзинь — 500 г.

[11] «Синьцзян газети», 6 ноября 1950 г. Номинально в период господства реакционного гоминьдана налог составлял 720 тыс. даней. Фактическая сумма многочисленных налогов намного превышала эту цифру.

Была введена система прогрессивных налогов, при этом учитывалось различие условий сельскохозяйственного производства на севере и юге провинции. Наиболее бедные крестьяне, которые составляли 10% занятого в сельском хозяйстве населения, освобождались от уплаты налога. Например, в Южном Синьцзяне от уплаты налога были освобождены хозяйства, в которых на душу в год производилось менее 150 городских цзиней зерна, в Северном Синьцзяне — хозяйства с годовым доходом на душу менее 201 городского цзиня. Налоговые ставки устанавливались в пределах от 3 до 42% с получаемого дохода, в зависимости от его размеров[12].

Такая политика перекладывала основное бремя по уплате налога на эксплуататорские классы, повышала уровень материального благосостояния трудового крестьянства, стимулировала развитие сельскохозяйственного производства.

Широко распространенное в Синьцзяне ведение помещиками собственного хозяйства заставило осуществить здесь в качестве подготовительного мероприятия наделение безземельного и малоземельного крестьянства помещичьей землей на условиях аренды. В восточных районах Китая ближайшим требованием широких масс крестьянства, подвергавшихся эксплуатации на основе арендных отношений, являлось снижение арендной платы, а затем раздел помещичьих земель. В Синьцзяне этим требованиям предшествовало требование крестьян получить достаточное количество земли для обработки на условиях аренды. Поэтому политика народной власти в Синьцзяне, в первое время направленная на предоставление крестьянам земли в пользование на условиях аренды, соответствовала первоочередным нуждам крестьянства. Одновременно с этим мероприятием или через несколько месяцев после него проводилось снижение арендной платы. 1 апреля 1950 г. провинциальное народное правительство издало постановление о снижении арендной платы[13]. С целью накопления необходимого опыта постановление предусматривало проведение выборочного снижения арендной платы в различных районах провинции по окончании сбора осеннего урожая 1950 г. Землевладельцы не имели права продавать землю, закладывать или дарить ее, а также раздроблять земельные участки. Продажа земельных участков или их дробление, произведенные после 1 октября 1949 г., признавались недействительными. Землевладельцы обязаны были содержать в порядке принадлежащие им ирригационные сооружения.

Приступать к повсеместному снижению арендной платы можно было лишь накопив необходимый опыт. В соответствии с постановлением опытное снижение арендной платы было проведено с сентября 1950 г. по апрель 1951 г. в 24 волостях и 9 отдельных деревнях[14]. Этой работой руководили местные комитеты Коммунистической партии Китая и окружные управления. Большая помощь при этом была оказана кадровыми работниками, направленными из восточных провинций страны.

Первая сессия провинциальной конференции представителей всех национальностей и различных слоев населения, состоявшаяся в апреле — мае 1951 г., одобрила мероприятия по проведению повсеместного снижения арендной платы и организации борьбы против помещиков-деспотов. Вслед за тем провинциальным правительством были опубликованы «Правила снижения арендной платы в деревнях провинции Синьцзян». Осуществление этого постановления явилось серьезным

[12] «Синьцзян газети», 8 сентября и 6 ноября 1950 г.

[13] «Йени йол», 9 мая 1950 г.

[14] «Синьцзянжибао», 26 июня 1951 г.

шагом на пути к окончательной ломке полуфеодальных производственных отношений в Синьцзяне.

Постановление предусматривало снижение арендной платы с земли и кяризной воды[15], которые сдавались в аренду помещиками, кулаками, религиозными учреждениями. Арендная плата при аренде кутара независимо от ее первоначальной величины снижалась на 25%, после чего она не должна была превышать 37,5% урожая. Плата за пользование кяризной водой снижалась на 25%, причем максимум ее был установлен в 30% урожая. При издольной и соседской аренде арендная плата снижалась на 10—20% и не могла превышать в первом случае 40—45%, во втором — 50% среднегодового урожая. Отменялись проценты и арендная плата за предоставление взаймы продовольствия и помещений. Упразднялись отработки арендатора на земле землевладельца, а также монопольное право аренды и запрещалась аренда земли с целью сдачи ее в субаренду[16]. Запрещалось взимание, кроме установленной платы, каких-либо «вознаграждений», подношение подарков и т. д. Землевладельцы обязаны были вернуть арендную плату, взятую вперед, а также залоги, если это было сделано после постановления от 1 апреля 1950 г. Чтобы гарантировать права аренды, устанавливалось, что владельцы земли и воды не могут произвольно, без согласия арендаторов, сдавать арендуемые землю и воду другим лицам или отбирать их для ведения собственного хозяйства.

Была ликвидирована помещичья монополия на воду. Устанавливалось, что вода рек и крупных каналов не может присваиваться отдельными лицами. Реки и крупные каналы перешли в распоряжение Комитета по управлению водным хозяйством, т. е. превратились во всенародное достояние. Что касается кяризов, то они еще оставались у их прежних владельцев. Отменялась старая система водопользования, при которой помещики получали воду в первую очередь, а крестьяне могли пользоваться водой лишь после того, как помещики оросят свои поля. Теперь вода направлялась в первую очередь на крестьянские поля, что давало возможность производить новые запашки. Крестьяне освобождались на пять лет от арендной платы с поднятых целинных земель.

Наконец, важнейшим было решение о полной ликвидации рабской и крепостнической зависимости крестьян. Батраки, которые эксплуатировались докапиталистическими методами, со времени опубликования Закона о снижении арендной платы от 1 апреля 1950 г. должны были получать заработную плату. Предусмотренные постановлением мероприятия были направлены на ограничение полуфеодальной эксплуатации в деревне, на улучшение материального положения народа, на восстановление и развитие сельскохозяйственного производства, на подготовку условий для проведения аграрной реформы.

Одновременно с правилами о снижении арендной платы было опубликовано постановление о снижении в Синьцзяне ссудного процента. Осуществление этого постановления наносило сильнейший удар по кабальному ростовщическому кредиту. Была полностью аннулирована задолженность крестьян помещикам, возникшая до образования провинциального народного правительства, т. е. до 17 декабря 1949 г.

Вопрос о займах, полученных крестьянами у кулаков до 17 декабря 1949 г., разрешался следующим образом: если процент не достигал 100, то кредитор имел право как на основную сумму долга, так и на проценты; если процент достигал 100, то долг возвращался без процентов; если процент превышал 100, но не достигал 200, то возвращалась лишь половина взятого долга без процентов; если процент достигал 200, то не возвращался ни долг, ни процент на него; признавалась недействительной замена старых долговых соглашений новыми соглашениями, в которых невыплаченные проценты прибавлялись к первоначальной сумме долга. Предусматривалась организация правительственными органами и крестьянскими союзами кооперативов для кредитования крестьян на льготных условиях.

[15] Кяризы — подземные каналы, с помощью которых грунтовая вода выводится на поверхность.

[16] Это относилось к помещикам и кулакам, монополизировавшим право аренды ваккуфных земель, за которые взималась сравнительно низкая арендная плата, и сдававшим такие земли в субаренду крестьянам.

30 мая 1951 г. Синьцзянским бюро ЦК КПК была принята инструкция «О развертывании зимой текущего года и весной будущего года массового движения за снижение арендной платы и борьбы против деспотов», в которой обобщался опыт выборочного снижения арендной платы и намечались пути ее повсеместного снижения [17]. Вся работа по снижению арендной платы и борьба с помещиками-деспотами была проведена в провинции за период с сентября 1951 г. по май 1952 г.

Кампания по снижению арендной платы и борьбе с помещиками-деспотами завершила подготовку условий, необходимых для осуществления аграрной реформы в Синьцзяне. На Второй Всесиньцзянской партийной конференции в июле-августе 1952 г. основной задачей провинциальной парторганизации было признано проведение аграрной реформы, начиная с осени 1952 г.

С 22 августа по 10 сентября 1952 г. работала Вторая сессия провинциальной конференции представителей всех национальностей и различных слоев населения. На конференции были проанализированы недостатки и ошибки, допущенные в период кампании по снижению арендной платы и борьбе с помещиками-деспотами и определены пути и методы осуществления реформы в условиях Синьцзяна. Для непосредственного руководства аграрной реформой на этой конференции был избран Провинциальный комитет по проведению аграрной реформы, а в октябре 1952 г., уже в ходе реформы, был создан Провинциальный крестьянский союз.

В соответствии с решениями указанных конференций, в сентябре 1952 г. началось осуществление аграрной реформы. Классовая борьба в это время приняла еще более острый характер, чем в период кампании по снижению арендной платы и борьбе с деспотами. Основной движущей силой аграрных преобразований являлись бедняки и батраки, нужды которых при распределении земли удовлетворялись в первую очередь. В то же время не ослаблялся союз с середняком, интересы которого решительно защищались. Земля и другое имущество, принадлежавшее середнякам, в том числе и зажиточным середнякам, сохранялись в неприкосновенности. Союз бедняков, батраков и середняков являлся могучей силой в борьбе с феодализмом и важнейшим условием успеха земельной реформы. В целях расширения и укрепления антифеодального фронта в движение были вовлечены интеллигенция, торгово-промышленные круги, духовенство, различные демократические элементы, т. е. все те слои населения, которые могли в той или иной степени участвовать в антифеодальной борьбе.

В целях нейтрализации кулаков их хозяйства сохранялись, и только та часть земли кулаков-полупомещиков, которая сдавалась в аренду, подлежала реквизиции. Такие участки, как правило, были очень невелики. Причем, если в этом не было острой необходимости, то и они могли не подвергаться реквизиции. В тех случаях, когда все же прихо-

[17] См. «Синьцзян газети», 5 июля 1951 г.

дилось частично реквизировать земли кулаков, а также лиц, сдающих в аренду небольшие участки земли [18] (в соответствии со статьями 5 и 6-й Закона о земельной реформе), исполнительные органы по проведению аграрной реформы — крестьянские союзы — стремились по возможности не применять острых форм борьбы и реквизировали земли только после согласования с владельцами. Вопрос о реквизиции излишков земель лиц, сдающих в аренду мелкие участки земли, решался в каждом случае отдельно, в зависимости от обстоятельств.

К помещикам применялся дифференцированный подход. Острая борьба велась против наиболее злостных крупных помещиков, которые вызывали всеобщий гнев и упорно сопротивлялись проведению земельной реформы. Такие помещики разоблачались и беспощадно карались народным судом. Что касается помещиков, преступления которых были не очень велики, которые соблюдали Закон о земельной реформе, и даже тех злостных помещиков, которые после кампании по снижению арендной платы и борьбе с помещиками-деспотами вели себя лойяльно, то против них борьба велась в менее острых формах. Оказывалось снисхождение землевладельцам, принимавшим участие в национально-освободительном движении. Торговые и промышленные предприятия, принадлежавшие помещикам, сохранялись в неприкосновенности.

В условиях Синьцзяна особого внимания требовал вопрос о вакуфных землях. Религия имела здесь сильное влияние на население. Кроме того, часть вакуфных земель находилась в пользовании крестьян по праву вечной аренды на сравнительно льготных условиях. Раздел вакуфных земель затронул бы интересы части крестьян. Поэтому в соответствии с Законом о земельной реформе, устанавливающим, что земли, принадлежащие мечетям, при согласии на это местного мусульманского населения, могут быть сохранены за ними полностью или частично, было решено основную часть вакуфных земель оставить за религиозными учреждениями. Распределению наравне с помещичьими землями подлежала только та часть земель, которая уже перешла в руки крестьян.

Лица духовного звания имели право на получение земли наравне с крестьянами. Все это свидетельствует о политике свободы религиозных убеждений и уважения обычаев, проводимой народным правительством в районах, населенных национальными меньшинствами.

Другое важнейшее отличие в проведении аграрной реформы в Синьцзяне от ее осуществления в восточных провинциях связано с сильным развитием скотоводства в провинции. В скотоводческих районах были сильны пережитки родовых отношений. Вместе с тем крупные скотоводы не только подвергали жестокой эксплуатации полукрепостных пастухов и рядовых скотоводов, но и применяли наемный труд, который способствовал развитию производства. Подобная сложность производственных отношений в районах скотоводства требовала особого подхода к решению здесь аграрного вопроса. В связи с этим аграрная реформа в скотоводческих районах и в районах смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства не проводилась.

В отношении помещиков, проживавших в земледельческих районах и занимавшихся помимо земледелия также и скотоводством, осуществлялась политика конфискации лишь рабочего скота (тягловой силы), а продуктивный скот конфискации не подлежал, независимо от его количества.

[18] В категорию лиц, сдающих в аренду мелкие участки земли, включались военнослужащие Народно-освободительной армии, семьи погибших за революцию бойцов, рабочие, служащие, лица свободных профессий, мелкие торговцы и другие лица, вынужденные в силу занятости другими профессиями или из-за недостатка рабочих рук сдавать в аренду небольшие участки земли.

Таким образом, вышеотмеченные два обстоятельства (наличие вакуфного землевладения и значительное развитие скотоводства) также наложили свой отпечаток на проведение аграрной реформы в провинции.

Для успешного осуществления аграрной реформы в национальном районе было необходимо подготовить местные национальные кадры. В противном случае могла возникнуть опасность, что помещики используют аграрную реформу для провоцирования столкновений между отдельными национальностями и религиозными общинами. Все это свидетельствует о той сложности, которой отличалась обстановка в Синьцзяне, о той осторожности, которую необходимо было соблюдать, чтобы не нанести ущерба интересам отдельных групп населения и народному хозяйству провинции в целом. Аграрная реформа в Синьцзяне осуществлялась после завершения аграрных преобразований в восточных районах Китая. Это дало возможность использовать в Синьцзяне богатый опыт, накопленный в ходе аграрных преобразований. Коммунистическая партия Китая и Центральное народное правительство послали в Синьцзян тысячи кадровых работников-коммунистов, которые передали свой опыт местным национальным кадрам.

Политика партии и Центрального народного правительства направлена на оказание всемерной помощи национальным меньшинствам в подъеме хозяйства. Эта помощь многонациональному крестьянству Синьцзяна выражается в строительстве ирригационной системы, промышленных предприятий и дорог, уничтожении сельскохозяйственных вредителей, снабжении крестьян отборными семенами, внедрении научных методов ведения хозяйства, подготовке квалифицированных кадров. В ходе реформы эта помощь проявилась также в виде передачи крестьянам части возделанных Народно-освободительной армией целинных земель. В решении, принятом провинциальным бюро ЦК КПК о землях, находящихся в пользовании частей НОА, отмечалось, что за 1950—1952 гг. части НОА проделали большую работу по строительству ирригационных сооружений и подъему целины, чем в значительной степени облегчили материальное положение населения. Воинскими частями было освоено 1622 тыс. му земли. За эти годы воинские части совместно с местным населением восстановили арыки, речные дамбы, кяризы, ключи, посредством которых было дополнительно орошено 3390 тыс. му земли [19].

Частновладельческие земли (за исключением земель, принадлежавших крестьянству), освоенные НОА, подлежали, согласно решению, конфискации, реквизиции и распределению между местными крестьянами в соответствии с Законом о земельной реформе. Кроме того, в целях укрепления единства между армией и народом и в интересах удовлетворения потребностей крестьянства в земле, предусматривалось возвращение крестьянам принадлежавших им ранее целинных земель, поднятых НОА, а также передача безземельным и малоземельным крестьянам части освоенных НОА целинных земель, принадлежавших государству [20].

Как и снижение арендной платы, земельная реформа проводилась не одновременно по всей провинции, а постепенно, по районам. Реформа была проведена в период с сентября 1952 г. по декабрь 1953 г. После реформы повсеместно была проведена проверка ее результатов, закончившаяся весной 1954 г.

В ходе реформы была завершена национализация ирригационной системы. После кампании за снижение арендной платы большинство кяризов в Турфанском, Токсунском, Пичанском и Хамийском оазисах все-

[19] «Жэньминьжибао», 24 декабря 1952 г.
[20] «Синьцзянжибао», 25 ноября 1952 г.

еще оставалось в собственности помещиков, которые продолжали эксплуатировать крестьян, взимая арендную плату за воду. При проведении реформы в районах кяризного орошения органы народной власти руководствовались следующими принципами: 1) при конфискации помещичьей земли конфисковывались также принадлежавшие помещикам кяризы; 2) земля распределялась по числу едоков, вода — по размерам земельных участков; 3) если кяризная вода не находилась рядом с землями крестьян, на основе добровольности производился обмен участков земли и источников воды с целью их объединения в одних руках[21].

В результате земельной реформы в землевладении Синьцзяна произошли коренные изменения. Реформа была проведена в 1515 волостях с населением около четырех миллионов человек. По данным, относящимся к 1478 волостям, у помещиков, кулаков и лиц, сдающих в аренду мелкие участки земли, было конфисковано и реквизировано около 7430 тыс. му пахотной земли, а также рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь, которые были распределены среди 560 тыс. крестьянских семейств, насчитывающих 1966 тыс. человек. Согласно данным по всей провинции, крестьяне при разделе земли получили в среднем по 3,5 му на душу или по 12,3 му на хозяйство[22]. Таким образом, бедняцко-батрацкие слои крестьянства разрешили свои трудности, связанные с недостатком или отсутствием земли и средств производства.

В результате реформы было окончательно ликвидировано господство феодальных пережитков, тем самым было устранено основное препятствие для развития производительных сил.

Площадь обрабатываемых земель за пять лет выросла на 4,8 млн. му, т. е. почти на 30%, превысив в 1954 г. 21 млн. му [23]. В земледелии начали применяться современные сельскохозяйственные орудия и передовые методы обработки земли, что привело к повышению урожайности всех сельскохозяйственных культур.

Рост сельскохозяйственного производства со времени освобождения виден из следующих данных (в % к уровню 1949 г.) [24]:

Годы	Зерновые	Хлопок
1949	100	100
1950	112,44	122,51
1951	129,65	174,96
1952	149,77	261,65
1953	159,63	262,47
1954 (план)	164,57	265,91

Освободив крестьянство от необходимости уплачивать громадную арендную плату феодалам, реформа подняла уровень материального благосостояния крестьянства. Крестьяне получили возможность продавать излишки зерна, лучше питаться, приобретать сельскохозяйственные орудия. После освобождения был постепенно уменьшен разорительный для крестьян и выгодный для компрадоров разрыв между ценами на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, существовавший в период господства гоминьдана. Так, в декабре 1949 г. один кусок синей бязи обменивался на 1794 цзиня пшеницы, в первой половине 1952 г. кусок бязи обменивался на 236 цзиней пшеницы, а в конце 1953 г.— на 216,4 цзиня пшеницы [25].

[21] «Синьцзян газети», 6 сентября 1952 г.
[22] «Синьцзянжибао», 26 августа 1954 г.
[23] «Синьцзянжибао», 27 августа 1954 г.
[24] «Синьцзянжибао», 5 октября 1954 г.
[25] «Синьцзянжибао», 3 сентября 1952 г., 29 января 1954 г.

О повышении уровня материального благосостояния крестьянства свидетельствуют следующие данные: в 1950 г. в провинции было продано 198 тыс. кусков различных тканей и 1034 тыс. цзиней чая, а в 1953 г. было продано более 1300 тыс. кусков тканей и более 3519 тыс. цзиней чая [26].

Реформа привела к сплочению крестьянства вокруг рабочего класса и его партии, укрепила союз рабочего класса и крестьянства, усилила руководящую роль рабочего класса в этом союзе. Она способствовала изжитию чувства недоверия и отчужденности между национальностями. Аграрная реформа открыла перед народами Синьцзяна возможность идти вместе со всеми трудящимися Китая по пути к социализму.

Политика Коммунистической партии Китая в деревне после проведения земельной реформы состоит в том, чтобы настойчиво и вместе с тем осторожно, применяя разнообразные, приемлемые для крестьян переходные формы, направить производственную активность крестьянского индивидуального хозяйства на путь развития взаимопомощи и кооперации. Переформенная деревня Синьцзяна уже сделала первые шаги по этому пути. На данном этапе развития наибольшее распространение получила низшая форма коллективной организации труда — бригада трудовой взаимопомощи. К октябрю 1954 г. временными и постоянными бригадами трудовой взаимопомощи было охвачено 43,6% общего числа крестьянских хозяйств. Более высокую форму коллективного труда представляют сельскохозяйственные производственные кооперативы. К началу октября 1954 г. в провинции имелось 148 кооперативов, а также один колхоз, созданный в 1952 г. в порядке опыта как образцовое, показательное хозяйство [27]. Дальнейшее развитие синьцзянской деревни идет в русле общекитайского движения за кооперирование сельского хозяйства, в соответствии с генеральной линией партии в переходный период.

Известно большое значение аграрных преобразований для последовательного и полного разрешения национального вопроса, которое предполагает ликвидацию фактического неравенства национальных меньшинств, оставленного в наследство реакционным гоминьдановским режимом. Эту же цель преследуют и другие экономические и политические мероприятия Коммунистической партии и Центрального народного правительства в отношении национальных меньшинств, а именно: многообразная помощь Народного правительства и Народно-освободительной армии крестьянству, промышленное строительство, развитие транспорта, осуществление программы национальной автономии, широкое культурное строительство. Развитие национальных меньшинств по пути преодоления фактического неравенства есть в то же время развитие их по пути строительства социализма, минуя капитализм.

Сооружение железной дороги через Синьцзян в соответствии с советско-китайским соглашением, подписанным в октябре 1954 г., создаст благоприятные условия для крупного промышленного строительства, а следовательно, и для формирования рабочего класса из местных национальностей. Развитие промышленности и начавшийся культурный подъем еще более приблизят достижение народами провинции полного фактического равенства с более передовым в хозяйственном и культурном отношениях китайским народом, приблизят победу социализма.

[26] «Жэньминьжибао», 8 декабря 1952 г.
[27] «Синьцзянжибао», 11 декабря 1954 г.

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА В ЯПОНИИ

В. А. ПОПОВ

Борьба крестьянства во главе с рабочим классом за землю, против помещичьего землевладения как до капитуляции Японии, так и после нее была главной причиной, заставившей американские оккупационные власти и японское правительство провести земельную реформу. До войны в качестве основы для решения аграрного вопроса милитаристские круги в демагогических целях выдвигали лжетеорию о недостаточности в Японии пригодной для обработки земли и необходимости захвата чужих территорий. Провал колонизаторской политики в годы японской агрессии продемонстрировал полное банкротство этой лжетеории. Военная авантюра, сопровождавшаяся захватом чужих территорий, не только не облегчила положения японских крестьян, но принесла им новые лишения.

Решающая роль Советского Союза в разгроме милитаристской Японии дала японскому народу возможность ликвидировать военно-полицейский режим в стране и установить в Японии подлинно демократический строй. После капитуляции последовал колоссальный подъем демократического движения в стране. Вслед за рабочим классом усилили борьбу и крестьяне. Крестьянство боролось за землю, против принудительных поставок продовольствия и высоких налогов. Однако законные стремления японского народа натолкнулись на сопротивление американских империалистов.

Первой и основной целью, которую преследовали американские оккупационные власти и японские правящие круги при проведении реформы, было устранение опасности аграрной революции, ослабление напряженного положения в деревне. В. И. Ленин, говоря об аграрной программе русских либеральных помещиков, указывал: «. . . когда в область аграрных отношений начали вмешиваться активно и определенно сами крестьяне, тогда помещики заговорили о необходимости вмешательства государственного. Старая и вечно новая история!»[1]. Правящие круги Японии и оккупационные власти, чтобы сохранить основы помещичьего землевладения, были вынуждены ограничить применение наиболее ненавистных крестьянству методов полуфеодальной эксплуатации.

Реформа была направлена на раскол крестьянства. Этой цели должен был, в частности, служить выкуп, который в подобных случаях «...сводится к тому, чтобы усилить богатых крестьян за счет бедных, чтобы разъединить крестьянство, чтобы ослабить этим разъединением крестьянства его борьбу за полную свободу и за всю землю»[2]. Американские оккупационные власти и японские правящие круги стремились путем реформы создать в японской деревне прочную опору реакции в лице зажиточного крестьянства. Эту реформу следует рассматривать в первую очередь как вынужденное мероприятие, проведенное под давлением народных масс и демократической общественности как внутри Японии, так и вне ее. Советский Союз, боровшийся за демократизацию Японии, настаивал на проведении подлинно демократической аграрной реформы.

Вторая цель реформы заключалась в усилении эксплуатации крестьянства, в первую очередь японским монополистическим капиталом. В этом в немалой степени были заинтересованы также и монополии США. Война показала, что существовавшая в Японии система выжимания доходов из крестьянства не отвечает полностью требованиям военной экономики. Поэтому еще в 1940 г. была введена система принудительных поставок продовольствия. После капитуляции японским монополиям понадобились значительные средства для восстановления промышленности, особенно работающей на экспорт. Колоний Япония уже не имела, экспорт в первые годы был чрезвычайно ограниченным. Ограбление крестьянства стало одним из основных источников средств для содержания оккупационных войск, а затем и для восстановления военнопромышленного потенциала Японии.

В процессе проведения земельной реформы все более усиливались такие формы эксплуатации крестьянства, как принудительные поставки, налоги, проводилась политика цен, выгодная монополиям и разорительная для мелких производителей. Система принудительных поставок продовольствия по низким ценам, ставшая подлинным бедствием для крестьянства, служит не только целям ограбления крестьянства, но и способствует усилению эксплуатации рабочего класса. Ссылаясь на якобы низкие цены, по которым продается населению продовольствие, монополии, используя для этого государственный аппарат, замораживают заработную плату на низком уровне. Усиление эксплуатации крестьянства, ускорение его разорения создает еще больший резерв дешевой рабочей силы, чем до войны, что также отвечает интересам монополистического капитала, целям извлечения максимальной прибыли.

В октябре 1946 г. парламент Японии принял два закона («О поправках к закону 1938 г. об упорядочении сельскохозяйственных земель» и «Об особых мерах по созданию хозяйств крестьян-собственников»), которые обычно и называют законом о земельной реформе. Закон о земельной реформе был разработан совместно представителями штаба Макартура и министерства земледелия и лесного хозяйства Японии и таким образом отражал интересы как японских, так и американских правящих кругов.

Закон о земельной реформе предусматривал: а) выкуп правительством всей обрабатываемой земли у «отсутствующих», т. е. не проживающих в месте расположения их земли помещиков; б) выкуп у остальных помещиков излишков земли в среднем по стране сверх 3 тё[3] (для Хоккайдо — свыше 12 тё); в) разрешение землевладельцам сдавать в аренду в среднем по стране до 1 тё земли (для Хоккайдо — до 4 тё); г) выплату помещикам, помимо установленной официальной цены на землю, еще дополнительной компенсации; д) продажу правительством крестьянам, в первую очередь арендаторам, земли через посредство избираемых от различных групп сельского населения земельных комитетов; е) выплату по-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 8, стр. 288.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 10. стр. 403.

[3] 1 тё = 0,992 га.

купателями стоимости земли, частью единовременно, частью в рассрочку на 24 года из 3,2% годовых; ж) установление для оставшихся после реформы арендаторов денежной формы арендной платы не свыше 25% стоимости урожая для поливных полей и 15% — для неполивных; арендная плата в натуральной форме не разрешалась.

Закон о реформе содержал многочисленные оговорки, которые дали помещикам возможность обходить его основные положения. Поэтому реакционные черты аграрного законодательства (сохранение значительной части земли в руках помещиков, выкуп, всевозможные оговорки в интересах землевладельцев) были усугублены при проведении реформы, которое было поручено американскими оккупационными властями японскому правительству — правительству блока буржуазии и помещиков.

В местных, префектуральных и центральном земельном комитетах, которые непосредственно осуществляли земельную реформу, господствовали помещики и иногда зажиточные крестьяне. Местные органы власти и суды, издавна тесно связанные с помещиками, защищали их интересы. Практика проведения реформы оказалась еще хуже самого закона о реформе.

Антидемократический характер реформы не исключал борьбы внутри правящих классов по отдельным вопросам, в частности борьбы между монополиями и помещиками. Однако эта борьба имела частное, второстепенное значение. Главный фронт борьбы вокруг земельной реформы проходил между помещиками и крестьянством, выступавшим с требованием отобрать всю землю у помещиков, уничтожить помещичье землевладение. Борьба между крестьянами и помещиками была одним из основных факторов, влиявших на характер проведения реформы и на ее результаты. Крестьянство боролось за подлинно демократическую аграрную реформу, помещики стремились свести к минимуму уступки и изменения, на которые их вынуждала борьба крестьянства. При этом помещики очень широко нарушали даже положения закона о земельной реформе. Власти, как правило, потворствовали этому. Поддержка правительства и оккупационных властей обеспечила помещикам сохранение прочных позиций в деревне.

* * *

Прогрессивные японские ученые Утида и Фурухата в своей книге «Политика и экономика послевоенной Японии» отмечали: «Реформа была проведена так, чтобы она по возможности меньше затрагивала интересы помещиков и содействовала сохранению в деревне реакционной помещичьей системы и реакционных сил. Она в целом усилила проникновение в деревню капиталистических отношений и подчинение крестьянства капиталу и монополиям»[4].

Земельная реформа является одним из основных мероприятий в системе реформ и преобразований, проведенных в Японии после капитуляции. Каковы основные результаты земельной реформы?

Аренда крестьянами земли у помещиков после реформы сократилась. Однако она продолжает играть в японской деревне большую роль. Официальная статистика утверждает, что до реформы (апрель 1946 г.) арендаторы и полуарендаторы (т. е. крестьяне, которые обрабатывают в своем хозяйстве как собственную, так и арендуемую землю) составляли 67%, а после реформы (февраль 1950 г.) — 37,5% всех сельских хозяев. В абсолютных цифрах их количество снизилось

[4] *Утида* и *Фурухата*. Сэнго нихон но сэйдзи то кэйдзай. Токио, 1953, стр. 325.

с 3,8 млн. до 2,3 млн. Число так называемых крестьян-собственников увеличилось с 1,6 млн. до 3,8, млн., или с 29 до 61,8%[5]. Причем для 1946 г. «обрабатывающие помещики», т. е. помещики, ведущие собственное хозяйство, выделены в особую группу, а для 1950 г. они включены в категорию «крестьян-собственников». Таким образом, даже несомненно заниженные данные официальной статистики свидетельствуют о том, что большое количество крестьян попрежнему прибегает к аренде[6].

О широком распространении аренды в пореформенной японской деревне свидетельствуют также сведения о размерах сдаваемой в аренду земли. В 1937 г. из 6,1 млн. тё всей возделываемой земли арендаторы обрабатывали 2,8 млн. тё, т. е. 46,5%. После реформы, по оценкам буржуазных экономистов, в аренду сдавалось от 400 тыс. до 665 тыс. тё[7].

Вопрос об истинных размерах арендных земель связан с так называемыми скрытыми полями. В 1937—1940 гг. площадь обрабатываемой земли оценивалась официальной статистикой в 6 млн. тё, для 1950 г. та же официальная статистика указывает цифру в 5,05 млн. тё, хотя есть основания полагать, что размеры обрабатываемой площади не изменились. Статистика, естественно, не учитывает сокрытия земли от регистрации, имевшего место после капитуляции. При регистрации земель их владельцы, главным образом помещики и наиболее зажиточные крестьяне, занижали размеры своей земельной собственности. Известный американский японовед А. Грэд полагает, что площадь скрытых земель равна 1 млн. тё, причем большая часть этих земель, принадлежащая помещикам, повидимому, тайно сдается в аренду. Исходя из этих данных, можно предположить, что площадь арендной земли равна примерно 1 млн. тё, т. е. составляет не менее 17% всей площади обрабатываемой земли.

Класс помещиков претерпел некоторые изменения. «Отсутствующие» помещики, которые всю свою землю сдают в аренду, официальной статистикой после реформы не отмечаются. Однако в действительности они сохранились, хотя, надо полагать, число их сильно сократилось. Формально в Японии имеются так называемые «необрабатывающие» и «обрабатывающие» помещики. При использовании данных официальной статистики следует учитывать, что под словом «дзинуси», которое обычно переводится у нас словом «помещик», подразумевается землевладелец, сдающий всю или часть своей земли в аренду. Таким образом, в эту группу попадает весьма значительное число мелких землевладельцев, сдающих землю в аренду из нужды, так называемые «парцеллярные помещики», и, наоборот, не входят помещики, не сдающие земли в аренду.

В целом число помещиков несколько уменьшилось. Число «обрабатывающих» помещиков, у которых сдаваемая в аренду земля превышает установленную законом норму, равную в среднем по Японии 1 тё, после реформы равнялось 127 797 (по сравнению с 235 450 к окончанию вой-

[5] См. «Нихон родо нэнкан 1952», Токио, 1951, стр. 159; *A. Grad*. Land and peasant in Japan. New York, 1952, p. 49 (имеется русское издание: *А. Грэд*. Земля и крестьянин в Японии. М., 1954).

[6] Например, буржуазная газета «Ниппон кэйдзай» 1 августа 1952 г. сообщала, что согласно данным переписи, проведённой 1 февраля 1952 г., «арендная плата сократилась, однако 39,4% крестьянских дворов все еще арендуют в среднем по 2 тана и 1 сэ обрабатываемой земли» (1 тан=0,0992 га; 1 сэ = 0,1 тана). Цит. по *Утида* и *Фурухата*. Указ. соч., стр. 338.

[7] Ежегодник «Ногё кёдо кумиай нэнкан 1951» дает цифру в 405 тыс. тё, чиновник госдепартамента Р. Фиари в книге «Japan second phase: 1948—1950» приводит цифру в 600 тыс. тё (12%). Грэд со ссылкой на «Норин токэй тёса», 1951, № 1 указывает, что в аренду сдается 665 тыс. тё.

ны)[8]. 46,7 тыс. из этих 127 797 «обрабатывающих» помещиков, кроме земли, сдаваемой в аренду, имеют в своих хозяйствах свыше 1 тё каждый, т. е. владеют участками свыше 2 тё[9]. Уменьшение количества «обрабатывающих» помещиков объясняется тем, что многие из них, перестав фактически или формально сдавать землю в аренду, перешли, согласно официальной статистике, в категорию «крестьян-собственников».

Кроме этого имеется еще 333 268 «необрабатывающих» помещиков (по сравнению с 271 330 к окончанию войны)[10]. Рост числа «необрабатывающих» помещиков произошел вследствие раздела крупными и средними помещиками своих владений между родственниками, в целях обхода закона о реформе. Средний размер земли, сдаваемой в аренду этими помещиками, снизился с 2 тё до 0,5 тё. В категорию «необрабатывающих» помещиков официальной статистикой включено также известное число парцеллярных землевладельцев, которые по существу не являются помещиками.

Для помещиков бóльшую, чем раньше, роль стали играть доходы от предпринимательства и от службы в частных компаниях и в государственных учреждениях.

Крупные помещики, хотя они ныне формально и не обладают таким большим количеством обрабатываемой земли, как прежде, в целом сохранили свои позиции в деревне. Немаловажную роль в этом сыграло усилившееся в том или ином виде участие крупных помещиков в капиталистических предприятиях, а также скупка крупными помещиками у «парцеллярных помещиков» по бросовым ценам земельных облигаций. Эти облигации были выданы правительством, согласно закону о реформе, который предусматривал выкуп земли у помещиков частично наличными, частично облигациями, погашаемыми в течение 24-х лет. Выплата наличными была несколько задержана, и это была одна из причин того, что «парцеллярные помещики» разорялись и продавали земельные облигации[11].

«Земельный ежегодник за 1950 г. Министерства земледелия и лесного хозяйства» признает, что многие из прежних крупных помещиков, помимо земли, которую они сохранили после реформы, имеют также значительные капиталы, особенно в промышленности, и почти незаметно, чтобы они понесли существенный ущерб вследствие земельной реформы. Помещики сохранили позиции в политической сфере, «... а также скрытое влияние, базирующееся на экономической силе»[12]. Ежегодник указывает далее, что, по сообщениям из всех префектур, крупные помещики попрежнему господствуют в экономической и политической жизни сельских районов. В книге Утида и Фурухата приведены интересные сравнительные данные на 1924 и 1950 гг. относительно рода занятий крупных помещиков, владения которых превышали 50 тё. В районе Тохоку в 1924 г. было обследовано 746 семей крупных помещиков. Из них 26% семей были «чистыми» помещиками, которые всю свою землю сдавали в аренду, 33,2% были «заняты в сельском хозяйстве», т. е., повидимому, кроме сдачи земли в аренду, вели собственное хозяйство; только 2,7% были директорами компаний и 1,1% являлись чиновниками государственных учреждений и служащими частных компаний.

[8] *Утида* и *Фурухата*. Указ. соч., стр. 341.
[9] См. «Кэйдзай хёрон», 1950, апрель, стр. 45.
[10] См. *Утида* и *Фурухата*. Указ. соч., стр. 341.
[11] См. там же, стр. 336.
[12] «Сёва ни дзю го нэн поти нэмпо». Токио. Цит. по *Утида* и *Фурухата*. Указ. соч., стр. 342.

В 1950 г. в этом же районе были обследованы 132 семьи крупных помещиков. «Чистых» помещиков не числилось вовсе, в сельском хозяйстве было занято 29,5% семей, т. е. почти столько же, сколько и в 1924 г. Директора компаний составляли уже 12,9%, а чиновники и должностные лица — 14,4%. Подобная же картина наблюдается в районах Хокурику и Кинки. Крупные помещики стали также участвовать более активно в частном промышленном предпринимательстве, например, в пивоварении и горнодобывающей промышленности[13].

Такую же, примерно, тенденцию выявляет обследование источников доходов у помещиков, собственников сравнительно меньших участков земли. В префектуре Ниигата было проведено обследование 235 семей помещиков, владельцев участков от 10 до 20 тё. В среднем на одну семью в 1945 г. доход от сдачи земли в аренду составлял 45,5% всего дохода, прибыли от занятия сельским хозяйством — 26,6%. Остальные доходы приносили ростовщичество, леса и различные виды предпринимательства. В 1947 г. (когда уже стало в известной мере сказываться воздействие реформы) платежи арендаторов составляли 19,7%, а прибыли от занятия сельским хозяйством — 53,8% доходов помещиков. Таким образом, крупные и средние помещики значительно усилили свои связи с капиталистическим предпринимательством как путем прямого участия в руководстве предприятиями, так и благодаря ведению хозяйств капиталистического типа.

Правительство Иосида, охранявшее коренные интересы класса помещиков, пользовалось их неизменной поддержкой. Как показало одно из обследований, проведенное в 1950 г., 85,8% крупных помещиков поддерживали стоявшую тогда у власти либеральную партию[14].

Средние и мелкие помещики, хотя и были вынуждены продать часть земли, в большинстве своем также сохранили свои позиции в деревне. Многие средние и мелкие помещики «ведут буржуазное (т. е. капиталистическое. — *В. П.*) хозяйство и занимают особое положение в деревне; отбирая земли (у арендаторов. — *В. П.*), они расширяют свое хозяйство»[15].

Точный подсчет обрабатываемой земли, оставшейся у помещиков, затруднителен, поскольку неизвестно, сколько земли имеет каждая группа землевладельцев. В «Ногё кёдо кумиай нэнкан» за 1951 г. (Ежегодник сельскохозяйственной кооперации) были опубликованы данные о численности различных категорий землевладельцев (без деления на помещиков и крестьян), разбитых на группы по размерам земельной собственности: до 0,5 тё; 0,5 — 1 тё; 1 — 3 тё; 3—5 тё и свыше 5 тё. Эти данные, повидимому, фальсифицированы; в частности, в них занижена численность высших групп землевладельцев. Если все же приближенно подсчитать, исходя из численности землевладельцев и среднего размера владений, количество земли по группам, то окажется, что у помещиков осталось, по официальным данным, около 700 тыс. тё. В число этих помещиков входят все землевладельцы, имеющие свыше 3 тё, и «необрабатывающие» владельцы свыше 0,5 тё. Однако здесь не учтена земля «обрабатывающих» помещиков, имеющих владения площадью менее 3 тё, а также «скрытые поля».

С учетом «скрытых полей» и земли «обрабатывающих» помещиков получается, что у помещиков осталось значительно более 1 млн. тё обрабатываемой земли. Близкие к этой цифре результаты дает и другой подсчет. В 1939 г. в руках помещиков было арендной земли 2781 тыс. тё.

[13] См. *Утида* и *Фурухата*. Указ. соч., стр. 351.
[14] См. там же, стр. 273.
[15] Там же, стр. 336.

На 30 сентября 1950 г. у них было выкуплено 1 911 172 тё. Следовательно, даже по этим данным около 900 тыс. тё земли осталось в руках помещиков[16]. Эта цифра является, конечно, весьма приближенной. Точный подсчет количества земли у помещиков особенно затруднен вследствие того, что официальная статистика включает в категорию новых крестьян-собственников также и помещиков, формально или фактически прекративших сдачу земли в аренду, помещиков, продавших, а затем скупивших земли, подставных лиц, получивших землю у своих хозяев-помещиков и т. п.

По этому поводу Грэд писал: «Действительные результаты реформы не соответствуют полностью ни первоначальным ожиданиям, ни статистике, которая появится в официальных докладах. Например, помещик, который сдавал в аренду 9 тё земли, может, как это было в одном известном автору случае, согнать арендаторов с двух тё земли и предпринять обработку этих двух тё своими силами или с помощью наемного труда, передать два другие тё своему брату и с помощью тайных сделок со своими бывшими арендаторами собрать 400 тыс. иен за остальные 5 тё. На бумаге все будет выглядеть должным образом. Некоторые из бывших крестьянина-собственника — бывший помещик и его брат. Статистические данные о результатах реформы не отразят этих процессов, и правительство будет иметь возможность указать на реальные достижения»[17].

Леса, пастбища, пустоши почти полностью остались в руках помещиков и других крупных землевладельцев (монополии, кооперативные предприятия и т. п.). Леса, находящиеся в частном владении, занимают около 12 млн. тё[18]. Большая часть лесов находится в руках крупных помещиков. Владельцам лесных угодий размером свыше 50 тё, составляющим по численности 0,3% всех лесовладельцев, принадлежит 22,9% лесов и пастбищ. А собственники владений размером менее 1 тё, в том числе зажиточные крестьяне, составляющие 72,3% всех лесовладельцев, имеют 15,8% лесов и пастбищ. Буржуазная газета «Асахи» писала: «При проведении аграрной реформы леса были оставлены в руках помещиков, поэтому в деревнях такие помещики попрежнему занимают господствующее положение. Лесное хозяйство неотделимо от сельского хозяйства. Крестьяне пользуются лесами, покупая у помещиков право на вырубку деревьев и на покосы травы. Говорят, что имеется довольно много случаев, когда плата за это берется натурой. Вновь складываются отношения рабского подчинения крестьян помещикам. Многие считают, что одним из недостатков земельной реформы является то, что при ее проведении леса были оставлены в руках помещиков. Некоторые также полагают, что именно это создало прочную базу для укрепления влияния бывших помещиков»[19].

Особенно велика зависимость крестьян от помещиков в таких префектурах, как Нагано, где сельское хозяйство очень тесно связано с лесным хозяйством. «Доход от риса составляет 11%, а доход от лесных работ 17%. Аграрная реформа не коснулась лесов, поэтому в лесных поместьях осталось без изменений существовавшее ранее положение. В таких местах все еще продолжает взиматься арендная плата натурой»[20].

[16] *A. Grad.* Указ. соч., стр. 38. (У Грэда сказано «около 800 тыс.», повидимому, описка).
[17] Там же, стр. 52.
[18] См. «Дзен'эй», 1948, № 29, стр. 29. Утида и Фурухата дают цифру в 12,8 млн. тё (см. указ. соч., стр. 30).
[19] «Асахи», 19 апреля 1952 г.
[20] «Нитиё синсю», 4 мая 1952 г.

Горнолесные районы занимают значительную часть территории Японии. Из 10 тыс. деревень и мелких городов, имеющихся в Японии, 40% расположено в горах[21]. До реформы в горных районах помещик, сдавая суходольную землю в аренду, по традиции одновременно признавал за арендатором право на сбор в лесу сучьев, листьев на удобрение и т. п. После реформы лесовладельцы отказались признавать эти традиционные права, что усилило зависимость крестьян от помещиков.

Огромное значение имеют горнолесные участки как резерв обрабатываемой земли. По правительственным, очень сильно заниженным данным, в Японии имеется 5,5 млн. тё, пригодной для земледелия, но не возделываемой земли[22]. Однако, поскольку эти земли принадлежат крупным землевладельцам, они недоступны трудовому крестьянству.

Вскоре после принятия закона о земельной реформе правительство под давлением демократической общественности выдвинуло программу освоения необрабатываемых земель. Выполнение программы должно было, по уверениям ее авторов, привести к обеспечению страны продовольствием. Но, как признает орган японских финансовых кругов журнал «Ориентал экономист», эта программа провалилась[23].

Оросительные сооружения, находящиеся в основном в руках помещиков, также являются средством закабаления крестьянства.

Таким образом, оценивая позиции помещиков в деревне, следует иметь в виду не только владение обрабатываемыми землями, но также и владение лесами, пастбищами, пустошами и оросительными сооружениями.

Реформа ускорила основные процессы, протекавшие в японской деревне. В первую очередь она усилила расслоение крестьянства — увеличение числа беднейших крестьянских хозяйств, с одной стороны, рост и укрепление хозяйств зажиточных крестьян, с другой.

Программа Коммунистической партии Японии указывает: «Земельная реформа, провозглашенная оккупационными властями, является реформой для состоятельных людей, так как она отдает землю крестьянам не безвозмездно, а за выкуп. Вполне понятно поэтому, что «земельная реформа» ничего не дала большинству крестьян, не располагающих денежными средствами для покупки земли»[24].

Реформа усилила парцеллизацию большинства крестьянских хозяйств. Число хозяйств, в которых обрабатывалось менее 1 тё (кроме Хоккайдо), выросло с 3 937 тыс. в 1946 г. до 4 554 тыс. в 1949 г., т. е. на 617 тыс. Соответственно доля этих хозяйств увеличилась с 72 до 75,8% [25].

От земельной реформы выиграли лишь наиболее состоятельные слои крестьянства. В ходе реформы численность высших групп арендаторов (хозяйства размером свыше 3 тё) резко уменьшилась. В то же время высшая группа крестьян-собственников выросла[26]. Это свидетельствует о том, что многие зажиточные арендаторы купили землю и превратились в ее собственников.

В японской печати были опубликованы довольно многочисленные материалы об усилении зажиточного крестьянства за счет беднейшего

[21] См. *Утида* и *Фурухата*. Указ. соч., стр. 303.
[22] См. *Я. Гузеватый*. Послевоенная «земельная реформа» и упадок сельского хозяйства Японии. «Вопросы экономики», 1953, № 11, стр. 96.
[23] См. «Oriental economist», Токио, 24 июня 1950 г., стр. 634.
[24] См. «Правда», 24 декабря 1951 г.
[25] «Кэйдзай хёрон», 1950, апрель, стр. 45.
[26] В 1946 г. арендаторов с участком земли свыше 3 тё было 4411, а в 1949 г.— 210. Численность хозяйств «крестьян-собственников», владеющих участками размером свыше 3 тё, выросла с 9 298 до 20 580 (см. «Кэйдзай хёрон», 1950, апрель, стр. 45—46).

крестьянства. Многие участки, обрабатывавшиеся ранее мелкими арендаторами, в результате реформы попали в руки богатых крестьян, поскольку последние располагали деньгами для выкупа. Теперь эта земля обрабатывается батраками, а иногда в порядке отработки — арендаторами (не только за аренду земли, но и за пользование сельскохозяйственными орудиями, предоставление удобрений и т. п.).

Газета «Асахи» писала: «... даже среди прежних арендаторов имеются лица, которые сразу перешли в высшие слои крестьянства в связи с тем, что площадь обрабатываемой ими земли довольно велика. Эти люди преобладают в кооперативных союзах и контролируют поставки, субсидии и распределение материалов»[27]. В другом номере газета признавала, что усиливается дифференциация между бедняцкой прослойкой деревни и крестьянскими хозяйствами выше среднего уровня[28]. Газета «Сэй ниппон симбун» отмечала, что «идет постепенный процесс расслоения на бедняков и богатых крестьян»[29]. По данным земельного отдела префектуры Нагано за 1951 г., среди крестьян, владеющих участками размером свыше 1,5 тё, случаев потери земли почти не наблюдалось, в то время как в префектуре было зарегистрировано около трех тысяч случаев потери земли крестьянами. Увеличивается число случаев продажи земли с целью погашения долгов. «Эти земли в основном переходят от новых собственников к крестьянским дворам выше среднего»[30]. Данные обследования четырех деревень в северной части префектуры Мияги, находящейся в районе Тохоку, который характерен особенно отсталыми полуфеодальными отношениями в деревне, свидетельствуют, что 60% продаваемой бедняками земли «идет в руки верхнего слоя крестьян, которые обладают известным количеством денег, имеют достаточно тягловой силы и скота, что дает им возможность вести хозяйство»[31]. В деревнях района Кинки, где капиталистические отношения были более развиты, чем в Тохоку, наблюдается еще более заметное расслоение крестьян. Усиливается этот процесс и в остальных частях Японии[32]. Часть зажиточного крестьянства владеет лесными участками, лугами, пустошами, занимается винокуренным делом, торговлей, денежными операциями.

Земельная реформа способствовала развитию капиталистических форм эксплуатации в деревне. Однако сохранилась основа феодальных пережитков — помещичье землевладение вместе с докапиталистической арендой. Основной в японской деревне формой арендной платы стала денежная. По данным специалиста в области аграрного вопроса профессора Кондо Ясуо, 63,6% всех взносов арендной платы, производившихся до реформы в натуральной форме, ныне поступают в денежной форме. Но сохраняется и натуральная арендная плата. Кондо Ясуо указывает также, что «отработки стали более распространенными, чем до войны»[33]. Он объясняет это тем, что крестьяне не располагают деньгами для взноса арендной платы. Действительно, арендная плата остается тяжелым бременем для арендаторов. Например, в уездах Симоэй и Кисэн префектуры Иватэ «арендная плата натурой наполовину узаконена, и к тому же плата установлена попрежнему высокая: от половины до трети урожая»[34].

---

[27] «Асахи», 9 марта 1952 г.
[28] «Асахи», 18 апреля 1952 г.
[29] «Сэй ниппон симбун», 2 сентября 1952 г.
[30] «Майнити симбун», 20 ноября 1951 г.
[31] *Утида* и *Фурухата*. Указ. соч., стр. 312.
[32] См. там же, стр. 313—314.
[33] *Кондо Ясуо*. Ноти кайкаку сёмондай (Проблемы земельной реформы). Токио, 1954, стр. 62—63.
[34] «Асахи», 18 апреля 1952 г.

Таким образом, в Японии еще широко распространены формы докапиталистической ренты: отработочная, натуральная и денежная.

Помещиками часто взимается так называемая спекулятивная, т. е. превышающая установленные законом размеры, арендная плата. Газета «Сэй ниппон симбун» указывала, что в префектуре Кумамото есть случаи, когда платится по 1000 и даже 3000 иен за пользование одним таном земли вместо 600 иен, установленных законом[35]. Есть примеры, указывает далее газета, когда, кроме 600 иен, помещики требуют с одного тана сданной в аренду земли еще мешок риса. В префектуре Симанэ сверх установленной законом платы помещики берут деньгами стоимость полмешка риса, а также натурой в объеме 30—40% урожая. В префектуре Сига кроме арендной платы, арендаторы преподносят помещикам подарки «в знак благодарности». Даже по данным «Сельскохозяйственного ежегодника Японии», в 1952 г. по стране в 28% всех деревень взималась арендная плата, превышавшая 600 иен за 1 тан[36].

Однако докапиталистические формы ренты не единственный пережиток феодализма. В деревне во многих местах сохранились нетронутыми отношения подчинения крестьян помещикам. Несмотря на некоторую внешнюю «демократизацию», местные органы власти и полиция остались в значительной мере в руках помещиков.

Реформа послужила для правящих классов, особенно для монополистических кругов буржуазии, средством усиления эксплуатации крестьянства. Этому помогла иллюзия собственности на землю, во власти которой оказалась значительная часть крестьян из бывших арендаторов, хотя они и сократили размеры своих хозяйств, став «собственниками» мелких клочков земли. Следует отметить, что хозяйство новых собственников настолько слабо, что оно стоит на грани разорения, а крестьянин — перед неизбежной угрозой потери земли[37]. Одновременно с переводом значительной части арендаторов в категорию собственников правительство резко увеличило размеры поставок продовольствия и налоги. Тяжесть поставок и налогового бремени, лежащая на крестьянстве, стала значительно больше, чем до войны и даже во время войны.

Крестьянин, по официальным данным, сдает по поставкам около 50% урожая. Фактически многие крестьяне сдают значительно больше, иногда весь урожай. В период с 1945/46 г. по 1949/50 г. включительно государство оплачивало поставки по ценам, едва окупавшим половину издержек производства. В настоящее время цены установлены выше, но они все равно не покрывают издержек производства. В 1952/53 г. крестьянские организации требовали оплаты обязательных поставок по цене 10 тыс. иен за коку риса. Такую же цену предлагала установить и Комиссия по определению цен на рис, составленная из специалистов и представителей префектуральных управлений и крестьянских организаций. Однако правительство установило цену в 7500 иен за коку[38]. Всего по стране по поставкам изымается 28 — 30 млн. коку (1 коку риса соответствует 160 кг) риса при урожае в 60—63 млн. коку[39].

---

[35] См. «Сэй ниппон симбун», 2 сентября 1952 г.
[36] См. «Ниппон ногё нэнкан 1954», Токио, 1953, стр. 67.
[37] После реформы хозяйства крестьян, имеющих менее 3 тан земли, составляли 29% всех хозяйств, крестьян-собственников менее 5 тан — 42,4%, менее 1 тё — 73%. Число хозяйств крестьян-собственников, владеющих менее 1 тё земли, увеличилось на 1 200 тыс., в то время как число хозяйств, имеющих более 1 тё, уменьшилось на 700 тыс. (без Хоккайдо). Таким образом, число крестьян-собственников увеличилось, главным образом, за счет сокращения размеров хозяйств.
[38] «Ниппон ногё нэнкан 1954», стр. 38—39.
[39] Незначительная часть крестьян, обрабатывающих мельчайшие клочки, освобождена от поставок.

С крестьянина взимаются прямые налоги в размере от 20 до 40% валового дохода семьи[40]. Оценка доходов ведется из расчета, что предполагаемые «излишки» продовольствия после сдачи поставок (или в случае их невыполнения) продаются крестьянином по высоким ценам черного рынка. Естественно, что это повышает налоги.

Оккупационные власти и японское правительство с первых же дней оккупации проводили политику цен, выгодную монополистическому капиталу и разорительную для трудовых масс, особенно для крестьянства. После войны был сохранен так называемый государственный контроль над ценами, полностью отвечавший интересам монополий. Были установлены так называемые твердые цены, что не мешало процветанию черного рынка.

В первые годы после войны в ходе инфляции, которую искусственно поддерживали монополии, санкционированный правительством рост цен на промышленные товары монополий значительно превысил рост цен на сельскохозяйственные продукты. Цены на электроэнергию, уголь, жидкое топливо для крупных предприятий, в особенности военного характера, в десятки раз ниже, чем для крестьян.

Поставки продовольствия по заниженным ценам, тяжелые налоги, неэквивалентный обмен являются одним из средств извлечения максимальных прибылей финансовым капиталом, эксплуатирующим японское крестьянство.

Реформа не привела к росту производства сельскохозяйственной продукции. В целом производство основных продуктов питания в настоящее время находится примерно на довоенном уровне. В 1937—1941 гг. среднегодовой сбор риса составлял 63,4 млн. коку, а за послевоенные пять лет с 1946 по 1950 г. — средний сбор был 62,6 млн. коку[41] (без Окинава). В 1951 г. урожай был равен 60,3 млн. коку, в 1952 г.—66,1 млн. коку[42]. В 1953 г. в результате заморозков и ливней сбор риса упал до 55 млн. коку[43]. Что касается общего сбора пшеницы и ячменя, то он увеличился со среднегодового урожая в 2,88 млн. тонн в 1934—1936 гг. до 3,7 млн. в 1952 г.[44] Если учесть, что население Японии выросло с 68,7 млн. в 1935 г. до 88 млн. в 1954 г., то отставание сельскохозяйственного производства в Японии от роста потребностей станет еще более очевидным.

Японское крестьянство, так же как и весь народ Японии, страдает от пагубных последствий превращения Японии в полузависимую страну. Оно подвергается эксплуатации со стороны американского монополистического капитала, действующего главным образом через посредство связанных с ним японских монополий.

Япония превращена в рынок сбыта американского продовольствия, которое закупается японским правительством по тем ценам, которые устанавливают монополии США. В 1953 финансовом году стоимость ввезенного в Японию продовольствия составляла 697,4 млн. долларов, или 26,8% стоимости всего импорта[45]. Вместо развития своего собственного сельского хозяйства японский народ вынужден оплачивать импорт продовольствия по высоким ценам, в первую очередь из США, где оно не находит сбыта. В японской демократической печати широко распространено выражение: «В Японию из США импортируется аграрный кризис».

[40] Доля налогов и других сборов по отношению к доходам крестьян больше довоенных на 30—40%. См. «Ниппон ногё нэнкан 1954», стр. 17.
[41] См. «Economic statistics of Japan. The bank of Japan». Tokyo, 1951, p. 289.
[42] См. «Дай ни дзю ку дзи норинсё токэй хё», Токио, 1953, стр. 60.
[43] См. «Oriental economist», 1954, февраль, стр. 79.
[44] См. «Ниппон ногё нэнкан 1954», стр. 125.
[45] См. «Oriental economist», 1954, июнь, стр. 277.

Создание и расширение многочисленных иностранных военных баз в самой Японии способствуют еще большему ра орению японских крестьян. По указанию американских военных властей у крестьян отобраны и продолжают отбираться значительные участки земель под военные базы, дороги и т. п. Общая площадь отобранных земель достигает сотен тысяч тё. За отобранные земли крестьяне не получают должной компенсации.

Американская политика, препятствующая подлинно демократическому решению аграрного вопроса, была также направлена на то, чтобы задержать развитие сельского хозяйства Японии, превратить ее в рынок сбыта сельскохозяйственной продукции США, создать в деревне новые источники дешевой рабочей силы. Японские монополии поддерживали эту политику, действуя тем самым в ущерб национальным интересам страны.

Убедительным доказательством антидемократического характера реформы является развивающийся в последние два-три года процесс потери земли беднейшим крестьянством. С 1950 г. в Японии фактически восстановлена свободная продажа земли, хотя ограничение размеров землевладения все еще сохраняется. После этого переход земли из одних рук в другие резко увеличился.

Министерство земледелия и лесного хозяйства объявило, что в 1951 г. было заключено 227 тыс. сделок по продаже земли (в 1948 г.—132 тыс., в 1949 — 111 тыс., в 1950 — 134 тыс. сделок).

Общая площадь продаваемой земли также непрерывно увеличивается. В 1950 г. было продано 28,5 тыс. тё, в 1951 г.—38,5 тыс.[46], а в 1953 г.—45 тыс. тё[47]. Земля, которую теряют бедняки, в основном переходит к помещикам и зажиточным крестьянам. Данные двух обследований, проведенных в 28 деревнях с апреля 1952 г. по март 1953 г. и с апреля 1953 г. по март 1954 г., свидетельствуют, что хозяйства, владеющие до 0,3 тё земли, совершили примерно в 5 раз больше сделок по продаже земли, чем сделок по купле земли. Таким образом, земли лишаются в первую очередь крестьяне, имеющие менее 0,3 тё. И наоборот, продажа собственниками 1—1,5 тё составляла 14—18,5%, а приобретение — 23—28% всех сделок. Журнал «Ориентал экономист», комментируя данные этих обследований, писал: «Вообще говоря, продавали мелкие крестьяне, покупали средние и более крупные хозяйства». В то же время журнал отмечал, что наиболее активной как при покупке, так и при продаже земли была группа владельцев от 0,5 до 1 тё. «Считается,— писал журнал,— что без дополнительного дохода средняя (вернее, зажиточная.— *В. П.*) крестьянская семья должна обрабатывать от 1,5 до 2 тё, чтобы свести концы с концами. Следовательно, крестьяне группы 0,5 — 1 тё должны или увеличивать свои владения, чтобы прожить лишь ведением своего хозяйства, или продавать землю и искать другие виды занятий»[48]. Все это, несомненно, говорит о расслоении, размывании середняка.

Если крестьянину не удается купить дополнительное количество земли, то он, будучи не в состоянии прокормиться одним своим хозяйством, вынужден продавать землю и идти на заработки. В послевоенные годы отмечается рост числа крестьянских семей, вынужденных заниматься подсобными промыслами: в 1947 г. 44,6% всех крестьянских семей занималось подсобными промыслами, в 1952 г. — 56,1%, в 1953 г.— 59,1%[49].

[46] См. «Oriental economist», 1954, январь, стр. 14.
[47] Там же, стр. 387.
[48] Там же, стр. 388.
[49] «Ниппон ногё нэнкан 1954», стр. 25.

Становится все трудней и трудней прожить только на доходы от сельского хозяйства. Все больше крестьян превращается в полупролетариев.

Причинами потери земли и разорения являются: 1) малоземелье (40,8% хозяйств обрабатывают менее 5 тан)[50], а отсюда — их крайняя экономическая слабость; 2) непосильные налоги и поставки, разоряющие крестьян; 3) растущая задолженность крестьян (30,8% всех крестьян являются должниками, средняя задолженность хозяйства превышает 30 тыс.иен)[51].

В 1951 г. задолженность крестьян только по счетам Центрального сельскохозяйственного банка составляла 18,7 млрд. иен против 2,5 млрд. иен в 1928 г. (по курсу 1951 г.) [52]. Следует отметить, что банковская задолженность всегда составляла незначительную долю от всей задолженности крестьянства. Крестьяне должны в первую очередь ростовщикам, компаниям, торгующим удобрениями, агентствам по отправке грузов и т. п.

Выкуп явился одной из причин роста задолженности крестьян. Для беднейшего крестьянства, в особенности в глубинных районах, было трудно покупать землю даже по официальным ценам, тогда как часто приходилось платить по спекулятивным ценам, превышающим официальные в 8—10 раз. Таким образом, после реформы крестьянство, как и до войны, опутано долгами; большинство крестьян стоит на грани разорения.

* * *

Японская деревня развивается по капиталистическому пути в соответствии с общими объективными экономическими законами. Земельная реформа в Японии характерна тем, что она способствовала развитию капитализма в сельском хозяйстве по реакционному и разорительному для крестьянства пути. Способствуя дальнейшему внедрению капиталистических методов эксплуатации, реформа одновременно содействовала сохранению и закреплению некоторых докапиталистических методов эксплуатации. Она привела к еще бóльшему переплетению докапиталистических и капиталистических методов эксплуатации.

Помещики попрежнему являются сильным классом землевладельцев и, хотя часть земли ушла из их рук, все же у них осталось свыше 1 млн. тё обрабатываемой земли, почти все леса, пустоши, пастбища, ирригационные сооружения. Особенно сильны позиции помещиков в горнолесных районах.

Преобладающим типом помещика в деревне стал «обрабатывающий» помещик. Часть этих помещиков действительно ведет свое хозяйство, часть только числится таковыми в целях маскировки. Возделывание земли производится руками батраков или арендаторов. Весьма часто применяются отработки. Одновременно помещики в широких масштабах занимаются торговлей и ростовщичеством. Они используют как капиталистические формы эксплуатации, так и докапиталистические (сдача земли в аренду крестьянам, отработки). Свыше одной трети крестьян являются арендаторами и полуарендаторами. В настоящее время все бóльшие размеры принимает переход земли беднейших крестьян в руки помещиков и зажиточных крестьян. Помещики укрепляют свои позиции.

Усилились зажиточные слои крестьянства (кулачество). Несомненно, что эти слои обладают сейчас значительно бóльшим количеством земли, чем до реформы. Они все чаще прибегают к капиталистическим методам эксплуатации, применяют более современные методы ведения хозяйства. Особенностью этого слоя крестьянства является широкое использование им также и докапиталистических форм эксплуатации: сдачи в аренду крестьянам земли, скота и сельскохозяйственных орудий. Используются и отработки.

[50] «Ниппон родо нэнкан 1952», стр. 158.
[51] «Дзэн'эй», 1953, № 77.
[52] «Nippon times», 22 ноября 1951 г.

Реформа привела к ухудшению положения большинства крестьянства. Иллюзии, вызванные реформой у части крестьянства, рассеиваются. Если в 1949—1950 гг. наблюдался спад борьбы крестьянства за землю, то с конца 1951 г., особенно после подписания японо-американского «пакта о безопасности», начинается новый подъем крестьянского движения. Особое возмущение крестьянства вызвало создание американских военных баз на реквизированной у крестьян земле[53]. Одновременно с усилением реакционного курса правящих кругов активизировались помещики, которые развернули кампанию за сгон арендаторов с земли. С 1951—1952 гг. усиливается борьба крестьян за землю, выразившаяся в борьбе за леса, против отобрания земли под военные базы, за передачу крестьянам неиспользуемой земли, находящейся у помещиков.

Одним из характерных примеров крестьянского движения после проведения реформы является борьба крестьян деревни Касэ в префектуре Аомори. 42% крестьян этой деревни — арендаторы и арендаторы-собственники. У половины крестьянских хозяйств участки возделываемой земли были менее 1 тё. Бóльшая часть земли деревни находилась в руках «обрабатывающих» помещиков.

В 1951—1952 гг. крестьяне Касэ развернули борьбу за передачу им той помещичьей земли, которая оставалась необработанной. Беднейшие крестьяне во главе с репатриантами и рабочими, возвратившимися из города, организовали «Союз по освобождению заброшенной земли» («Хайдэн кайхо домэй»). В уставе Союза указывалось: «Цель Союза — освоить заброшенные земли, обеспечить право на жизнь, способствовать увеличению производства продовольствия и ликвидировать тяжелое бремя рисопоставок, чрезмерные налоги...»[54]. Несмотря на вмешательство полиции и аресты руководителей, крестьяне явочным порядком приступили к обработке пустовавших земель. Крестьяне, добившись частичного удовлетворения своих требований, получили право пользоваться без внесения арендной платы принадлежавшей помещикам заброшенной землей.

* * *

Реформа во многом способствовала развитию капиталистических отношений в японской деревне. В то же время она, ограничив, но не уничтожив помещичье землевладение, закрепила некоторые феодальные пережитки. Реформа помогла правящим классам усилить эксплуатацию крестьянства путем принудительных поставок продовольствия и повышения налогов. Реформа не решила классовых противоречий в японской деревне. Для современного этапа крестьянского движения характерно активное участие в нем беднейшего крестьянства и усиление руководящей роли рабочего класса.

[53] См. *Кондо Ясуо*. (Избавление от нужды). «Тюокорон», 1954, № 9, стр. 293.
[54] Там же, стр. 294.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Г. А. АЛИЕВ

Вице-президент Академии наук Таджикской ССР

Таджикистан — страна древней культуры. Уже в конце II — начале I тысячелетия до н. э., как свидетельствуют археологические памятники и тексты Авесты, предки таджиков — согдийцы и бактрийцы — имели высокую земледельческую культуру, основанную на искусственном орошении. Упорный труд земледельцев, скотоводов и ремесленников был основой хозяйственного и культурного развития Бактрии, Согда, Хорезма — древнейших государств, возникших, повидимому, еще до образования Ахеменидской империи.

О высоком уровне ремесленного производства в этих государствах свидетельствуют, в частности, предметы «Амударьинского клада», обнаруженного в 1877 г. на территории современного Микоянабадского района Таджикской ССР.

Предки таджиков знали горнорудное дело, умели разведывать и выплавлять медь, железо, свинец. Во многих местах республики найдены остатки старинных оросительных систем, свидетельствующие о том, что и в глубокой древности население этих районов умело проектировать и строить сложные ирригационные системы.

Один из прекраснейших минералов — лазурит впервые стал добываться в Бадахшане не менее четырех тысяч лет назад. Во время раскопок одной из гробниц в Месопотамии были обнаружены изделия из бадахшанской ляпис-лазури: подставки для бокалов, бисер, бусы, печати.

Высокая культура согдийцев, бактрийцев и хорезмийцев, вопреки утверждениям некоторых буржуазных ученых, оказала большое влияние и на западноиранские народы. Она явилась одним из элементов так называемой ахеменидской культуры. Так, стилистические особенности рельефных наскальных изображений на гробницах Ахеменидов ясно указывают на связи с изобразительным искусством народов древней Средней Азии.

О развитии культуры и искусства у предков таджиков после IV в. до н. э. свидетельствует блестящий расцвет к концу II в. до н. э. греко-бактрийского искусства, выросшего на местной, среднеазиатской, почве и впитавшего в себя элементы греческой культуры.

Парфяне, согдийцы и хорезмийцы внесли огромный вклад в создание на арамейской основе письменностей ираноязычных народов. Одним из древнейших памятников этой письменности является надпись на одном из предметов «Амударьинского клада», относящаяся, видимо, к III в. до н. э. При раскопках на территории древней Нисы — первой по времени столицы Парфии—обнаружен огромный хозяйственный архив (свыше 1300 документов) на парфянском языке, датируемый I в. до н. э. Все более четко вырисовываются связи древних парфянской, согдийской и хорезмийской письменностей. Новые источники, вошедшие в обиход науки в последние годы, свидетельствуют о высокой степени развития письменности у согдийцев. Позднее, в период раннего средневековья, на основе согдийской письменности были созданы уйгурская, монгольская и маньчжурская письменности. Заслуги согдийцев в деле распространения и преобразования алфавитов семитического происхождения дают им право на место в истории рядом с финикийцами.

Памятники декоративной живописи и скульптуры, открытые в Пянджикенте и Варахше, показывают замечательное мастерство художников-согдийцев V—VIII вв. н. э., оказавших огромное влияние на дальнейшее развитие изобразительного искусства не только на территории Средней Азии, но и на территории нынешнего Ирана. Так, все более четко прослеживается влияние среднеазиатской монументальной живописи древности и раннего средневековья на формирование стиля более поздней миниатюры и других жанров изобразительного искусства. С другой стороны, в свете последних открытий памятников живописи и скульптуры в Средней Азии рушатся старые воззрения на так называемое сасанидское искусство. Все более очевидным становится, в частности, деятельное участие среднеазиатских художников и ювелиров в создании памятников сасанидской торевтики.

Предки таджиков знали и музыкальное искусство. В глубокую древность уходят своими корнями современные комические народные представления таджиков, в которые органически вплетены музыка, песня и танец. Изображения музыкантов на знаменитом айртамском фризе и на пянджикентских фресках, сведения китайских хроник первых веков н. э. и многие другие источники свидетельствуют о высокой музыкальной культуре предков таджиков.

В IX в. завершается процесс образования таджикского народа. Усиление территориальной, культурной и языковой общности, наметившееся уже в VII в., создало необходимые для этого предпосылки. «Арабское вторжение и насильственная ассимиляторская политика, проводившаяся арабами, первоначально затормозили этот процесс, однако оказались не в силах ликвидировать историческую тенденцию к формированию таджикского народа. Более того, активная борьба народных масс и их непрерывные восстания против чужеземного ига придали процессу консолидации таджикского народа особую силу»[1].

После образования централизованного феодального государства Саманидов, включившего в свой состав все основные области, населенные в то время таджиками, начинается быстрое развитие литературы на таджикском языке (дари). Нормы литературного языка, сформировавшиеся в основных чертах в Средней Азии (прежде всего в Бухаре, центре Саманидского государства, и в Самарканде) вскоре распространяются и на территорию западного Ирана. Арабский язык все более вытесняется из литературного обихода — процесс, начавшийся еще при Тахиридах. В X в. жили и творили великие мастера таджикской поэзии, творчество которых входит в золотой фонд мировой литературы,— Рудаки, Шахид Балхи, Дакики, Фирдоуси.

В X в. были созданы крупные памятники прозаической литерату-

[1] *Б. Г. Гафуров.* История таджикского народа в кратком изложении, т. I. М., Госполитиздат, 1952, стр. 162—163.

ры, среди которых совершенно исключительное место занимает «Тарих-и Табари» (История, составленная Табари) в переводе Бал'ами. К 982 г. относится замечательное географическое сочинение неизвестного автора «Худуд-ал-алам» (Границы мира), написанное в Средней Азии и являющееся одним из важнейших источников изучения исторической географии и социально-экономического строя Средней Азии и ряда других стран.

Некоторые прежние востоковеды и современные реакционные историки стремятся обеднить культурную историю таджикского народа, отрицая наличие у него древней цивилизации и науки. При этом в качестве одного из доводов приводится то, что в первые века ислама таджики будто бы не создали научных трудов, что все в области науки было написано по-арабски, что на научном поприще таджики выступили гораздо позже. Но эти горе-историки забывают о том, что основным международным научным языком на мусульманском Востоке в течение нескольких веков был арабский язык, так же как в странах Европы международным научным языком являлся латинский. Однако ни один здравомыслящий человек не возьмется отрицать наличие науки в период средневековья, скажем, у французов или англичан, хотя многие труды ученых этих стран были написаны на латинском языке.

Ученые-таджики стремились сделать свои научные открытия и философские выводы достоянием научных кругов многих стран Востока и прежде всего поэтому писали свои труды на арабском языке.

В IX в. жил и работал известный таджикский астроном Абу-Ма'шар Джафар ибн-Мухаммад Балхи (ум. в 885 г.). Он изучал математику и астрономию, создал около 40 научных трудов.

Хорошо известно имя Абубакра Наршахи (ум. в 959 г.), который написал на арабском языке дошедшую до нас в таджикском переводе XII в. историю Бухары — труд первостепенного научного значения для познания истории, культуры и быта бухарского оазиса периода VII—X вв.

На всех морях земного шара моряки определяют местонахождение кораблей по прибору, называемому секстантом. Этот прибор, широко применявшийся и в средневековой астрономии, изобрел во второй половине X в. уроженец Ходжента, астроном и математик—Абу-Махмуд Худжанди.

Совершенно исключительное место в истории всей мировой науки принадлежит ученому-энциклопедисту, уроженцу Бухары, великому Абу-Али ибн-Сине — крупнейшему философу и врачу своего времени, оказавшему огромное влияние на развитие всей средневековой философии и медицины как в странах Востока, так и в Западной Европе.

Велик вклад среднеазиатских ученых, в частности ученых-таджиков, в так называемую арабскую географическую науку IX—X вв., а также в развитие грамматики, лексикографии и других областей знания. Примечательно, что арабская научная и специальная терминология была выработана прежде всего благодаря трудам ученых, происходивших из Средней Азии или работавших в среднеазиатских культурных центрах.

В свете приведенных фактов (а их число можно значительно увеличить) становится совершенно очевидным клеветнический характер высказываний некоторых современных буржуазных историков и политических деятелей, пытающихся зачеркнуть богатое историческое прошлое таджиков и других народов Средней Азии, культурные и научные ценности, созданные ими еще в глубокой древности и ставшие позднее достоянием многих народов, в том числе и народов Западной Европы.

В декабре 1944 г. член английского парламента Грэхэм, выступая в палате общин, заявил, что узбеки и таджики являются «ничтожным азиатским племенем». В свое время в ответ на эту клевету газета «Известия» напечатала письмо группы депутатов Верховного Совета СССР, в котором,

в частности, говорилось: «Мы не можем не отметить скандального невежества члена английского парламента. Он не знает, что узбеки и таджики это народы с древней и высокой культурой. Он не знаком с героической историей этих народов. Он не знает и того, что эти народы в Советском государстве добились изумительных успехов в своем культурном развитии и, конечно, стоят впереди некоторых европейских народов»[2].

Постановка на сценах театров Советского Таджикистана пьес великого английского драматурга Вильяма Шекспира, перевод на многие европейские языки произведений Садриддина Айни, изучение и издание произведений таджикской классической литературы во всех странах и на всех языках мира, в том числе и в Англии,— все эти факты опровергают измышления современных расистов.

Прежде чем говорить о развитии социалистической культуры в Таджикистане, следует хотя бы вкратце сказать о консолидации таджикской социалистической нации.

До Великой Октябрьской социалистической революции не существовало единой таджикской нации. Феодальная раздробленность, многократные нашествия чужеземных захватчиков и беспрерывные междоусобные войны феодальных правителей мешали образованию устойчивой территориальной общности таджикского народа. Области, населенные таджиками, были раздроблены на отдельные, враждовавшие между собой бекства и ханства. Не было устойчивой экономической общности, постоянной и прочной экономической связи между отдельными районами, не было, да и не могло быть в условиях феодальной раздробленности, единого национального рынка. Таджикский народ не успел пройти путь капиталистического развития. Феодальный гнет, а со второй половины прошлого столетия двойной гнет эмирских сатрапов и царской челяди легли тяжелым бременем на плечи свободолюбивого народа, обрекли его на голод, нищету и медленное вымирание.

Октябрьская революция освободила угнетенные народы царской России от социального и национального гнета. В результате победы Советской власти, в процессе ликвидации феодального строя и эксплуататорских классов, в борьбе против буржуазного национализма и в ходе построения социализма таджикский народ оформился в нацию. Осуществление ленинско-сталинской национальной политики, руководство коммунистической партии и братская помощь великого русского народа позволили таджикскому народу сделать гигантский скачок от феодализма к социализму, минуя стадию капитализма.

Таджики представляют теперь нацию, ибо налицо все признаки, определяющие ее. Таджикская социалистическая нация — детище Великого Октября — крепнет и развивается в тесном общении с великим русским народом, постоянно чувствуя его бескорыстную помощь и поддержку.

Таджикский народ вошел в братскую семью народов Советского Союза и как равный среди равных получил возможность строить коммунизм, развивать свою культуру.

Рост культуры таджикского народа находится в непосредственной связи с развитием промышленности и сельского хозяйства. Основной отраслью сельского хозяйства Таджикистана является хлопководство, в области которого колхозное крестьянство добилось огромных успехов. В Вахшской долине находится одна из основных баз страны по выращиванию ценнейшей технической культуры — длинноволокнистого хлопка.

[2] «Известия», 20 января 1945 г.

Ученые-селекционеры создали новые сорта хлопчатника, дающие в климатических условиях Таджикистана невиданно высокие урожаи. Механизированы все важнейшие процессы выращивания хлопка, что свидетельствует о высокой современной культуре сельскохозяйственных работ. Мощная современная техника и большое количество высококвалифицированных механизаторов позволяют осуществлять осушение болот, освоение пустынных земель в невиданных до сих пор масштабах.

Хлопкоробы в творческом содружестве с учеными разработали новейшие агротехнические приемы возделывания хлопчатника, что дало возможность довести среднюю урожайность хлопка почти до 30 центнеров с гектара. С каждым годом растет культура социалистического земледелия, и уже в этом году на значительных площадях хлопчатник посеян суженными междурядиями, с квадратно-гнездовым размещением растений. Это даст возможность значительно повысить урожайность хлопчатника.

Республика имеет свои нефть и уголь, дает стране ряд редких и цветных металлов. Ученые-геологи неустанно ведут разведку земных недр и находят все новые полезные ископаемые.

Только в Сталинабаде работает около 20 промышленных предприятий. Примечательно, что Таджикистан, не имевший в прошлом промышленности, сегодня посылает запасные части для тракторов и автомашин не только во все уголки нашей страны, но и в Европу, в страны народной демократии. И если еще недавно фабрики и заводы республики выпускали почти исключительно продукцию широкого потребления, теперь они производят оборудование для некоторых отраслей промышленности. За последние годы неизмеримо выросла культура производства. Все отрасли промышленности располагают квалифицированными кадрами.

В Сталинабаде строится один из шести текстильных комбинатов-гигантов, который будет перерабатывать на месте значительную часть хлопка, выращиваемого в республике.

Таджикистан покрыт сетью шоссейных и железных дорог, все его уголки связаны телефонными и телеграфными линиями, во все областные и во многие районные центры курсируют рейсовые самолеты. Города, поселки и кишлаки заливает яркий электрический свет, и нет ни одного, даже высокогорного, колхоза, где не было бы радио и не демонстрировались бы кинофильмы.

Наиболее убедительным показателем культуры народа является уровень его грамотности. В Восточной Бухаре на 200 человек был только один грамотный, а в Советском Таджикистане еще до Великой Отечественной войны неграмотность была ликвидирована. Одной из первых задач Советской власти в молодой республике было создание широкой сети учебных заведений. В 1929 г. в Таджикистане было 528 школ, а теперь их насчитывается около трех тысяч. Если к моменту образования Таджикской ССР в школах работало 543 учителя, из них 379 в сельской местности, то в настоящее время в общеобразовательных школах республики работает 16 450 учителей, из них 13 307 человек работает в сельских школах. В каждом крупном колхозе имеются средние школы, общее количество учащихся за это время возросло почти в 13 раз. Следует отметить значительный рост числа учащихся в старших классах. В Таджикской ССР постепенно осуществляется переход ко всеобщему среднему образованию.

В Таджикистане в настоящее время имеется девять вузов, в том числе государственный университет, 33 техникума и специальных учебных заведения, в которых обучается почти 22 тыс. человек. Эти учебные

заведения выпустили тысячи специалистов, успешно работающих теперь во многих отраслях народного хозяйства и культуры республики.

Таджикский государственный университет—один из самых молодых в стране. Однако за семь лет своего существования он подготовил много историков, физиков, математиков, ботаников, геологов и других специалистов. Сейчас в университете обучается свыше 2 тыс. студентов.

В республике выходит 67 газет и 12 общественно-политических, литературно-художественных, сатирических и специальных журналов с общим разовым тиражом свыше 350 тыс. экз.

Таджикским государственным издательством с 1946 по 1953 г. выпущено около двух тысяч наименований книг с общим тиражом в два миллиона экз. Большинство этих книг напечатано Сталинабадским полиграфкомбинатом. Эта «фабрика книги» существует в республике уже более 20 лет и по выпуску учебников занимает первое место в Советском Союзе.

1 января 1933 г. в Сталинабаде открылась Государственная публичная библиотека им. Фирдоуси — главное книгохранилище республики. Библиотека размещена в одном из красивейших зданий столицы. В ней насчитывается около миллиона книг, сюда ежедневно поступает 250 экз. книг и журналов и 500 экз. газет. Количество постоянных читателей библиотеки составляет почти 15 тыс. человек, подавляющее большинство их — таджики.

Публичная библиотека поддерживает широкие связи со странами народной демократии. Она получает оттуда много газет, журналов, бюллетеней, научных трудов и в свою очередь отправляет туда избранные произведения современных таджикских писателей и научные труды Академии наук Таджикской ССР.

Книга стала неотъемлемой частью духовной жизни народа. В республике непрерывно расширяется сеть библиотек, сейчас их насчитывается 845.

Становление науки в республике — яркий пример заботы партии и правительства о всестороннем расцвете культуры таджикского народа.

В дореволюционное время Таджикистан привлекал хищные взоры капиталистов-промышленников. Но почти за полвека хозяйничания на территории Восточной Бухары этим предпринимателям удалось организовать лишь кустарную добычу угля и нефти. Никаких планомерных исследований в области изучения богатых природных ресурсов и древнейшей материальной и духовной культуры таджикского народа не проводилось. Отдельные труды о дореволюционном Таджикистане— результат работ некоторых русских ученых-энтузиастов.

Одним из таких энтузиастов был Е. Н. Павловский, ныне академик, ученый с мировым именем. Он впервые приехал в Таджикистан в 1908 г., и с тех пор его научная и общественная деятельность неразрывно связана с жизнью республики.

Уже в годы первой пятилетки коммунистическая партия и правительство Советского Союза решили пробудить к жизни огромные производительные силы Таджикистана. В 1932 г. в республику была направлена Таджикская комплексная экспедиция, которой руководил Совет под председательством академика А. Е. Ферсмана. В состав Совета вошли крупнейшие ученые нашей страны — Д. И. Щербаков, Д. В. Наливкин, Е. Н. Павловский, Б. А. Федченко и другие. Всего в экспедиции участвовало 297 научных работников. В результате плодотворной работы экспедиции были выявлены перспективы развития промышленности, сельского хозяйства и использования богатств горных недр. Но для

того, чтобы успешно и быстро поставить выявленные резервы на службу социалистическому обществу, нужно было развернуть в республике планомерную научно-исследовательскую работу. С этой целью в начале 1933 г. в Сталинабаде открылась Таджикская база Академии наук СССР, реорганизованная в 1941 г. в Таджикский филиал АН СССР.

Через десять лет, в 1951 г., в Таджикистане оказалось достаточно научных сил, чтобы поднять науку на новую, высшую ступень, придать исследовательской работе еще более широкий размах. Весной 1951 г. в Сталинабаде была открыта Академия наук Таджикской ССР, ставшая боевым штабом научной мысли республики.

Создание Академии наук означает, что в республике выросли кадры ученых, которым под силу разрешение самых серьезных вопросов, связанных с дальнейшим всесторонним развитием хозяйства и культуры Таджикистана и всего Советского Союза.

В Таджикской Академии наук имеется два отделения: естественных и общественных наук. Каждое из них объединяет несколько институтов. Есть в Академии опытные станции, ботанические сады, астрономическая обсерватория, лаборатории, оснащенные новейшим оборудованием. Ученым созданы благоприятные условия для творческой научно-исследовательской деятельности в самых различных областях науки.

Большое научно-теоретическое и практическое значение имеют исследования, которые ведет коллектив крупнейшего и старейшего научного учреждения Академии — Института ботаники. Здесь разрабатывается ряд тем, тесно связанных с практикой промышленного, и особенно сельскохозяйственного производства. Исследования флоры Таджикистана, закономерностей ее формирования и распределения помогут еще лучше изучить растительный мир республики и выявить возможности выращивания новых культур. Большую помощь специалистам оказывают двухтомная монография по сорным растениям и обзорные карты растительности областей, созданные ботаниками Института. Видное место в работах Института занимают исследования, связанные с разработкой биологических вопросов фотосинтеза и обмена веществ у растений. Эти работы ценны не только для республики, они имеют существенное значение и для всей советской науки.

В Памирском ботаническом саду систематически проводятся исследования, имеющие целью создание высокогорных лесов и садов. В результате многолетней самоотверженной работы ученых-ботаников на Памире растут и плодоносят фруктовые сады и виноградники, начинает развиваться совершенно новая отрасль сельского хозяйства — высокогорное овощеводство.

Если сравнить приемы возделывания почвы, применяемые сегодня в Таджикистане, с теми, что были еще лет десять-двенадцать назад, нетрудно заметить огромную разницу. Передовые агротехнические приемы, применяемые хлопкоробами республики и обеспечивающие им высокие урожаи, в значительной степени являются результатом исследований Института почвоведения, мелиорации и ирригации, внедренных в колхозную практику. Работы коллектива этого Института имеют первостепенное значение в деле освоения новых земель, осушения болот, в изучении почвенного покрова республики и установлении закономерностей почвообразовательного процесса.

Благодаря работам коллектива Института в сельскохозяйственную практику внедрены эффективные методы борьбы с засолением и заболачиванием почв, которые долгое время на отдельных массивах сильно мешали получению хороших устойчивых урожаев хлопка. Помимо этого созданы почвенные карты республики, позволяющие распределять посевы различных сельскохозяйственных культур, добиваясь наиболее целесообразного использования земли.

Вторая после хлопководства отрасль сельского хозяйства республики—животноводство. Ему ученые Таджикистана также уделяют много внимания. Главное направление работ Института животноводства Таджикской Академии наук — создание новых групп местного крупного рогатого скота и овец. Значительное место занимает работа по внутрипородному совершенствованию всемирно известной гиссарской овцы, по созданию мясошерстных и курдючношерстных овец для высокогорных районов республики. В этом направлении уже достигнуты немалые успехи.

В настоящее время в соответствии с решениями партии и правительства ученые направляют свои усилия на развитие в республике тонкорунного овцеводства и на создание прочной кормовой базы как основы животноводства. Проведены исследования по организации искусственных сенокосов, разработаны мероприятия по выращиванию двух урожаев кукурузы в год, созданы образцовые фермы, на опыте которых животноводы республики учатся внедрять в производство новые достижения сельскохозяйственной науки.

Коллектив научных сотрудников Института зоологии и паразитологии им. акад. Е. Н. Павловского провел исключительно важную работу по инвентаризации фауны Таджикистана. В результате многолетних плодотворных исследований разработаны действенные способы борьбы с сельскохозяйственными вредителями, прежде всего с вредителями хлопчатника, и кровепаразитарными заболеваниями скота.

Значительны работы Института и в области ихтиологии. Разработаны методы продуктивного разведения промысловых рыб в искусственных водоемах, сооружаемых во многих колхозах республики.

Сотрудники Института геологии и сотни геологов, работающих в других учреждениях республики, ежегодно проводят многочисленные экспедиции и ведут тщательную разведку недр Таджикистана.

Институт химии Академии наук Таджикской ССР занят рядом важных исследований, имеющих решающее значение для некоторых отраслей промышленности. Разрабатывается химия редких и рассеянных элементов, изучаются свойства углей и нефти, ведутся дальнейшие исследования солевых ресурсов Таджикистана. Исключительный интерес представляют исследования в области синтеза новых веществ из органических соединений.

Известно, какой вклад в мировую науку сделали открытия советских астрономов в области материалистического изучения вопроса о возникновении и развитии звезд и галактик. Астрономы Таджикистана также работают в этом направлении, изучая переменные звезды. В «стеклянной библиотеке» нашей астрономической обсерватории хранится более 14 тыс. снимков звездного неба, представляющих исключительную ценность для науки. Научные сотрудники обсерватории постоянно ведут исследования комет и метеоров.

Таджикистан расположен в сейсмической зоне. Область работ, связанных с предсказанием землетрясений, является одной из интереснейших проблем современности, и сейсмологи Таджикистана стремятся внести свой вклад в разрешение этой важной проблемы. Кроме того, Институт сейсмологии занят вопросами сейсмостойкого строительства, которое имеет огромное значение в условиях республики.

Результаты многих исследований, проводимых учеными Таджикистана, систематически публикуются в изданиях Академии наук. Объем научных трудов, издаваемых в течение года, составляет в среднем около

500 печатных листов. В издательстве Академии наук в большом количестве выходят также научно-популярные книги и брошюры.

Большой размах получили в Таджикской Академии наук работы в области гуманитарных наук. Изучением богатой истории таджикского народа, истории его культуры, языка и литературы заняты Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка и литературы и Отдел философии и экономики.

Опубликована капитальная работа д-ра ист. наук Б. Гафурова «История таджикского народа (в кратком изложении)», первый том, который охватывает период от древних времен до Великой Октябрьской социалистической революции.

Недавно увидели свет первый том большой этнографический работы М. С. Андреева «Таджики долины Хуф» и ряд других работ по истории, археологии и истории культуры, выпущен сборник материалов по изучению истории Советского Таджикистана.

На протяжении ряда лет в республике работает Таджикская археологическая экспедиция, накопившая богатые материалы по истории таджиков и других народов Средней Азии. Особое значение имеют раскопки городища раннефеодального Пянджикента, обогатившие науку прекрасными памятниками согдийской живописи и скульптуры. Подготавливается составление археологической карты Таджикистана.

Ряд работ Института истории, археологии и этнографии посвящен изучению путей и форм обогащения культуры таджикского народа в результате тесного соприкосновения с передовой культурой русского народа. Проводятся исследования по изучению национальной музыки, народных песен и современного изобразительного искусства.

Одной из важнейших заслуг наших языковедов является разработка нового таджикского алфавита на базе русской графики. В результате исследований, продолжавшихся почти 13 лет, мы имеем алфавит и орфографию, обеспечивающие простое и ясное усвоение правил правописания. Идет интенсивная работа по созданию научной грамматики таджикского языка, многие вопросы которой долгое время оставались слабо разработанными. Ведутся исследования в области истории таджикского языка, таджикской диалектологии, сопоставительной грамматики таджикского и русского языков. Публикуются материалы по припамирским языкам и ягнобскому (новосогдийскому) языку.

Отдел философии и экономики подготавливает очерк истории развития общественной мысли таджикского народа.

Институт языка и литературы подготовил ряд очерков по истории таджикской классической литературы, в том числе исследования по истории литератур XVI—XIX вв. — периода, до недавнего времени оставшегося совершенно неизученным.

Закончено составление сводного очерка истории таджикской советской литературы. Ведутся работы по описанию богатых рукописных фондов, содержащих ряд уникальных рукописей.

Опубликованы большие русско-таджикский и таджикско-русский словари, ставшие настольными пособиями для переводчиков, для всей таджикской интеллигенции, изучающей русский язык. Ведутся работы по составлению толкового словаря таджикского языка.

Имена многих таджикских ученых хорошо известны и за пределами республики. В Сталинабаде плодотворно работают действительные члены Академии наук Таджикской ССР Б. Гафуров, А. Богоутдинов, Х. Юлдашев, Б. Ниязмухамедов, члены-корреспонденты — А. Мирзоев, М. Нарзикулов, М. Рахимов, Р. Баратов, С. Табаров, М. Фазылов.

Растет и крепнет, приобретая все более широкий круг читателей, таджикская советская литература, развивающаяся на основе социалистического реализма. Она вышла на всесоюзную и на мировую арену, полюбилась миллионам простых людей демократических стран. На многие языки переведены произведения основоположника таджикской советской художественной прозы, писателя и ученого Садриддина Айни — «Дохунда», «Смерть ростовщика», «Рабы», «Бухара». Пошла по странам мира слава о талантливых, вдохновенных стихах и поэмах Мирзо Турсун-заде. После поездки в Индию поэт создал чудесный цикл стихов «Индийская баллада». Оказалось, что эта книга, изданная в Москве и Сталинабаде, стала широко известна и на зарубежном Востоке. Об этом убедительно говорят многочисленные письма, которые получает поэт из-за границы. Маленьким читателям многих союзных республик нравятся и свежие, волнующие стихи поэта Мирсаида Миршакара.

За последние годы в таджикскую литературу вошли новые силы. Крепнет голос поэтов Г. Мирзоева, М. Фархата, А. Бахори, Г. Сулеймановой; почти в пятидесятилетнем возрасте начала писать стихи Розия Озод, и сейчас ее талант достиг полного расцвета. Читатели полюбили повести и романы, написанные С. Улуг-заде, Ф. Ниязи, Д. Икрами, Рахимом Джалилом, молодым прозаиком П. Толисом. Литераторы Советского Таджикистана смело уходят от старых канонов, находят новые формы для изображения людей и событий нашей замечательной эпохи.

В тесной связи с литературой развивается и искусство таджикского народа, национальное по форме и социалистическое по содержанию. Таджикский народ по своей природе жизнерадостен и талантлив, его тягу к искусству не могли задушить даже мрачные годы эмирата и царизма. Грустные, протяжные мелодии и песни, полные яркого таланта и глубокой самобытности, грациозные танцы — все виды таджикского национального искусства берут начало у истоков народного творчества, уходящего в седую глубь веков. В этих видах народного искусства искрилась горячая любовь к свободе, к счастью, которые—верил народ—придут.

При Советской власти народ получил широчайшие возможности для развития своих талантов. В настоящее время в Таджикистане работает восемь театров.

Из гущи народа вышла замечательная плеяда деятелей театрального искусства: лауреаты Сталинской премии, участницы международных фестивалей демократической молодежи—Лютфи Захидова и Ашура Насырова, лауреаты Сталинской премии Гафар Валамат-заде и Махмад Кабилов, народный артист Союза ССР Мухамаджан Касымов и многие другие.

На сцене Таджикского государственного академического театра оперы и балета им. Айни ставятся лучшие творения русских и зарубежных композиторов. Большой успех выпал на долю таких спектаклей, как опера «Кузнец Кова», «Восстание Восе», «Нисо», балеты «Лейли и Меджнун», «Дильбар», созданные композиторами Таджикистана и братских союзных республик по мотивам таджикской литературы и фольклора.

25 лет в республике работает Таджикская государственная филармония. Из небольшого самодеятельного музыкально-драматического кружка вырос таджикский театр драмы. Край былой беспросветной нищеты имеет теперь свою театральную культуру. Ежегодно в искусство приходят десятки талантливых юношей и девушек.

В 1933 г. появилась первая таджикская пьеса «Муборизa» Усманова. К тому же раннему периоду относятся постановки пьес «Клевета» Саидмурадова, «Мятеж» Фурманова, «Шадмон» Улуг-заде. С тех пор на

сцене академического театра драмы ставятся пьесы таджикских авторов Д. Икрами, С. Улуг-заде, русских и зарубежных классиков — Гоголя, Шекспира, Лопе де-Вега, Мольера, пьесы Назыма Хикмета и других писателей.

Все виды таджикского искусства глубоко национальны, наполнены ярким содержанием, близки народу, а поэтому и любимы им.

До революции в Таджикистане не было известно кино. Оно появилось только в 1929 г. одновременно с образованием Таджикской ССР. Первый номер киножурнала «Советский Таджикистан» был выпущен к I Чрезвычайному съезду Советов республики и имел огромный успех. Этим было положено начало развитию кинематографии в только что возникшей, тогда еще совсем молодой, союзной республике. В 1931 г. были начаты съемки первых художественных фильмов «Когда умирают эмиры», «Эмигрант» и «Живой бог», которые обошли экраны всей страны. Особенно большой успех выпал на долю первого таджикского звукового кинофильма «Друзья встречаются вновь». Цветной полнометражный документальный фильм «Советский Таджикистан» (автор—режиссер Б. Кимягаров) был удостоен Сталинской премии. Документальный фильм «Таджикистан» в 1946 г. на международном фестивале в Венеции был удостоен бронзовой медали и почетного диплома, а фильм «Долина реки Вахш» демонстрировался на международном кинофестивале в Чехословакии.

Бичом населения Восточной Бухары были тяжелые заболевания. Тысячи людей гибли от малярии, туберкулеза, сифилиса, трахомы, им не оказывалось никакой медицинской помощи. Это и не удивительно: в Восточной Бухаре на медицинскую помощь отпускалось 14 копеек на человека в год.

Налаживание здравоохранения явилось первейшей заботой Советской власти в Таджикистане. Правительство выделяло огромные суммы на строительство лечебных и детских учреждений. За 25 лет на строительство только зданий медицинских учреждений израсходовано около 100 млн. рублей. В Таджикистан были направлены сотни врачей, медицинских сестер и фельдшеров, а вскоре в Сталинабаде был открыт медицинский институт, ставший кузницей национальных медицинских кадров. Создана густая сеть лечебных учреждений, детских садов, яслей и родильных домов. Сейчас число только одних стационарных больниц достигает 173.

В республике широко известны Ленинабадская физиотерапевтическая лечебница и Сталинабадская клиническая больница. Эти учреждения имеют совершеннейшее медицинское оборудование, здесь применяются все современные методы лечения.

В каком бы дальнем уголке республики ни работали люди, им в случае необходимости немедленно будет оказана любая медицинская помощь работниками санитарной авиации. Самолеты санитарной авиации сделали десятки тысяч вылетов, не раз доставляя врачей и медикаменты в труднодоступные горные местности.

В Таджикистане работает сто аптек, много санитарно-эпидемиологических и противомалярийных станций. В результате отличной диагностики, многочисленных профилактических мероприятий и применения лучших фармацевтических средств в республике полностью ликвидирована заболеваемость малярией и дизентерией.

За последние годы серьезное внимание уделено курортологии, особенно широко ведутся работы по улучшению постановки лечения на известных курортах республики — Оби-Гарм и Ходжа-Оби-Гарм, где успешно используются горячие воды минеральных источников. Создано в Таджикистане также и грязелечение.

В результате отлично поставленного здравоохранения исчезли тяжелые заболевания, растет здоровое и жизнерадостное поколение, знающее о дуохонах (шептунах) только по книгам, да по рассказам стариков.

История повествует о том, какой забитой и вечно униженной была женщина на Востоке. Современной молодежи эта ужасающая быль кажется чудовищной сказкой. Конечно, в это трудно поверить, если простая прядильщица Саида Ахадова стала членом правительства Советского Союза, и ее голос звучал на многих конференциях в зарубежных странах. Умно и страстно говорит с трибуны сессии Верховного Совета республики работница швейной фабрики Икболь Нормурадова. Сложной и многообразной работой публичной библиотеки руководит депутат Верховного Совета Таджикской ССР О. Каримова. И главное — таких женщин у нас не единицы, а сотни и тысячи.

Не редкость в республике и женщины-ученые. Успешно работает в области химии канд. хим. наук С. Баситова, работой ученых-энергетиков руководит канд. технич. наук Ф. Мазитова, успешно занимается педагогической деятельностью д-р геол.-мин. наук проф. С. Юсупова.

Во всех школах Таджикистана работают женщины-педагоги. У нас есть женщины—летчики, шоферы, новаторы производства и сельского хозяйства. 99 женщин являются депутатами Верховного Совета Таджикской ССР и принимают самое активное участие в его многогранной деятельности.

Женщины Советского Таджикистана — огромная сила во всех делах республики, в ее культурной жизни, и это одно из важнейших завоеваний нашего народа.

За последние годы в республике выросли кадры ученых-медиков. Успешно работают в этой области канд. мед. наук М. Пулатова, С. Хакимова, К. Каримова. Канд. хим. наук Х. Раджабова является директором недавно созданного в Сталинабаде Женского педагогического института. Канд. пед. наук К. Хакимова и Хансуварова готовят будущих учителей.

В сравнительно небольшой статье трудно даже бегло перечислить все достижения в области социалистической культуры, которых добился таджикский народ. Культура, большая и самобытная, национальная по форме и социалистическая по содержанию, создана в Таджикистане в невиданно короткий исторический срок. В прошлом край «белых пятен», нищеты и невежества, Таджикистан превратился в цветущую социалистическую республику, с современными городами, с высокоразвитыми промышленностью и сельским хозяйством, с передовой культурой.

Все эти завоевания, добытые трудом и талантом народа, очень дороги ему. Поэтому вместе со всеми трудящимися Советского Союза, вместе со всем свободолюбивым человечеством таджикский народ так горячо и непреклонно отстаивает дело мира.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЛЖСКО-КАСПИЙСКИХ СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Б. Н. ЗАХОДЕР

Среди многочисленных и разнообразных задач советского востоковедения комментирование памятников древней русской письменности представляется особенно важным и существенным. Сделано в этой области не так уж много, а то, что сделано, касается главным образом одного избранного памятника — «Слова о полку Игореве». Здесь можно отметить и почтенную давность работы, и систематичность, и наличие не одного десятка исследований, проливающих свет на то, что без этого осталось бы неясным.

Несравненно меньше сделано востоковедением по изучению первого русского летописного свода — «Повести временных лет». Между тем собранный в «Повести» бесценный по богатству материал должен особенно привлекать внимание востоковедов, так как в нем многообразно отразились древние исторические связи русского народа со многими народами Востока.

Настоящее исследование посвящено находящемуся в «Повести временных лет» известному описанию водных путей Руси: «Днепр бо потече из Оковьского леса... ис того же леса потече Волга на восток и втечеть семьодесят жерел в море Хвалиское. Тем же и из Руси можеть ити ... в Болгары и в Хвалисы, и на восток доити в жребии Симов»[1].

Нельзя сказать, чтобы данный отрывок не был проанализирован филологически и исторически, в том числе комментаторами, привлекавшими для этого восточные источники. Достаточно напомнить, что сто лет назад эту цитату из «Повести» привел в начале своего исследования о следах древнего знакомства русских с Востоком И. И. Срезневский (1812—1880)[2]. Знаменитый знаток русской древности, языка и фольклора И. И. Срезневский ко времени опубликования исследования (1854) по роду своих разнообразных занятий столкнулся с восточной филологией. Следом этого знакомства и оказалась работа, где для анализа русской летописи были привлечены восточные источники. Необычайно смело по тому времени и в высшей степени остроумно И. И. Срезневский сопоставил текст «Повести временных лет» с текстом арабоязычного географа IX в. Ибн-Хордадбеха, сообщение которого о русах-купцах незадолго

[1] «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), т. 1. Лаврентьевская летопись, 2 изд., Л., 1926, стр. 7.

[2] *И. Срезневский.* Следы давнего знакомства русских с южной Азией. Девятый век. «Вестник ИРГО», 1854, ч. 10, стр. 49—68.

перед тем было опубликовано в английском востоковедном журнале[3]. «Так представляли себе,— писал И. И. Срезневский,— наши древние летописцы водные пути не только своего, но и более отдаленного времени,— пути, сближавшие Русь с отдаленными землями запада и востока,— представляли их себе, конечно, не по картам, а по памяти и, следовательно, наслышась о них от тех, кто изведал их на самом деле. Что их точно изведывали на самом деле промышленники Русские с незапамятных времен, это отмечено было многими из наблюдательных людей тех земель, куда они заходили, между прочим, и многими из географов Арабских»[4].

За сто лет со времени выхода в свет упомянутой выше статьи И. И. Срезневского в науке была проделана большая работа, изданы и исследованы неизвестные ранее материалы. Не раз филологи, в том числе и востоковеды, обращались к летописному описанию водных путей древней Руси. Последним, кажется, был выдающийся наш арабист И. Ю. Крачковский, который в 1950 г. привлек ту же цитату, почерпнув из нее свидетельства о древнем знакомстве русского народа с арабскими странами[5].

Два вопроса, представляется, все же не были исследованы до конца и могут быть уточнены в настоящее время: первый — о водном маршруте Руси, второй — об источниках описания Волги, текущей, по словам летописи, в верхнем своем течении на восток, а в нижнем впадающей семьодесятью устьями в Каспийское море.

За последнее время среди некоторых историков, в частности занимающихся Средней Азией, обозначилась тенденция считать, что экономические, культурные и политические связи Восточной Европы со Средним Востоком, в том числе с Ираном и Средней Азией IX—X вв., осуществлялись главным образом сухопутным, караванным путем. «При саманидах,— сказано, например, в «Истории народов Узбекистана», — в Средней Азии, и особенно в Мавераннахре, огромное значение имела караванная торговля, которая связывала Юго-восточную Европу через Среднюю Азию, а также Иран и Кавказ с Монголией и Китаем»[6]. Эта мысль, по нашему мнению, требует значительного разъяснения. Совершенно очевидно, что такие караванные связи были при Саманидах (X в). Да еще раньше, в V в., как отмечал В. В. Бартольд, движение народов с востока на запад способствовало оживлению этих связей[7]. Но эти связи, как правило, носили случайный характер. Бывали периоды — и достаточно длительные,— когда этих связей, очевидно, вообще не было. Путешествие Ибн-Фадлана на Поволжье из Средней Азии в 922 г. убедительно свидетельствует об отсутствии каких-либо сухопутных, караванных сношений в то время. На выраженное багдадским посольством пожелание отправиться на Поволжье сухопутным путем один из гузских вождей, Тархан, сказал: «Это такое дело, какого мы не видывали совершенно и не слыхивали о нем, и мимо нас не проходили какие-либо послы (какого-либо) султана с того времени, как существуем мы и отцы наши»[8]. Отсутствуют

[3] *A. Sprenger.* Some original passages on the early commerce of the Arabs. «Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. XIII, part II. Calcutta, 1844, p. 519—526.

[4] *И. Срезневский.* Указ. соч., стр. 50.

[5] *И. Ю. Крачковский.* Очерки из истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 13—14.

[6] «История народов Узбекистана», т. I. Ташкент, 1950, стр. 227.

[7] *В. В. Бартольд.* История культурной жизни Туркестана. Л., стр. 15—17.

[8] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Перевод и комментарий под редакцией акад. И. Ю. Крачковского (в дальнейшем — «Путешествие»). М.—Л., 1939, стр. 65.

описания маршрутов из Средней Азии в Поволжье и в таких обстоятельных «бедекерах», какими являются арабоязычные сочинения географов IX—X вв. Как замечал еще В. В. Бартольд, «арабские маршруты не описывают, однако, пути из страны печенегов непосредственно в страну болгар; говорится только о пути в страну болгар из страны хазар»[9]. Мы не хотим сказать, что в литературе вообще нет упоминаний о сухопутной связи в раннее время между Средней Азией и Поволжьем. Такие упоминания имеются: одно из них — маршрут из Хорезма к печенегам, кочевья которых находились в то время на Урале, ниже Уральска,— приведено В. В. Бартольдом в пересказе из сочинения XI в. Гардизи в цитированной выше статье[10]. Можно привести еще ряд таких же упоминаний. Но все они очень редки, случайны, нуждаются в самом тщательном текстологическом анализе и без такого анализа не могут служить надежной базой для всякого рода обобщений. Более того, даже при более точном и конкретном установлении этих караванных связей между Средней Азией и Поволжьем в IX—X вв. все же они, эти связи, должны рассматриваться с учетом основных в то время средств сообщения между Восточной Европой и Средней Азией, Ираном и другими странами Среднего Востока. Недооценка значения волжско-каспийской водной магистрали искажает картину реально существовавших в весьма отдаленное от нас время международных связей, в которых тогда русский народ играл значительную роль.

Путь из древней Руси в «жребий Симов»— на Восток—лежал, по точному смыслу отрывка «Повести», по Волге и Каспию; по этим магистралям русы плыли на судах. Именно так и передано содержание этой части древнейшей нашей летописи в последнем академическом издании, сопровожденном переводом на современный русский литературный язык: «Так и из Руси можно *плыть* (курсив наш.— *Б. З.*) по Волге в Болгары и Хвалисы, и дальше на восток *пройти* (курсив наш.—*Б. З.*) в удел Сима...»[11] Морским, корабельным, а не сухопутным, «лошадным», народом представлялись русы тому разнообразному в этническом отношении прикаспийскому миру, с которым им приходилось сталкиваться. «Русы—люди рослые, видные, отважные, но смелость у них не на седле,— сообщают Ибн-Русте и последующие параллельные тексты,— все свои нападения и предприятия они совершают на судах»[12]. «Если бы были у них лошади и они были бы всадниками, стали бы они (т. е. русы) великим бичем для людей»,— утверждают Марвази и Ауфи[13]. В рассказе о трех «разрядах» или «разделах» русов, который многократно подвергался различным исследованиям в нашей исторической литературе[14], сообщается, что купцы-русы племени арса «спускаются по реке» вместе со своими товарами. Во всех этих рассеянных в источниках разных указаниях нельзя не видеть одного и того же: древнейшие сношения Руси с Востоком осуществлялись преимущественно по водным путям. Отсюда понятно, почему похороны руса, по описанию Ибн-Фадлана, совершались на корабле[15],

[9] *В. В. Бартольд.* Арабские известия о русах. «Советское востоковедение», 1940, т. I, стр. 21.

[10] Там же, стр. 20.

[11] «Литературные памятники», 1950, ч. 1, пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, стр. 207—208.

[12] *Д. А. Хвольсон.* Известия... Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 38—39, «Bibliotheca geographorum arabicorum», ed M. Y. de Goeje (в дальнейшем — BGA), t. VI, p. 146.

[13] *V. Minorsky.* Sharaf al-zaman Tahir Marvazi, 1942, p. 23 (араб. текст), 36 (англ. пер.). *В. В. Бартольд.* Новое мусульманское известие о русских. ЗВОРАО, IX, 1896, стр. 263 (перс. текст), 265 (рус. пер.).

[14] Последнее по времени исследование — *А. Л. Монгаит.* К вопросу о трех центрах древней Руси. КС ИИМК, т. XVI, 1947, стр. 103—112.

[15] «Путешествие», стр. 81—83.

понятно также, почему Волга с глубокой старины стала для русского народа «матушкой» и «русской рекой».

Не входя в обсуждение русских маршрутов до Волги, как не являющихся предметом данного исследования, остановимся на пунктах маршрута, указанных в летописи. Если *Булгары* (волжские) благодаря длительной работе нашей науки в настоящее время не представляют для своего определения каких-либо вопросов, то этого нельзя сказать о всем маршруте и о конечном пункте его — *Хвалисах*. Комментарий к последнему академическому изданию «Повести» определяет *Хвалисы* как древнерусское название Хорезма (араб. Хуваризм: отсюда и Хвалисское море)[16]. Даже соглашаясь с этим определением, мы все же не можем не обратить внимания на то, во-первых, что *Хвалисы* выступают еще раз в «Повести» в контексте, позволяющем сомневаться, разумелись ли под этим наименованием хорезмийцы, и, во-вторых, на странный пропуск Итиля в маршруте, указанном в «Повести» (если понимать *Хвалисы* как *Хорезм*).

В том интереснейшем тексте, который приписан нашей «Повестью» епископу Мефодию из города Патар в Ликии (Малая Азия, III—IV вв. н. э.), *Хвалисы* упоминаются дважды. Приводим эту цитату в том же современном русском литературном переводе, что и цитату о маршруте: «Другие же говорят: сыны Амоновы, но это не так: сыны ведь Моава—это хвалисы, а сыны Амона — это болгары, а сарацины от Измаила выдают себя за саринов (сыновей Сары) и называли себя сарацины, что значит: „Мы Сарины". Итак, хвалисы и болгары происходят от дочерей Лота, зачавших от отца своего, потому и нечисто племя их»[17]. В комментарии, который приведен в названном издании к цитируемому отрывку летописи, к сожалению, не рассмотрен интересующий нас термин. Между тем двукратное его употребление не может не подтвердить правильности замечания комментария о самостоятельности трактовки летописцем текста Мефодия[18]: выступая в паре, *булгары и хвалисы* напоминают традиционное для восточной литературы сочетание *булгар и хазар*. Упомянутые народы жили в соседстве друг с другом по Волге, тогда как парное сочетание в русской летописи булгар и хорезмийцев вряд ли чем-либо может быть объяснено. Не входя глубоко в рассмотрение вопроса о *хвалисах-хазарах*, отметим, что термин Хвалисское море может и не быть, по нашему мнению, производным от летописных *хвалисов*, а означать иногда, кроме Хазарского, Хорезмское море.

Последняя трактовка, повидимому, не чужда была и И. И. Срезневскому, первому из ученых на основании анализа текста Ибн-Хордадбеха поведшему маршрут русов по Каспию не по западному, населенному кавказскому побережью, а прямиком через «темное», как пишут арабские географы, море к области, которая нередко составляла единое с Хорезмом целое, во всяком случае на всем протяжении своей исторической жизни была тесно связана с ним. «Там, в области Джурджанской, — читаем мы в «Следах давнего знакомства...», — была замечательная по торговле пристань Абоскун-Абескун, там, где впадает в море река Джорджан (или Гургун, как называется и теперь), а выше по реке стоял и город Джурджан»[19].

Теперь, когда ожесточенные споры с норманистами отошли в далекое прошлое, а сам норманизм вызывает в нас лишь воспоминания о путанице, которая была внесена его сторонниками в изучение древней

[16] См. «Литературные памятники», 1950, ч. 2.

[17] Там же, ч. 1, стр. 353.

[18] Там же, ч. 2, стр 425.

[19] *И. Срезневский.* Указ. соч., стр. 62.

истории русского народа, сообщение Ибн-Хордадбеха о русах-купцах[20] «настолько красноречиво говорит в пользу славянского происхождения Руси, что не требует комментария»[21]. Только особой предвзятостью можно объяснить факт непризнания за русами Ибн-Хордадбеха русского в подлинном смысле этого слова происхождения. Сообщение Ибн-Хордадбеха о маршруте русских купцов по Каспию не одиноко в арабоязычной литературе IX—X вв. Уже А. Шпренгер, первый издатель сообщения Ибн-Хордадбеха, отметил наличие еще одного сочинения, ошибочно им приписанного Белазури, оказавшегося, как выяснилось, «Книгою стран» Ибн ал-Факих ал-Хамадани[22], текст которой был близок по содержанию к тексту Ибн-Хордадбеха[23]. Близкие или даже параллельные Ибн-Хордадбеху и Ибн ал-Факиху тексты, как оказалось, были довольно широко распространены в историко-географической литературе мусульманского мира X—XII вв. В сокращенном и искаженном виде мы их встречаем у Масуди[24] и других, вплоть до Марвази[25]. Далеко не все эти тексты сохранили интересующее нас упоминание о каспийском маршруте русов, но те, которые сохранили, неизменно отмечают один и тот же конечный пункт направления — Джурджанское море (Ибн-Хордадбех), Хорасанское море (Ибн ал-Факих, Масуди), что весьма близко с упоминанием летописью Хвалисского моря, если понимать под последним Хорезмское море, т. е. часть Каспия, носящую в настоящее время название Астрабадского залива.

В течение длительного времени русские и европейские востоковеды отмечали в древних русско-восточных отношениях одну черту — наличие военных экспедиций русов на Каспийское побережье. Этому посвящен ряд статей и даже одна монография. Авторы и статей, и монографии совершенно справедливо указывали на грабительский характер этих походов. Характеризуя эти походы, некоторые из исследователей одновременно утверждали, как то было иллюстрировано нами цитатой из «Истории народов Узбекистана», что огромное значение имели не волжско-каспийские водные пути, по которым направлялись экспедиции русов, а сухопутные, караванные. Подходя к вопросу с такой точки зрения, нельзя было установить какую-либо связь этих походов с экономической, торговой жизнью того времени. Более того, сами рассуждения о походах, без признания древних и крепких русско-восточных связей, волей-неволей приводили исследователя к поискам «варягов»—безразлично какого происхождения,— совершавших случайные авантюры в неизвестных землях. Так, В. В. Бартольд в опубликованной после его смерти статье и цитированной уже нами, утверждая о наличии сухопутных дорог из Средней Азии на запад, вместе с тем подразумевает под «русами» первых известных походов на Каспий в IX в. варягов термин, который, по словам В. В. Бартольда, имел «более широкое значение», чем термин «Русь»[26].

[20] Издания и переводы этого знаменитого отрывка Ибн-Хордадбеха о русах многочисленны. Подробную библиографию этих изданий и переводов см. *Д. А. Хвольсон.* Указ. соч., стр. 158, а также «Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. (Разыскания А. Куника)», ч. 2. СПб., 1903, стр. 126—127 (не упомянут самый последний и наиболее надежный русский перевод В. Р. Розена, приведенный на стр. 128—131 того же сочинения).

[21] *М. Н. Тихомиров.* Происхождение названия «Русь» и «Русская земля». Сб. «Советская этнография», 1947, стр. 77.

[22] *A. Sprenger.* Указ. соч., стр. 525—526.

[23] BGA, t. VI, p. 270—271; рус. пер. В. Р. Розена «Известия ал-Бекри», ч. 2, 1903, стр. 140—143 (араб. текст 139—140).

[24] *Maçoudi.* Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Caurteille (в дальнейшем — Масуди), vol. II. Paris, 1861—1877, p. 18.

[25] *Minorsky.* Указ. соч., стр. 23 (текст), 36 (пер.).

[26] *В. В. Бартольд.* Арабские известия о русах, стр. 19.

Неполная исследованность вопроса о действительно имевших место глубоких связях русов с народами, населявшими побережье Каспийского моря, приводит к недоразумениям и в наши дни. В 1932 г. в органе Дамасской Академии наук был опубликован найденный в Тунисе трактат о торговле, приписанный издателем знаменитому арабскому писателю IX в. Джахизу. В первом томе нового арабистического органа, начавшего выходить в 1954 г. в Париже, Ш. Пелла, известный до этого своими работами по Джахизу, опубликовал статью, содержавшую французский перевод трактата и введение, в котором французский арабист отказывался не только признавать, по ряду признаков, за трактатом авторство Джахиза, но и считал, что опубликованный документ «не дает достаточно солидных оснований для производства исторического комментария»[27]. Исходя из выраженного во введении отношения к документу Ш. Пелла во французском переводе документа, в части, рассказывающей о торговле мехом, перевел термин hazari, которым обозначаются меха, не «хазарский» как, несомненно, следовало бы переводить, а «каспийский»[28]. Эти меха — горностаи, соболь, белка — как показывает текст, в страны Востока вывозились из Хорезма[29]. Не надо быть глубоким знатоком естественной истории, чтобы определить, свои или транзитные меха вывозились из Хорезма. Термин «хазарский», на наш взгляд, совершенно точно определяет направление экспорта русских мехов в страны Востока через нижнее Поволжье. Из хазарской столицы меха направлялись в Хорезм. Сообщение опубликованного трактата о Хорезме, как центре торговли русскими мехами, не одиноко: рассказывая о ценных русских мехах, Ибн-Хаукаль также упоминает, что эти меха продаются через Хорезм[30]. Юго-восточное побережье Каспия — морские границы Хорезма и Джурджана — с глубокой древности было одним из центров каспийского судоходства. По преданию, сохраненному Аррианом, Александр Македонский приказывал «рубить на Гирканских горах лес и строить длинные корабли без палуб и с палубой по греческому образцу»[31]. На давние и близкие связи Хорезма с Прикамьем и Приволжьем неоднократно указывал С. П. Толстов[32].

Значительно меньше нам известно о джурджано-восточноевропейских связях. О степени изученности этого вопроса в науке свидетельствует небольшая заметка об Абаскуне в «Энциклопедии ислама»[33]; признавая важное значение абаскунского порта в средние века, заметка не упоминает в библиографии единственного, более или менее специального исследования вопроса, произведенного Б. А. Дорном в его монографии «Каспий»[34]. На то же самое обстоятельство указывает и заметка в историко-географическом обозрении Персии Барбье де Мейнара, выпущенном в Париже в 1861 г., где Абаскун фигурирует в качестве «маленького города на морском берегу»[35], хотя еще в XIV в. было известно о затоплении его морем.

[27] *C. Pellat.* Gahiziana I. Le Kitab al-tabassur bi-l-tiğara attribué à Ğahiz. «Arabica», t. I, 1954, p. 154, 157.

[28] Там же, стр. 157.

[29] Там же, стр. 159.

[30] BGA, t. II, p. 281; BGA, t. II, p. 392 (ed. J. H. Kramers).

[31] «Вопросы истории», 1947, № 5, стр. 122, прим. 65 (Арриан, VII, 16) пер. К. В. Тревер.

[32] *С. П. Толстов.* Из предистории Руси. Сб. «Советская этнография», вып. VI—VII, 1947, стр. 57.

[33] «Encyclopédie de L'Islam», vol. I, p. 6.

[34] *Б. А. Дорн.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан. СПб., 1875, стр. 535, под словом «Абескун».

[35] *Barbier de Meynard.* Dictionnaire geographique historique et litteraire de la Perse. Paris, 1861, p. 1.

Как полагают некоторые исследователи, каспийский порт, осуществлявший в IX—X вв. основную морскую связь с Поволжьем, был известен еще Птолемею под наименованием Sacanaa[36]. Арабо-персидская традиция гласит, что приморский город был основан сасанидским шахом Кабадом[37] в конце V—начале VI в. Подчиненный Джурджану, от которого он находился в трех днях пути, Абаскун управлялся, как и весь джурджанский район до завоевания его арабами, местным парьком, носившим наименование, или титул, Сул[38]. Сохранил Абаскун свое важное значение и по вхождении юго-восточного побережья Каспия в состав халифата. Астрабадский залив, где находится порт, нередко в средневековых восточных памятниках письменности называется Абаскунским морем[39]. На берегу реки Горген, близ развалин города Джурджана, находится один из самых древних памятников Джурджании «башня Кабуса», построенная в 1006—1007 гг.[40] В качестве города ислама Абаскун был защищен кирпичной стеной, соборная мечеть, находившаяся в городе, была, вероятно, как и всюду на мусульманском пограничье, центром, откуда велась деятельная и систематическая пропаганда в кочевьях, окружавших район гузов[41]. Через Джурджан порт был соединен с важнейшими сухопутными дорогами, по которым следовали караваны через Рей на Багдад и к Средиземному морю через Балх и Мавераннахр на далекий восток, вплоть до Китая. В свете этих данных свидетельства Ибн-Хордадбеха и Ибн ал-Факиха о переездах русских купцов в Рей, а также к тоугузам и в Китай нам представляются далеко не невероятными. В качестве порта Абаскун считался одним из первоклассных центров морских сообщений по Каспию, «местом торга всех, кто ведет торговлю по Хазарскому морю»[42], «самым известным портом» на Хазарском море[43]. Масуди дает яркую картину оживленных морских сообщений Абаскуна с главнейшими каспийскими портами того времени; между Абаскуном, рассказывает он, Гиляном и западным побережьем Каспия было постоянное движение судов с товарами[44].

Мы не имеем точных данных о падении Абаскуна. Уже Якут (XIII в.) в своем географическом словаре, указывая на то, что по имени порта именуется иногда весь Астрабадский залив, называет современный ему Абаскун «городком, населенным местом»[45]. Хамдаллах Казвини не знает города, а говорит об одноименном острове, затопляемом морем. Как считают исследователи, Абаскун находился при устье реки Горген, на месте нынешнего селения Гумуш-тепе[46]. Населенный отважными рыболовами и моряками, город-порт юго-восточного Каспия в IX—X вв. был центром систематических связей между Востоком и Поволжьем. Рано или поздно, надо полагать, и для раннего каспийского мореходства

[36] *Б. А. Дорн.* Указ. соч., стр. 9; Hudud al-Alam..., «Gibb memorial series», new series, XI, 1937, trans. by V. Minorsky, p. 386.
[37] Димашки, изд. Mehren, 226.
[38] BGA, t. VI, p. 40 (текст), 29 (пер.).
[39] *Б. А. Дорн.* Указ. соч., стр. 535, под словом «Абескунское море».
[40] *В. В. Бартольд.* Башня Кабуса, как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры. «Ежегодник Российского Института истории искусства», т. I, 1922, стр. 121—125.
[41] BGA, t. III, p. 358; BGA, t. II, p. 273.
[42] «Худуд ал-алам». Рукопись Туманского с введением и указанием В. Бартолда. Изд-во АН СССР, 1930, рук. 29б.
[43] BGA, t. II, p. 273.
[44] Масуди, vol. II, p. 25.
[45] «Jacut's geographisches Wörterbuch... herausgegeben von Ferd. Wüstenfe d», Bd. IV. Leipzig, 1866—1873, S. 55.
[46] *Б. А. Дорн.* Указ. соч., стр. 10; *В. В. Бартольд.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 81.

найдутся такие же бесценные как источник лоции, какими располагает наука для навигации по Персидскому заливу, Красному морю, Индийскому океану. Схематическим и бледным отражением этих лоций являются, очевидно, маршруты, описанные в арабоязычных географических сочинениях IX—X вв. Ибн-Хордадбех приводит ранний и наиболее краткий из этих маршрутов: путь от Джурджана до Хамлиджа, столицы хазар, по его словам, при благоприятном ветре продолжался восемь дней[47]. Истахри и Ибн-Хаукаль приводят более обстоятельное описание маршрута. По их словам, существовали два направления, по которым двигались суда из Абаскуна до страны хазар,— «с правой» и «с левой» стороны. При маршруте по второму направлению единственной возможной стоянкой был Дихистан, находившийся в шести переходах. Расстояние от Табаристана до хазарского Баб ал-абваб (Дербенд) «при благоприятном ветре» проходилось судами в семь дней[48].

О связях джурджанского Абаскуна с Восточной Европой мы располагаем свидетельством очевидцев. «И я (сам),— пишет Масуди,— плавал по нему (Каспийскому морю) от Абаскуна, а он на берегу Джурджана, в область Табаристана и далее, и не переставал я расспрашивать всех, кто сам был свидетелем, из числа купцов, а также хозяев кораблей»[49]. Только Абаскун мог иметь в виду Ибн-Хаукаль, заявляя, что в 358 г. хиджры (968—969) он в Джурджане узнал о захвате русами Булгар и Итиля[50]. Не случайно в Джурджан были направлены самые ранние каспийские походы русов 880 и 909 гг.[51] Здесь, в джурджанском Абаскуне от бывалых каспийских мореходов получали самые подробные и свежие вести из Восточной Европы.

Источники по-разному называют плававшие в то время по Каспию суда: «сафина» (Ибн-Русте, Ибн-Фадлан, Масуди), «маркаб», «заурак» (Масуди). Ни одно из этих названий не дает ясного представления о типе или характерных чертах древней каспийской навигации. Повидимому, практика греческого судостроительства, описанная Аррианом, не оказалась устойчивой в древней Гиркании; упоминание в сохранившихся маршрутах «благоприятного ветра» явственно говорит об употреблении парусных судов. Масуди в цитированном выше отрывке, свидетельствующем о его личных морских переездах по Каспию, говорит о «корабельных хозяевах»; по аналогии со сведениями, имеющимися для этого времени в отношении навигации на Персидском заливе и в Индийском океане, надо полагать, что эти хозяева были одновременно капитанами и лоцманами своих судов. Большинство рейсов из Абаскуна совершалось по южному побережью Каспия, но существовали более или менее систематические рейсы на далекий север: «и ездят по нему (Каспию),— сообщают географы,— купцы из мусульманских стран в землю хазар и между Арраном, Гиляном, Табаристаном и Джурджаном»[52]. Как и все отдаленные заморские экспедиции, подобные рейсы совершались не одиночными судами, а караванами судов. Ибн-Русте, рассказывая о прибытии в Булгары мусульманских судов, говорит о таковых во множественном числе[53]. Нападавшие на Абаскун русы в 909 г. также были в числе шестнадцати судов, вероятнее всего в составе таких же

[47] BGA, t. VI, p. 124.
[48] BGA, t. I, p. 226—227; BGA, t. II, p. 286.
[49] Масуди, vol. I, p. 274.
[50] BGA, t. II, p. 281—282; BGA, t. II, p. 392—394 (ed. J. H. Kramers).
[51] *Б. А. Дорн.* Указ. соч., стр. 531.
[52] BGA, t. I, p. 218; BGA, t. II, p. 273.
[53] *Д. А. Хвольсон.* Указ. соч., стр. 24.

«морских однодеревок», какие плавали по Черному морю[54]. Обычным сезоном рейсов на север была весна. Такое предположение подтверждается пейзажем поволжской природы, описанным в ранних арабо-персидских известиях о Восточной Европе; погруженные в воду деревья и другие детали говорят о весеннем паводке. Да и сам характер торговли восточного купечества с Севером (закупка пушнины) обусловливал необходимость прибытия к рынкам пушной торговли вскоре по окончании охотничьего сезона. Надо думать, что в то же время совершались и закаспийские поездки русов-купцов.

Обстоятельная статья А. Ю. Якубовского об исторической топографии Итиля богата весьма ценным материалом[55]. Однако с позиций, выраженных нами в данном очерке, она страдает одним существенным недостатком. В этой статье, изобилующей многими деталями, совершенно не отражена весьма важная роль русской купеческой колонии. Автору этих строк уже приходилось в одной из своих статей отмечать то значение, какое имел волжский путь для русской торговли задолго до того, как вся Волга во всем ее течении вошла в состав Русского государства[56]. По восточным источникам мы ясно прослеживаем процесс русской колонизации на Волге, который с незапамятных времен сделал эту реку, несмотря на то, что на ее берегах в среднем и нижнем течении обитали неславянские народности,— «русской рекой», «матушкой». В хазарской столице Итиле, куда сходились пути из Киева (через Дон) и из Булгар (вниз по Волге) и откуда мореходы плыли на Абаскун, русская колония была настолько значительна, что имела своего отдельного судью, назначаемого, как и все судьи, хазарским каганом[57]. В Итиль, как показывают арабо-персидские документы, русы везли мед, которым славились на весь Восток, свечи, меха[58]. Привозимые русами меха считались самыми ценными; известные под различными названиями — буртаси, хазари, эти меха имели сбыт, без преувеличения можно сказать, от Испании до Индии. Выдвигались гипотезы, почему русы привозили такие ценные меха? Географы объясняли этот факт соседством русов с мифическим Гогом и Магогом. Только удельным весом купечества в этой международной торговле мехом можно объяснить иначе ничем не объяснимый факт, что захват русами Булгар и Итиля в 969 г. не снизил, по словам Ибн-Хаукаля, привоза русами мехов на Восток[59]. Рассказывая о прибытии русов-купцов в Булгар, Ибн-Фадлан говорит: «Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле, а это большая (река) и строят на ее берегу большие дома из дерева и собирается (их) в одном (таком) доме десять и (или) двадцать...»[60]. Такие же купеческие подворья, очевидно, строили русы-купцы и в Итиле. Испанский араб Абу-Хамид ал-Гарнати, побывавший в 1131—1136 гг. на нижнем Поволжье, сообщает о виденных им больших деревянных домах, построенных из еловых или сосновых бревен, «и у них маленькие двери, закрытые овечьими шкурами со всей шерстью, и внутри их жара, как в бане, так как у них много топлива»[61]. Сосна или ель, из которых

[51] *Н. И. Воронин.* Средства и пути сообщения, стр. 284. *Б. А. Рыбаков.* Военное дело, стр. 399. Сб. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1951.

[55] *А. Ю. Якубовский.* К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках. «Советская археология», 1948, X, стр. 255—270.

[56] См. *В. Н. Заходер.* Ширазский купец на Поволжье в 1428 г. «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», XIV, стр. 13, 19.

[57] Масуди, vol. II, p. 2.

[58] BGA, t. I, p. 231; BGA, t. II, p. 281.

[59] BGA, t. II, p. 281; BGA, t. II, p. 392 (ed. J. H. Kramers).

[60] «Путешествие», стр. 79.

[61] *C. E. Dubler.* Abu Hamid el-granadino... Madrid, 1953, p. 7—8 (араб. текст). 52 (испан. пер.)

строились эти дома, вряд ли откуда могли прибыть на нижнюю Волгу кроме как сплавом со средней Волги. Не одни торговые, купеческие, но и более широкие русско-восточные международные связи осуществлялись в то отдаленное время по волжско-каспийскому пути. Только через Итиль и Абаскун могли прибыть в Хорезм те «четыре мужа из приближенных», что составили посольства к правителю Хорезма, направленное киевским князем Владимиром для испытания веры; таким же именно путем приплыло ответное хорезмское посольство[62].

Результатом широкого экономического и политического общения русского народа с народами Востока в раннее средневековье, несомненно, был обмен культурными ценностями. В той же статье, где было рассмотрено упомянутое русское посольство в Хорезм, мы специально остановились на широком ареале распространения русских слов и имен в восточной литературе IX—X вв. Там же нами была отмечена важность сообщения, дошедшего до нас в довольно поздней (XIII в.) и искаженной передаче, о распространении среди хазар русского письма[63]. Сильная русская колония в Итиле представляла собою влиятельный фактор культурного прогресса на Поволжье.

«Повесть временных лет» дает образец усвоения ранней русской письменностью восточной литературной традиции, в частности восточной географической традиции. В богатой и все еще мало изученной истории первоначального освоения Волги русским народом описание полного ее течения, содержащееся в летописи, является первым, самым старинным на русском языке: «Днепр же вытекает из Оковского леса:... Из этого же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалисское»[64]. Упоминаемый в этом описании Оковский лес, служивший водоразделом Днепра и Волги, — реальное наблюдение древней русской географии,— как предполагают, сохранил, повидимому, свое название в современном с. Оковце недалеко от г. Осташкова[65].

Что касается второй части описания, то источники ее достаточно очевидны. Главнейшая восточноевропейская водная магистраль, по которой весенними месяцами периодически двигались караваны русских и восточных судов, не осталась, естественно, без внимания со стороны географов, писавших на арабском и персидском языках. Наряду со случайными упоминаниями мы находим в географической литературе на арабском и персидском языках, переживавшей в IX — X вв. период необычайного расцвета, целостное описание Волги — Итиля (Истахри, Ибн-Хаукаль, среднеазиатская анонимная география X в., Идриси, географический словарь Якута, Ибн-Халдун и т. д.). Во всех этих описаниях, в отличие от русской летописи, верхнее течение Волги определяется не с запада на восток, а с востока на запад. Истахри и Ибн-Хаукаль истоками Итиля считают территорию между кочевьями гузов и кимаков[66], среднеазиатская анонимная география X в. определяет место истоков реки к северу от р. Арташ[67], т. е. уводит их еще далее на восток. Ибн-Халдун, дающий нам наиболее полный вариант «картографической традиции», упоминает при определении места истоков Волги

[62] *Б. Н. Заходер.* Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX—X вв. «Известия ВГО», 1943, т. 75, стр. 36—40.

[63] *В. В. Бартольд*, О письменности у хазар. Сб. «Культура и письменность Востока», кн. IV, 1928, стр. 17; *Б. Н. Заходер.* Еще одно раннее известие... стр. 40.

[64] «Литературные памятники», ч. 1, стр. 207.

[65] Там же, ч. II, стр. 217. *Л. Майков.* Заметки по географии древней Руси. СПб., 1874, стр. 35.

[66] BGA, t. I, p. 222; BGA, t. II, p. 281—282; BGA, t. II, 2, 393 (ed. J. H. Kramers); русск. пер. Гаркави, Сказания. 192—193 и 218 передает сокращенную редакцию.

[67] «Худуд ал-алам», рук. 10 — б.

территорию мифических Гога и Магога[68]. Как предполагают исследователи, географическая традиция на арабском и персидском языках принимала за волжское верхнее течение р. Каму. На такой позиции стоял первый издатель отрывков Ибн-Русте Д. А. Хвольсон, то же мнение выразил недавно В. Ф. Минорский при издании среднеазиатского анонима. Опираясь на карту Идриси 1154 г., где истоки Волги изображены тремя течениями, Б. А. Рыбаков высказал предположение, что этими истоками могли быть р. Белая, названная в русских летописях «Белой Волжкой», Уфа и Ай[69]. Наряду с таким резким отличием описания верхнего течения Волги в восточной географии от описания его в древней русской географии, мы встречаем в арабо-персидских географических сочинениях описания нижнего течения, близкие к содержащимся в русских летописях. Так, по словам Истахри, Ибн-Хаукаля, Абу-Хамид ал-Гарнати, Якута, Хондемира[70], Волга впадает в Каспий семьюдесятью устьями. Весьма примечательно, что цифра «семь» в описании числа рек, «составляющих» волжское течение, дошла до нашего времени[71]. Не менее достойно внимания также то, что упоминание о семидесяти устьях нижнего течения Волги содержится и в древнеармянской географии Моисея Хоренского[72]. К сожалению, невыясненность ряда вопросов, которые позволили бы точно датировать этот памятник, мешает сколько-нибудь решительным обобщениям. Но вряд ли можно сомневаться, что в таком международном торговом центре, каким был Итиль, наряду с русской купеческой колонией существовала многолюдная армянская колония. Как показывает рассказ Масуди о судьях, некоторой группой источников итильские русы рассматривались как идолопоклонники. Однако уже Ибн-Хордадбех утверждал, что русы называли себя христианами и с них, как с христиан, в мусульманских странах брали подушный налог (джизия). Трудно, но возможно представить себе некоторые черты жизни такой русской христианской купеческой колонии в Итиле, затерянной среди кочевий многочисленных племен и народцев, составлявших хазарский каганат. Армянское христианское население Итиля могло выделять для русов таких же толмачей, говоривших по-хазарски, арабски, персидски, какими были, по свидетельству Ибн-Хордадбеха, славянские пленники в Багдаде... Мы, конечно, далеки от того, чтобы настаивать на основании только приведенных данных на каком-либо конкретном восточном источнике рассматриваемых строк «Повести». Но совпадение в обрисовке нижнего течения Волги в древнейшей русской летописи и в восточной литературе не могут не напомнить нам о сложности состава самой греческой традиции, воспринятой русской летописью, о больших и глубоких с незапамятных времен связях древней Руси с волжско-каспийским культурным миром.

---

[68] *J. Hammer.* Указ. соч., 91—92 (текст), 19—20 (пер.)

[69] *Б. А. Рыбаков.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, вып. 43, стр. 26—27.

[70] Приведенные Хондемиром «семьдесят шесть устий», несомненно, результат позднейших искажений. «Journal Asiatique», 1860, p. 434.

[71] *А. Твардовский.* Семь тысяч рек. (Из путевого дневника.) «Правда», 19 февраля 1953 г.

[72] «Армянская география VII в....», текст и перевод К. П. Патканова. СПб., 1877, стр. 36.

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ РАЗНЫЕ ТИПЫ УСЛОВНОЙ СВЯЗИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ?*

Н. А. СЫРОМЯТНИКОВ

Как известно, многие грамматисты в работах по ряду восточных языков различают разные типы условной связи между предложениями: связь реальную и гипотетическую (или возможную), установленную и устанавливаемую и т. д. В настоящей статье делается попытка проверить эту точку зрения по отношению к японскому языку на материалах его истории за последние четыре века, в течение которых в системе условно-временных форм и союзов произошли большие изменения.

Прослеживая по памятникам характер этих изменений и пытаясь установить причины, которыми они были вызваны, автор все время имел в виду главный вопрос — не принимаются ли за реальный или гипотетический характер условной (а в японском — условно-временной) связи разные модальности сказуемого условного придаточного предложения, выражавшие разное отношение к действительности самого обозначаемого им процесса? Ведь хотя различные степени достоверности появления данного следствия при наличии данного условия и могут быть выражены языковыми средствами, в японском языке они выражаются не разными союзами или условными формами срединного сказуемого, а разными модальностями главного предложения. Примерно то же имеем и в русском языке: в предложении *если бы завтра была хорошая погода, он* ***непременно*** *поехал бы на дачу* следствие вытекает из условия с полной несомненностью. Зато в предложении *если бы завтра была хорошая погода, он* ***вероятно*** *поехал бы на дачу* при наличии такого же условия действие главного предложения оказывается только вероятным. В русском языке это различие выражается лексически — словами типа *непременно* и *вероятно*. В японском языке степень достоверности действия главного предложения может быть выражена как модальными словами, так и тем или иным наклонением сказуемого.

Однако наличие ирреального по существу условия в придаточном предложении не вызывает в японском языке непременно какого-то определенного наклонения в главном, вроде русского сослагательного. (В русском языке обычно представляется ирреальным и действие главного предложения, если оно обусловливается ирреальным условием.) В японском языке, не имеющем сослагательного наклонения, всякое условие, в том числе и ирреальное, представляется чем-то данным; действие, выраженное сказуемым главного предложения, при наличии данного условия, хотя

---

* Печатается в порядке обсуждения.

бы и ирреального по существу, нередко представляется как вполне реальное и выражается формами изъявительного наклонения: *Моттo, ироирона моно-о каттэ каэрэба ёкатта-но-да га, дбмо исогасйкўтэ нэ*[1] ‘было [бы] гораздо лучше, если [бы я] вернулся, накупив [вам] разных вещей, но [я] был очень занят’. *Сонна тайбё-нара, мб сўкоси отонасйку сурэба ёкатта*[2] ‘раз такая серьезная болезнь, если [бы я] был немного послушнее, было [бы] лучше’.

Такое грамматическое явление не является чем-то новым. Категорические наклонения при ирреальном условии мы находим в главном предложении и в памятниках общенародного японского языка XVI — XVII вв.: *Сорэгаши-ни фима то мавосурэба, ицука товока-ва курушб-мо гозарану*[3] ‘если [бы он] попросил у меня отпуск, 5—10 дней [мне было бы] нетрудно [ему дать]’ (но он уехал без спросу)[4].

Если в каком-либо языке не различаются реальное и гипотетическое (иначе — ирреальное) условия, это, разумеется, не значит, что такого различия нет во всех других языках. Теоретически можно себе представить такой язык, но в нем должны быть и грамматические средства для выражения разных типов связи: разные условные союзы (со значением ‘если ..., то непременно’ и ‘если ..., то вероятно’) или разные условные деепричастия для каждого типа условной связи.

I. УСЛОВНО-ВРЕМЕННЫЕ ДЕЕПРИЧАСТИЯ

В современном японском литературном языке остались две условно-временные формы: а) типа *торэба* ‘если (когда, так как) беру (буду брать, брал)’ и б) типа *тоттара* ‘если (когда) взял (возьму)’. Между тем, еще 100—200 лет тому назад существовали четыре условно-временные формы, которые, согласно грамматической традиции, составляли следующую систему:

	1 спр.	2 спр.	1 спр.	2 спр.
Формы, обозначавшие реальное условие (яп. термин — *дзэнтэйхб* ‘наклонение ранее установленного’)	*торэба*	*мирэба*	*тоттарэба*	*митарэба*
Гипотетические формы (яп. термин — *катэйхб* ‘наклонение временно устанавливаемого’)	*тораба*	*миба*	*тоттараба*	*митараба*

Отражая взгляды японских грамматистов, Д. Смирнов писал об этих формах так: «между условными с окончанием *еба*, с одной стороны, ... и *ба*[5] и *аба*, с другой, ... есть некоторое различие: окончание *еба* имеет значение более положительного условия, относится к случаю, действительно происходившему, или, по крайней мере, вероятному; *ба* и *аба* имеют значение условия более предположительного и относятся к случаю,

[1] «Сёгаку-кокуго-токухон» (Хрестоматия по родному языку для начальной школы; далее — Т), кн. VI. Токио, 1938, стр. 124.

[2] Сб. произведений *Нацумэ Сбсэки* (далее — Н). Токио, 1927, стр. 92.

[3] «Кёгэнки» (Сборник комедий; далее — К), тт. I и II. Токио, 1914 (перепечатка издания 1660 г.), стр. 222. Пунктуация в японских примерах дана строго по оригиналам.

[4] Транскрипция примеров, взятых из памятников XVI — XVII вв., приближена к произношению того времени. Подробнее см. *Н. А. Сыромятников.* Система фонем японского языка. «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. IV, 1952. В цитатах из «Esopono fabulas» сохраняется различие между ŏ (открытым долгим) и ô (закрытым долгим). В цитатах из кёгэнов, где оно, повидимому, не сохранилось, дается только ō.

[5] Под формой с окончанием *ба* Смирнов имел в виду формы от глаголов 2-го спряжения типа *миба* и отрицательные типа *кикадзуба, киканакуба*.

который вовсе не происходил, или же допускается как одно предположение. На деле, впрочем, мало обращается внимания на это различие и обе формы в ежедневном употреблении часто смешиваются; но в письме это различие соблюдается»[6].

«Смешение» форм типа *торэба* с формами типа *тораба* и форм типа *тоттарэба* с формами типа *тоттараба*, которое Д. Смирнов подметил, проживая в Японии в 80-х годах XIX в., объясняется тем, что формы типа *тораба* и *тоттарэба* уже вышли из живого употребления и могли применяться лишь под влиянием старописьменного языка. Указание Д. Смирнова на то, что «в письме это различие соблюдается», относится, очевидно, также только к старописьменному языку, которым пользовались в XIX в. не только для официальных документов, но и в частной переписке.

Какие же изменения в значениях оставшихся в живом языке форм (типа *торэба* и *тоттараба*) произошли в результате утраты языком форм типа *тораба* и *тоттарэба*?

«Условная форма,—пишет чл.-корр. АН СССР Н. И. Конрад,—образуемая от 1-й основы (т.е. форма типа *тораба.— Н. С.*), имела в виду связь двух действий только предполагаемую или возможную; условная форма, образуемая от 4-й основы, говорила о связи реальной. Например:

Товаба, котаэму—если бы спросить,—вероятно, ответили бы.

Тоэба, котаэру—когда спрашивают,—отвечают.

Исчезла ли эта смысловая разница из языка в настоящее время? Ни в коем случае. Но та форма, которая представляла собою связь возможную, т. е. 1-я основа+*ба*, исчезла. Как же язык выходит из положения? Ответ на это ясен из всего предыдущего: изгнав из глагольного спряжения форму—1-я основа+*ба*, язык привлек для обозначения возможной связи форму от вспомогательного глагола *тари — тара* и стал приставлять ее ко всем прочим глаголам. Таким образом, получившийся пробел оказался заполненным»[7]. Иными словами, проф. Н. И. Конрад считает, что форма типа *тораба* была вытеснена формой типа *тоттара*.

Почему же исчезла форма типа *тоттарэба*?

«Окончание *таре ба* или *тараба* обыкновенно сокращается в *тара*»[8],— писал Д. Смирнов, следуя и в этом вопросе традиционным взглядам японских грамматистов.

Проф. Н. И. Конрад также считает, что современная форма на *тара* двоякого происхождения: из старого *тараба* и из старого *тарэба* (через *тарэа>таря*).

«Только в свете такого анализа становится понятным, — пишет Н. И. Конрад,—почему внешне одинаковая форма на *тара* встречается в двух совершенно различных случаях. На деле же это — разные по происхождению *тара*, сохраняющие каждая свой основной смысл: *тара* от 1-й основы (*тараба>тара*)— возможный, *тара* от 4-й основы (*тарэба>тара*) — реальный»[9].

Действительно, суффикс *тарэба* иногда фонетически видоизменялся в *таря*: *Кокоро-га навотта то зонжитаря, варасуру такуми-дэ гозатта* (К, 200) ‘[я-то] подумал, что [твои] намерения изменились к лучшему (букв.: ‘что сердце исправилось’), а [ты] замыслил заставить [меня] разбить [горшки]’.

[6] *Д. Смирнов.* Руководство к изучению японского языка. СПб., 1890, стр. 99.

[7] *Н. И. Конрад.* Синтаксис японского национального литературного языка. М.— Л., 1937, стр. 323—324.

[8] *Д. Смирнов.* Указ. соч., стр. 96.

[9] *Н. И. Конрад.* Указ. соч., стр. 325.

Но есть ли у нас основания считать, что *таря* перешло в *тара*? Во-первых, в японском языке вообще нет случаев перехода *ря* в *ра*. Так, уже в XVI в. наряду с формами *корэва*, *сорэва*, *арэва* ‘это’, ‘то’ встречались формы *коря*, *соря*, *аря*. Однако форм *кора*, *сора*, *ара* в значении указательных местоимений как будто нет. Во-вторых, если формы на *тарэба* перешли в формы на *тара* чисто фонетическим путем, то мы вправе были бы ожидать, что и форма типа *торэба* должна была бы перейти в форму типа *тора* (через *торэа*›*торя*›*торя*). Ведь формы типа *торя* зафиксированы уже в памятниках XVII в.:

Кэра фаратацуря ‘Если (когда) дятел **сердится**,
Цугуми ёрокобу (К, 229) Дрозд радуется’.

Хотя такие формы в XVII в. были редки, но в аутентичности данного примера сомнений нет, так как это стихи по семь слогов каждый. Это значит, что конечное *ря* уже тогда было кратким. В этом смысле развитие *тарэба* в *таря* и формы типа *торэба* в *торя* шло параллельно. Однако условных форм типа *тора* вовсе нет.

Это заставляет нас насторожиться и поставить под сомнение общепринятое мнение о том, что современные формы на *тара* являются по существу двумя омонимичными формами различного происхождения и значения.

Но если бы даже современные формы на *тара* действительно происходили частично из форм на *тараба*, а частично из форм на *тарэба*, это не давало бы нам права считать формы на *тара* двумя омонимичными формами с разными значениями. В самом деле: допустим, что *они* и *онъ* были когда-то в русском языке вполне живыми формами местоимений третьего лица множественного числа мужского и женского рода. Сейчас осталось только местоимение *они*. Дает ли это нам право считать, что в русском языке есть два *они*: одно мужского рода и другое женского? Ответ может быть только отрицательным: современное *они* принадлежит к общему роду, т. е. имеет более широкое значение, чем старое *они*, которое противопоставлялось старому *онъ*. Точно так же и форма на *тара*, независимо от того, совпала ли она с формой на *тарэба* в результате фонетической эволюции последней или вытеснила ее в результате совершенствования системы срединных форм, обозначает в современном языке более абстрагированную условно-временную связь вообще.

Вопрос же о том, была ли заменена форма типа *тораба* формой типа *тоттара*, как полагает проф. Н. И. Конрад, или нет, более труден. Для его решения надо рассмотреть эти формы в двух аспектах: морфологическом и историческом.

В самом деле, при сравнении форм *торэба*, *тораба*, *тоттарэба*, *тоттараба* бросается в глаза морфологическая общность форм ***торэба*** и ***тораба***, с одной стороны, и форм ***тоттарэба*** и ***тоттараба***, с другой. Первая пара образована от основы непредшествующего времени, вторая—от основы предшествующего[10]. Ср. формы ***тори*** ‘беря’ и ***тоттэ*** ‘взяв’. Никто не отрицает того, что форма типа *тори* в роли срединного сказуемого обозначает одновременность, а форма типа *тоттэ* — предшествование. Естественно предположить, что и формы типа *торэба* и *тораба* обозначают одновременное условие или одновременно происходящий процесс, а формы типа *тоттарэба* и *тоттараба*— предшествующее условие или предшествующее событие. Надо отметить, что форма типа *торэба* может обозначать и одновременную причину, а форма типа

[10] Эти времена обычно именуются «настояще-будущим» (или «непрошедшим») и «прошедшим».

тоттарэба — предшествующую причину, т. е. эти формы имеют условно-временно-причинное значение.

Изучение литературы вопроса показывает, что в русском и советском японоведении предшествующий характер условия, обозначаемого формой типа *тоттара*, отмечался неоднократно.

Так, Д. М. Позднеев писал о форме типа *тоттара*, что она «... употребляется тогда, когда условие было или является предположенным, как уже осуществившееся, по отношению к действию или состоянию, выраженному другим глаголом» [11].

«Смысл данного условного может быть не только прошедшим, но и будущим. Прошедшим же он является только в отношении того действия, которое должно следовать при совершившемся условии. Так: *кодомо-га **найтара**, сото-е цуретэ ики-масёо* ‘если ребенок заплачет, выведем его на улицу’» [12].

О. В. Плетнер и Е. Д. Поливанов также указывали, что «форма прошедшего условного (*ара* или *тара*) обычно обозначает время прошедшее по отношению к действию, выраженному глаголом главного предложения (разрядка моя. — *Н. С.*). Например:

Ё-га акэтара окиё: ‘Если (когда) ночь рассветет (ночь откроется), поднимемся’.

Акэтара здесь стоит в форме прошедшего условного, так как действие придаточного предложения должно предшествовать (разрядка моя. — *Н. С.*) действию предложения главного» [13].

Как видно, даже сохраняя традиционные термины «условное настоящее» (форма типа *торэба*) и «условное прошедшее» (форма типа *тоттара*), Позднеев, Куроно и Панаев, Плетнер и Поливанов правильно указывали на то, что форма типа *тоттара* обозначает именно предшествующее условие. Подобную точку зрения мы находим и у западноевропейских японистов: «Прошедшее условное является прошедшим только по отношению к глаголу главного предложения (apodosis)» [14], — писал Ланге.

Форма на *тара* «может быть употреблена: 1. Для чистого предположения. 2. Для утверждения реального условия.

В обоих случаях форма на *тара/дара* употребляется, чтобы обозначить „предшествующее условие“» [15], — пишет Хендерсон.

Утверждение, что форма на *тара* как с условным, так и с временным оттенком значения обозначает предшествующее условие или процесс (в противоположность форме типа *торэба*), подтверждается и материалами современного языка: *Я, **какэрарэтара** тайхэн-да* (Т. V, 42) ‘ой! Если **не сможешь натянуть** [лук], будешь лишен жизни’. *О-тэгами-но кото-о анэ-ни **мбсимасётара**, тайхэн ёрокондэ, дзэхи маиритай то иттэ имас* («Сётбка-кокуго», кн. II, 1942, 16) ‘**когда** [я] **рассказала** о твоем письме старшей сестре, [она] очень обрадовалась и сказала, что непременно придет’. *Маньити о-каэри-ни мата томарарэру*

[11] «Грамматика японского разговорного языка». Конспект лекций Д. М. Позднеева, читанных в Практической восточной академии Общества востоковедения в 1910—1911 учебном году. СПб., литография, стр. 80.

[12] *Иосибуми Куроно* и *В. П. Панаев*. Самоучитель японского языка. СПб., 1913, стр. 453.

[13] *О. В. Плетнер* и *Е. Д. Поливанов*. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930, стр. 79—80.

[14] *R. Lange*. A text book of colloquial Japanese based on the Lehrbuch der Japanischen Umgangssprache. Revised English edition by Christopher Noss. Tokyo, 1935, p. 99.

[15] *Harold G. Henderson*. Handbook of Japanese grammar. London, 1945, p. 272.

кото-га ***аттара****, сугу сирасэтэ мораитай* (Т. XI, 70) ‘если паче чаяния случится так, что на обратном пути [он] снова остановится [у вас], сразу же дайте мне знать’.

При этом надо иметь в виду, что предшествование совсем не всегда есть предшествование конца первого действия началу второго. Нередко форма на *тара* (как и на *тэ*) обозначает предшествование начала первого действия началу второго (ср. русское *затянув пояс* — предшествование конца, *затянув песню* — предшествование начала): *Синтйку-но никай-кара куби-о* ***дасйтэ итара****, дбкӯсэй-но хйтори-га дзёдан-ни, икура ибаттэ-мо, соко-кара тобиориру кото-ва дэкимай* (Н., 91) ‘когда [я] высунул голову (выглядывал) со второго этажа нового здания, один мой одноклассник сказал в шутку — «сколько бы [ты] ни хвастал, а оттуда спрыгнуть не сможешь»’. Думается, что форма *итара* вместо *ирэба* применена здесь для того, чтобы отметить, что рассказчик некоторое время смотрел из окна, прежде чем к нему обратились.

Условные деепричастия, обозначающие именно предшествующее условие, находим и в других алтайских языках: «Условное деепричастие обозначает добавочное действие, предшествующее главному, являющееся для него в той или иной мере причиной или условием...»[16].

То, что форма на *тара* обозначает предшествование, признает и Н. И. Фельдман. Однако она почему-то относит это значение только к случаям временной связи. При условной же связи «форма с окончанием *ба* образует условные предложения как обобщенного, так и конкретного характера, а форма с окончанием *тара* — только конкретного»[17], — утверждает Н. И. Фельдман. При таком решении вопроса остается неясным, зачем же язык сохраняет две будто бы однозначные формы в речи о конкретных фактах?

Многие авторы не совсем правильно описывают морфологию условных форм. Так, О. В. Плетнер считает, что «форма условности для 1-го спряжения выражается суффиксом *эба*, для 2-го — *рэба* (состоящим, следовательно, из характерного для 2-го спряжения соединительного *р* плюс *эба*)»[18]. На самом деле, разумеется, условная форма непредшествующего времени образуется совершенно одинаково как от глаголов обоих спряжений, так и от неправильных глаголов. Окончание *у* конечной формы глаголов меняется на *эба*: *тору* ‘брать’ — *торэба*, *миру* ‘видеть’ — *мирэба*. Одинаково, с моей точки зрения, образуется и условно-временная форма предшествующего времени; 1 спряжение: *тору* — ***тоттэ*** — ***тоттара****;* 2 спряжение: *миру* — ***митэ*** — ***митара****,* ***табэру*** — ***табэтэ****,* ***табэтара****;* неправильные глаголы: *суру* — ***сйтэ*** — ***сйтара****.* Здесь окончание *ара* присоединяется к основе предшествующего времени. Исторически форма на *тараба* происходит из деепричастия на *тэ* + условно-временная форма от вспомогательного глагола *ару* — *ар* + *а* + *ба*. Исчезновение *э* объясняется тем, что в древнеяпонском языке, когда два гласных оказывались рядом в одном слове, первый из них выпадал. Общая основа у форм типа ***тоттэ*** — ***тоттара*** определяет и общее значение предшествования.

Однако для опровержения утверждений о том, что форма типа *тораба* была заменена формой типа *тоттара*, одних теоретических соображений недостаточно. Пришлось обратиться к памятникам истории японского общенародного языка и изучить употребление и значение условных деепричастий в эпоху, когда все четыре деепричастия были вполне живыми, общеупотребительными формами. В качестве материала для такого исследования я взял перевод на общенародный японский язык басен Эзопа[19], «Qinсыхй» (Золотые изречения) — перевод с китайского, изданные в одной книге, и 120 комедий-фарсов кёгэн. Количество условных форм в этих памятниках велико[20]. Это позволяет проверить употребление и значение условных деепричастий на большом материале (было изучено свыше 700 стр. японского текста XVI—XVII вв.).

При изучении употребления условных деепричастий были поставлены следующие вопросы.

Употреблялись ли все четыре формы в речи и о прошлом, и о настоящем, и о будущем? Нет ли среди этих форм таких, которые употреблялись только в речи о каком-нибудь одном плане объективного времени, скажем, только в речи о прошлом?

Не соответствует ли употребление этих форм употреблению уступительных деепричастий типа *торэдо*[*мо*] и *тоттарэдо*[*мо*], также впоследствии исчезнувших из живого разговорного языка?

Чем объясняется, что из пары *торэба* — *тораба* осталась первая форма, а из пары *тоттарэба* — *тоттараба* — вторая?

Не принадлежали ли условные деепричастия того времени к разным наклонениям?

Исследование показало следующее.

1. Формы типа *тоттарэба* и *тоттараба* в речи о настоящем не употреблялись.

2. Форма типа *тоттарэба* употреблялась только в речи о прошлом, имея нерасчлененное условно-временно-причинное значение; однако всего чаще эту форму приходится переводить словом ‘когда...’: *Дайшё-нагара* ***моташитарэба****, ми-мо карӯ наттэ* (К, 158) ‘***когда*** и большой и маленький [мечи] ***отдал нести***, мне стало легче’. *Ниватори-но кое-мо* ***кикоенандарэба****, шишивб тачимачи тоттэ каяитэ...* (Е 482) ‘***когда*** крик петуха ***перестал быть слышным***, лев, моментально снова [осла] схватив...’ Эта форма от глаголов со значением ‘думать’ иногда переводится и с противительным оттенком: *Ури ка то* ***вомбтарэба*** *карэфа-джа* (К, 354) ‘[я-то] ***подумал***, дыня, ***а*** [это] сухие листья’. Причинный оттенок: ***шиттарэба****, корэ-во каво то ю* (К, 100) ‘***знаю, поэтому*** и говорю, что куплю его’. Здесь форма на *тарэба* имеет перфектный оттенок значения: знание приобретено раньше, но сохраняется и теперь. *Сунавачи корэ-во, гудон-дайчи-но цука-ёри* ***дэтарэба****, догонсб то цукэрарэтэ ару* (К, 114) ‘***так как*** [эта трава] ***выросла*** из могилы первейшего глупца, ее назвали «травой глупцов»’. Во всем исследованном материале нашелся только один пример употребления формы на *тарэба* в речи о будущем: *Сорэ-нараба, зубун каво-во едоттэ митэ,* ***нитарэба****, соната-мо шиаваше, мидомо-мо квафбджа* (К, 392) ‘раз так, [я] попробую хорошенько разрисовать [твое] лицо, ***если выйдет похоже*** [на нее], и тебе счастье и мне удача’.

3. Форма типа *торэба* употреблялась в условно-временно-причинном значении во всех трех временных планах: *нанжи-га фбни* ***арэба****, сорэгашига фбнимо ару* (К, 184) ‘***если есть*** на твоей стороне, то есть и на моей’. *Корэни* ***макэрэба****, икага-джа* (К, 152) ‘каково будет, ***если*** [я] в этом

---

[16] *В. А. Аврорин.* Грамматика нанайского языка, ч. I. Введение и морфология. (Автореферат докт. дисс.). Л., 1955, стр. 26.

[17] *Н. И. Фельдман.* Краткий очерк грамматики современного японского языка. «Японско-русский словарь». М., 1951, стр. 881.

[18] *О. В. Плетнер* и *Е. Д. Поливанов.* Указ. соч., стр. 79.

[19] «Esopono fabulas» (далее — Е). Amacusa, 1593.

[20] В современном языке оно значительно сократилось. Это объясняется расширением употребления союзов, которые следуют после конечных форм глаголов и прилагательных (см. раздел II).

[состязании] ***потерплю поражение***?'=ʿкаково мне будет терпеть поражение в этом?'. *Коно ен-но то-во* ***акурэба*** *зашики-джя. Сараба то-во акэ̄* (К, 289) ʿ***если открыть*** дверь этой веранды, будет гостиная. Итак, открою дверь'. Однако примеров употребления этой формы в речи о будущем еще мало. С временным оттенком эта форма применяется в речи о неоднократных или повторяющихся действиях и в речи о прошлом: *учи-но моно-во* ***ярэба,*** *ури-во нусуми вору* (К, 355) ʿ***когда посылаю*** домашних, дыни крадут'. ***Кикэба*** *мукаири-нива, ироироно жиги-га гозару гэна* (К, 11) ʿ[я] ***слышал,*** что при посещении женихом тестя есть, как будто, различные церемонии'. ***Номэба*** *ному фодо умаи* (К, 287) ʿ***чем*** больше ***пьешь,*** тем вкуснее'. *Коно джо̄ гожен-ни* ***цумэтэ арэба,*** *шинчи-во кватто кудасарэта* (К, 6) ʿ***когда*** на этих днях [я] ***был*** на приеме, мне новых владений неожиданно много пожаловали'. Причинный оттенок: *Мо̄ши, моно-во* ***вошяранэба,*** *нантомо мэивакү-дэ гозару* (К, 354) ʿпослушайте, [вы] ничего ***не говорите, поэтому*** [я] очень волнуюсь'. *Мада сато-ни каэрӧзуру йо-га* ***накэрэба,*** *мата уши-во курӧта* (Е, 497) ʿ***так как*** еще ***не было*** возможности вернуться в деревню, [он] съел и корову'.

4. Форма на *тараба* применялась широко для указания на условно-временную связь главным образом в речи о будущем: ... *Ниватори-га* ***утӧтара*** *вокошимашеи* (К, 53) ʿ***когда запоют*** петухи, разбуди'. ... *Ё-га* ***акэтараба,*** *сосо̄ тори-ни воджярэ я* (К, 169) ʿ***когда настанет*** утро, пораньше приходите взять'. В том, что утро настанет и петухи запоют, никаких сомнений нет. Вполне реальной является и связь между действием придаточного и главного предложений. Важно отметить, что та же форма применялась и в случаях, когда действие придаточного предложения только предполагается: *Кэдамоно-га* ***митараба,*** *кимо-во цубуитэ, атари-ева ёрумаи* (К, 355) ʿ**если** зверь **увидит**, [он] испугается и сюда не подойдет'. *Кочира* ***мүитара*** *тоттэ каму зо* (К, 69) ʿ**если** сюда **повернешься**, [я тебя] возьму и съем'. *Гожӗ-во* ***цукавасарэтара*** *ӗ гозаримашӗ* (К, 16) ʿ**если бы** вы **послали** письмо, было бы лучше' (но хозяин не хочет посылать письмо). Как видно, характер связи остается вполне реальным.

В речи о прошлом употребление формы на *тараба* ограничивается случаями, когда действие, о котором идет речь, реально не было совершено подлежащим: *Тоби-га* ***кутараба,*** *фута-га шезу-ни арӧ*... (К, 64) ʿ**если бы** коршун **съел**, крышка была бы незакрытой'. *Соно жибун-воба* ***зонжимашитараба,*** *тэцудаи-ни маиримашӗ моновоба* (К, 137) ʿ**если бы** [я] **знал** это время (когда у вас был ремонт), [я] пришел бы помочь!' Однако характер связи и тут остается несомненным.

5. Форме на *тарэба* соответствовало уступительное деепричастие на *тарэдо*[*мо*], которое употреблялось, как показало исследование, только в речи о прошлом:..*Шёуемон ӗ аттэ* ***маиритарэдомо,*** *во-мэ-ни какараидэ модотта* (К, 136) ʿ**хотя** Шёуемон и **приходил** по делу, но, не застав, ушел'.

6. Форме типа *тарэба* соответствовало уступительное деепричастие (от той же основы) типа *тарэдо*[*мо*], которое употреблялось только в речи о настоящем и прошлом:. . . *Карита-га* ***арэдо,*** *карану*... (К, II, 72) ʿ**хотя есть** нескошенное поле, не косишь...'. *Сорэ-нараба,* ***фадзукаши-кэрэдо*** *катарӧ* (К, 391) ʿ**если** так, **хотя** и стыдно, расскажу'. *Карӧдо соно токоро-во* ***тӧрэдомо,*** *щика-во мицукэидэ, юкисугита* (Е, 494) ʿохотник, **хотя и проходил** здесь, ушел, не заметив оленя'. В речи о будущем примеров употребления этой формы обнаружить не удалось.

7. В то время как формы типа *тоттарэдомо* и *торэдомо* употреблялись только в речи о действиях, реально имевших место, издавна употреблявшаяся форма типа *тоттэ*+*мо* не различала реального и предполагаемого действия и могла употребляться как в речи о прошлом, так и в речи о будущем: *Вара-дэ* ***цукуттэ-мо*** *вотоко-ва вотоко-джя* (К, II, 72) ʿ**если** даже **сделать** (его сделали) из соломы, мужчина есть мужчина'=ʿдаже сделанный из соломы мужчина остается мужчиной'. *Татои гаи-во* ***нагиттӧтэ-мо,*** *има коно тэи-дэва канаванэба, во-идэ-во мачизонзуру* (Е, 502) ʿ**если бы** даже [я] **захотел причинить** [вам] вред, теперь в таком состоянии [я] не могу этого сделать, поэтому жду вашего прихода'. *Арэ-ва татои учидасу то* ***тӧтэ-мо,*** *инуру кото-дэва гозарану* (К, 117) ʿ**хотя** она **и говорила** — изобью, но уходить — такого не бывало'.

8. Реже применялась форма типа *тоттаритомо: Татои вӧкамэ-га* ***китаритомо,*** *соицумэ-воба учикороитэ, кава-во фаидэ нокӗ зо* (Е, 499) ʿ**если** даже волк **придет,** [я] его убью, шкуру сдеру, [а тушу] выброшу'. *Ияия, ядо-во* ***тӧтаритомо,*** *во-шириярумаи* (К, 425) ʿнет, нет, **если бы** даже [я] **сказал**, где живу, [ты], вероятно, не знаешь этого места'. Образованная из устаревшей уже и для того времени заключительной формы на *тари* (вместо нового *та*) эта форма, повидимому, уже к концу XVII в. выходит в разговорном языке из употребления.

9. Употребление в речи о будущем в основном только форм типа *тораба* и *тоттараба* находило себе полную аналогию в употреблении в речи о будущем синонимических конечных форм вероятного наклонения типа *торо*/*торӧ*, *торозу*/*торӧзу* и *торозуру*/*торӧзуру* (от *тору* ʿбрать') и (в случае отрицания будущего действия) форм дубитативного наклонения типа *торумаи*, *торумажии* даже в речи о вполне реальных по сути дела процессах. Будущее действие, как и во многих других урало-алтайских языках, представлялось только вероятным даже в случае, казалось бы, самых категорических утверждений:. *Тэ,* ***учикоросо*** (К, 234) ʿтогда [я тебя] **убью**'. *Току-мо нӧтэ фомарэ-во какагӗзуру моно-ва канаразу* ***фаджи-ни авозу*** (Е, 457) ʿтот, кто, не имея достоинств, будет стремиться к славе, непременно **опозорится**'. ***Тоовозуру*** *йӧ-во вошиесашерарэи* (Е, 487) ʿ**научите** [меня] **летать**'. *Ару фито мамуши-во митэ,* ***утӧзуру*** *иуе-га накаттарэба*... (Е, 486) ʿодин человек, увидев гадюку, не имел палки [ее] **ударить**, поэтому...' ***Яруманзо*** (К, 167) ʿ**не дам** [тебе уйти]!'. Но именно в XVI — XVII вв. в речи о будущем (точнее, вообще о последующих событиях) начинают распространяться параллельно с формой типа *торэба* и конечные формы типа *тору*, *торану* (форма отрицательного наклонения) даже в главном предложении: *Саки-е маиттэ* ***когиираемасуру*** (К, 167) ʿ**пойду вперед и приготовлю**'. *Ягатэ фунэ-ва* ***цукимасуру зо*** (К, 126) ʿскоро лодка **пристанет** [к берегу]'. *Шитэ* ***дашомоТ-ва,*** *доко-дэ* ***ватасашиярэмасуру*** (К, 102) ʿну, а плату где **передадите**?'. *Вонусубито,* ***ярану зо*** (К, 519) ʿВоры! **Не дам** [вам убежать]'. Ср. обычное в комедиях *яруманзо* (там же). *Наканака, ноияма-ни воитэ* ***фӧкӧ-ва итагиимашену*** (К, II, 7) ʿтак-то так, но в полях и лесах [они] **не будут** [вам] **служить**'. *Фитори торимашитэ-ва,* ***шӗбу-га шиирэмашену*** (К, II, 11) ʿ**если** [я] буду бороться один (сам с собой), **нельзя будет узнать** результат'.

Все эти факты позволяют сделать следующие выводы:

1. Форма типа *тораба* не могла быть заменена в речи о настоящем формой типа *тоттара*, так как последняя всегда обозначала какое-либо предшествующее событие, т. е. в речи о настоящем — процесс, происходивший в прошлом. Следовательно, форма типа *тораба* в речи о настоящем была вытеснена формой типа *торэба*. Так, например, фраза

араба ару то ие ‘если есть, скажи «есть»’ была заменена впоследствии фразой *арэба ару то ие*, а вовсе не предложением *аттара ару то ие*, что означало бы ‘если было, скажи «есть»’.

2. Форма типа *тораба* в речи о будущем не могла быть заменена формой типа *тоттара*, так как в таком случае в речи о будущем в современном языке вместо двух условных деепричастий должно было бы употребляться только одно — типа *тоттара*. Однако, как известно, форма типа *торэба* вполне употребительна в современном языке и в речи о будущем. Следовательно, ход развития был другим: форма типа *торэба* постепенно вытесняла форму типа *тораба* в речи о будущем, начиная с речи о вполне достоверных процессах, параллельно с вытеснением конечных форм вероятного наклонения формами изъявительного. В конце XVI — начале XVII в. этот процесс только начинался. Поэтому Родригес, автор грамматик японского языка (1604 и 1620 гг.), включает форму *мотомурэба* только в рубрику «презенс и имперфект»[21], но не в «будущее время». Не отмечает Родригес употребления в речи о будущем и конечных форм изъявительного наклонения.

Правда, его указания на сферу употребления той или иной формы не всегда полны. Так, форму *мотомэтараба* он включает только в рубрику «перфект и плюсквамперфект», хотя употребительность ее в речи о будущем весьма велика. Тут его, видимо, ввела в заблуждение структура формы, образованной от основы так называемого «прошедшего времени».

С другой стороны, отмеченную им конструкцию *мотомэтаро токи*, которую он назвал «будущим конъюнктива», в исследованных памятниках обнаружить не удалось, хотя в современном языке форма *мотомэтарō* ‘вероятно требовал’ в речи о прошлом употребляется.

3. Общий структурный элемент (1 основа), одинаковая модальность и известный параллелизм истории употребления в речи о будущем конечных форм вероятного наклонения и условно-временных деепричастий типа *тораба* и *тоттараба* наталкивают на мысль, что эти деепричастия были формами именно вероятного наклонения.

4. Одновременное проникновение в речь о будущем как конечных форм изъявительного и отрицательного наклонений (типа *тору* и *тоpану*), так и срединных условных деепричастий типа *торэба*, *тоpанэба* показывает, что форма *торэба* была формой изъявительного наклонения, а форма *тоpанэба* — формой отрицательного.

5. Впоследствии, в результате исчезновения из живого языка форм типа *тораба* и *тоттарэба*,. различение изъявительного и вероятного наклонений условными деепричастиями исчезло.

6. Точно так же перестали различаться я условными деепричастиями реальное и гипотетическое отрицания. Ср. в текстах XVII в.: *Ия, корэ-дэ накэрэба, цукимашену* (К, 3) ‘если не это (без этого), не будет держаться’ — отрицание реального условия. *Вонорэ бōзу-дэ накуоа куби-во фанēзурэдомо, юрусу* (К, 77) ‘хотя, **если бы ты не был** бонзой, [я] отрубил бы [тебе] голову, [но, так и быть], прощаю’. Но собеседник на самом деле бонза, поэтому не употреблена форма *накэрэба*, которая впоследствии вытеснила форму *накуба*.

7. Уступительные деепричастия типа *торэдомо и тоттарэдомо* принадлежали к формам изъявительного наклонения. Вот почему они не употреблялись в речи о будущем в XVI—XVII вв. Формы типа *тоттэ+мо* и *тоттарито+мо* могли употребляться и в речи о будущем, так как вероятного и изъявительного наклонения не различали.

[21] См. *Rodriguez*. Élémens de la grammaire japonaise (пер. с португальского). Paris, 1825, p. 25.

8. Уступительные деепричастия типа *фанēзурэдомо* (К, 77), *чēгō-иташирнашēзурэдомо* (К, 298) ‘хотя и приготовил бы, но’, *ширкарозурэдомо* (К, 255) ‘хотя бы и ругался’, *канавōзурэдомо* (Е, 496) ‘хотя и можно. пожалуй’, *кусаēзурэдомо* (К, 9) ‘хотя и прибавил бы’ были уступительными деепричастиями вероятного наклонения и употреблены в тексте в речи о будущих (последующих) действиях.

9. Непосредственно от форм вероятного наклонения могли образовываться и условные формы: ***Гозаримашēба, утавашярэмашеи*** (К, 185) ‘**если есть** [такие песни], спойте!’ Правда, Родригес считал такие формы диалектными, указывая, что они употребляются в южной провинции Фижен [22] (в современном литературном произношении Хидзэн), но наличие некоторого количества подобных форм и в комедиях, изданных в 1660 г. в центре Японии, показывает, что их употребление было несколько шире, чем он полагал.

10. Многие авторы вслед за Родригесом называют условные деепричастия формами условного наклонения, а уступительные деепричастия — формами уступительного наклонения. Однако в принадлежности форм типа *гозаримашēба* и *иташимашēзурэдомо* к формам вероятного наклонения трудно усомниться. Но если даже мы проанализируем морфологический состав более употребительных форм типа *тораби* и *тоттара*, мы легко убедимся в их морфологической близости к конечным формам вероятного наклонения типа *торō*, *тоттарō*. Ведь *торō*, как известно, происходит из *тора + му* (через *торан* > *торау* > *торō*), а *тоттарō* — из *торитара + му*. Следовательно, основой всех этих форм была основа на *а* (так называемая первая основа), которая как раз и обладает грамматическим значением ирреальности. Ср. образование от той же основы форм отрицательного наклонения типа *тора + ну* и т. п.

11. Еще меньше оснований называть формы типа *торэба* «условным настоящим», а формы типа *тоттара* — «условным прошедшим», так как употребление *торэба* в речи о всех трех планах времени, а *тоттара* в речи как о прошлом, так и о будущем не оставляет сомнения в том, что это чисто относительные по своим временным значениям формы.

12. Анализ исторического развития системы условных и уступительных деепричастий показывает, что за последние четыре века эта система пережила интересную эволюцию: из общенародного языка исчезли те срединные формы, которые не были чисто относительными (формы типа *тоттарэба* ‘когда [так как] взял’, *тоттарэдомо* ‘хотя и взял’, употреблявшиеся только в речи о прошлом, *тораба*, не употреблявшаяся в речи о прошлом, *торэдомо*, не употреблявшаяся в речи о будущем) и которые принадлежали к формам изъявительного наклонения (*тоттарэба*, *тоттарэдомо*, *торэдомо*) или вероятного (*тораба*, *фанēзурэдомо*). Тем самым изъявительное и вероятное наклонения перестали различаться срединными формами; формы типа *торэба* (ранее условно-временно-причинное деепричастие изъявительного наклонения) и *тоттара* (ранее условно-временное деепричастие вероятного наклонения) утеряли различие по модальности.

13. Такое изменение произошло не без влияния срединных форм типа *тори* ‘беря’, *тоттэ* ‘взяв’, которые уже давно были чисто относительными по своим временным значениям и не различали изъявительного и вероятного наклонений.

Таким образом система срединных форм стала более стройной и последовательной.

[22] См. *Rodriguez*. Указ. соч., стр. 18.

II. УСЛОВНО-ВРЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ

Уже в языке XVI в. было несколько условно-временных союзов, употреблявшихся после конечных, а не срединных форм глаголов и прилагательных. Коснемся здесь только наиболее важных с точки зрения темы статьи.

1. Союз ***нараба*** по происхождению представляет собой условное деепричастие вероятного наклонения от связки старояпонского языка *нари*. Как союз *нараба* встречается уже в старояпонском языке наряду с *нарэба*. Однако в современном языке осталось по каким-то причинам только *нараба*, хотя форма типа *тораба* от всех других глаголов уступила свое место *торэба*. Почему же в данном случае мы имеем исключение? «Окончание *наре ба* или *нара ба* обыкновенно сокращается в *нара*»[23],— объяснял Д. Смирнов. Теорию фонетического развития «*нараба* > *нарā* > *нара*» и «*нарэба* > *нарэа* > *наря* > *нара*»[24] разделяет и проф. Н. И. Конрад.

Но, во-первых, никаких следов долготы *ā* в предполагаемом *нарā* в памятниках XVI—XVII вв., повидимому, нет. Поскольку в течение веков обе формы, *нара* и *нараба*, сосуществуют, создается впечатление, что если *ба* отпадало, оно отпадало целиком, а не путем постепенного фонетического сокращения. Во-вторых, исследование памятников показало, что в XVI—XVII вв. как союз между предложениями употреблялось только *нараба*, хотя и *нарэба* было еще вполне живым, встречаясь, однако, в текстах только после имен:... *наганага-но **заикэ̄** нарэба*... (К, 338) ‘**во время** долгого **пребывания в столице**...’ ***Нанигото-нарэба***? (К, 197) ‘**из-за чего** [вы кричите]?’ = ‘в чем дело?’. Мата ***исоги-нарэба***... (К, 144) ‘**а если спешка**...’ = ‘а если [вам] срочно...’

После имен встречается и *нараба*: ***ия соннараба ношэ̄*** (К. 124), ***ия соннара ношимашэ̄*** (К, 125) ‘ну, если так, посажу [в лодку]’.

В этих предложениях *нарэба* и *нараба* являются, конечно, не союзами, а условными формами связки, сохраняющимися в языке и после вытеснения старой связки *нари* в большинстве других форм (сохранились, кроме условных, еще уступительные формы *нарэдомо* и *наритомо*). Но после сказуемого придаточного предложения встречается только *нараба*.

Объяснить это уже происшедшим фонетическим слиянием *нараба* и *нарэба* в *нара* нельзя, так как форма *нарэба* применялась в то время еще без сокращений. Однако в роли союза *нарэба* отсутствует не только в конце XVI в., но, судя по исследованиям Юдзава, и в конце XV в. Правда, Юдзава, как и многие другие японские авторы, не считает *нараба* союзом, а приводит материал на *нараба* в разделе о *нари*, как связке. Но на *нарэба* после глагола он не приводит примеров[25]. На отпадение *ба* он дает только один пример, специально указывая, что такие случаи в изученных им текстах на общенародном языке весьма редки. Это значит, что вытеснение *нарэба* как союза произошло не в результате фонетической эволюции *нарэба* в *нара*, а по другим, скорее всего семантическим причинам. Я думаю, что такой причиной служило отсутствие дифференциации условно-временных союзов на союзы, выражающие реальное условие, и союзы, выражающие гипотетическое условие. Перед *нараба* как в XVI—XVII вв., так и в современном языке встречаются формы различных наклонений и времен: *Гозаттэ-сае **кудасарэмасуру***

[23] *Д. Смирнов.* Указ. соч., стр. 96.
[24] *Н. И. Конрад.* Указ. соч., стр. 324.
[25] См. *Юдзава Кōкйтиро̄.* Мурохатидзидай-но гэнгокэнкю̄ (Исследование языка эпохи Муромати). Токио, 1929, стр. 191—194 и 311.

нараба, *во-томо-мō̄шимашэ̄* (К, 154) ‘**если вы изволите** идти к нам, я буду вас сопровождать’. *Вō̄*, ***маирэ нара***, *маримашэ̄* (К, 137) ‘ну, **если** [вы говорите] — **иди**!, уйду, пожалуй’. *Гофэн-но вотогаи-ни ару фигэ-но казу-фодо, атама-ни чие-га **ару нараба**, энрё̄-мо нō игава-но нака-ева, фаирумаи зо* (Е, 491) ‘**если бы** [у тебя] в голове было столько разума, сколько волос на твоем подбородке, [ты] не влез бы, очертя голову, в колодец’. В последнем случае речь идет о нереальном факте. Тем не менее перед *нара* стоит *ару* — форма изъявительного наклонения. Возникает вопрос: не объясняется ли возможность применения здесь изъявительного наклонения тем, что гипотетичность выражается формой ***нараба***? На этот вопрос надо ответить отрицательно, так как *нараба* может следовать за формой изъявительного наклонения и в случае вполне реального условия, как видно из первого примера. Кроме того, *нараба* может идти и после конечных форм вероятного и дубитативного наклонений: *Соно ги-дэ **гозаримашэ̄ нараба**, саки-е гозаримашеи* (К, 76) ‘**если** так, идите [будьте любезны] впереди’. *Яи сокона моно, **маривōмаи нара**, маривōмаи дэ арōзу* (К, 179) ‘ах, такой-сякой, **если** [ты говоришь, что] **не будешь со мной ходить**, то, вероятно, не будешь’.

Проф. Н. И. Конрад полагает, что *нара* «может встречаться и при глаголах, если данная глагольная форма воспринимается как тайгэн (т. е. имя.—*Н. С.*)»[26]. Но если бы глагол перед *нара* субстантивизировался, после подлежащего условного предложения с *нара*[*ба*] встречался бы формант родительного падежа ***но***, как после подлежащего определительного предложения. Однако в изученных памятниках мы встречаем только формант именительного — ***га***: *Сочи-га мими-га кикоэру нара, кататтэ кикашетаи нā* (К, 387) ‘если бы твои уши слышали, мне хотелось бы тебе рассказать’. *...Заинин-га китэ ару нара, жигоку-е шемэвотосō то зонжисōрō* (К, 370) ‘если придет грешник, [я] намереваюсь утащить его в ад’.

Здесь в речи о будущем употреблена аналитическая форма с перфектным оттенком—*китэ ару* ‘придя есть (будет)’. Та же форма с перфектным оттенком значения употребляется и в речи о прошлом: *Нани-га сатэ, коно жибун-ни **магиттэ гозару нараба**, шимо-но ку-надова итагиттэ мимашэ̄ моново* (К, 138) ‘что же, **если** [я] **пришел** в это время, попробую сочинить последнюю строфу’. Встречается перед *нараба* и форма предшествующего времени: *моши са атта нараба*... (Юдзава, 193) ‘если было так...’

Думается, нет никаких оснований считать, что перед *нараба* как союзом происходила или происходит субстантивизация глагола или прилагательного, если глагол сохраняет способность изменяться по временам, видам, наклонениям и залогам, а подлежащее условно-временного предложения не оформляется суффиксом родительного падежа.

2. Союз ***ни*** происходит от суффикса дательно-местного падежа *ни*, но в отличие от последнего не связан с предикативом, управляющим дательно-местным падежом. Союз *ни* встречается уже в древнейших памятниках японского языка («Манъёсō» — VIII в.) и употребляется на протяжении всей известной нам истории японского языка. Имея значение ‘при’, а отсюда и ‘когда’, ‘если’, *ни* большей частью употребляется тогда, когда действие придаточного предложения происходит параллельно с действием главного; вот почему перед *ни* в большинстве случаев стоит форма непредшествующего времени: *Ару гёжин ами-во **фику ни**, фику кото-мо канавану фодо, ами-га вомō вобоэтарэба*... (Е, 488) ‘**когда** один рыбак **тащил** сеть, [он] почувствовал, что сеть так тяжела, что [он] не может [ее] тащить; тогда...’ Однако пока в речи о будущем

[26] *Н. И. Конрад.* Указ. соч., стр. 325.

применялась в основном конечная форма типа *торō*, перед *ни* в речи о будущем встречалась часто и она: *ия, итэ мōсō нива, рēнин-нагара, ичиджини дэсашиярэи то ие!* (К, 149) ‘ну, **когда** пойдя **будешь говорить**,— «оба одновременно заходите!» — так скажи’. ...*Рожи-дэ фитонимо агимашē-ни, коно ēна самоши моно-га, моттэ-ва юкарэмасумаи* (К, 493) ‘...если по дороге [я] с кем-нибудь **встречусь**, такую жалкую вещь [мне] неудобно будет нести’.

Во всяком случае союзу *ни* не противостоит какой-либо союз, который обозначал бы специально ирреальное условие.

3. Союз ***то*** в значении ‘если’, ‘когда’, ‘как только’ появляется, насколько можно судить, лишь в XVII в. Юдзава специально указывает, что в исследованных им памятниках XV—XVI вв. «такое употребление *то* еще не встречается»[27]. *То* уступительного значения допускает нередко присоединение частицы *мо* и идет в старом языке после заключительной формы, а потом и формы типа *торō*. Между тем особенностью *то* как условно-временного союза является то, что никаких частиц ни до, ни после себя оно не допускает и следует только после определительных форм «категорических наклонений» — изъявительного, отрицательного и желательного. После форм вероятного и дубитативного наклонений, так же как и после форм предшествующего времени любого наклонения, *то* условно-временное ни в XVII в., ни теперь не встречается. В изданных в 1593 г. «Esopono fabulas» и «Qincuxu» условно-временного *то* обнаружить не удалось. Наличие сравнительно небольшого числа примеров употребления *то* в комедиях, изданных в 1660 г., может, мне кажется, служить одним из доказательств того, что эти комедии не сохранили текста XV—XVI вв. неизменным и должны рассматриваться как памятник языка именно XVII в. Грамматики Родригеса и Кольядо не отмечают условно-временного *то*, хотя и дают список «условных союзов»[28] с *нараба* на первом месте.

Первые примеры употребления *то*, которые мы находим в комедиях, создают впечатление, что конструкция типа *тору то* равнозначна форме типа *торэба*: *Коно цуна-во **фикэба** агару. **Сигэру то** сагару* (К, 358) ‘**когда тянешь** за эту веревку, поднимается. **Когда** (если) **опускаешь**, опускается’. ...*Нуши-га **кирэба** миену. Мата мидомо-га **киру то**, наканака миеру* (К, 335) ‘**если** [шапку-невидимку] **наденет** хозяин, [его] не будет видно. А **если** я надену, будет хорошо видно’. ...***Вокакэтэ маиру то** миушинаимашитэ гозару* (К, 219) ‘...**когда** [я] **погнался** [за ним, он] исчез из вида’.

Но если *тору то* совершенно равнозначно форме *торэба*, то почему же синтетическая форма сменилась аналитической? Дело в том, что значение *торэба* все же шире, чем *тору то: торэба* имеет, как известно, не условно-временное, а условно-временно-причинное значение.

Надо иметь в виду, что одновременно с союзом *то*, условно-временным, создаются и причинные союзы ***кара*** и ***нодэ***, которых ранее также не было. В изученных мною памятниках языка XVI—XVII вв. для указания на причинную связь гораздо чаще применялись формы типа *торэба* и *тоттарэба*, а также союз *фодони*, который тоже имел условно-временно-причинное значение и был впоследствии вытеснен условно-временными и причинными союзами. Родригес в качестве причинных союзов приводит только *фодони, токородэ, каруга юени, нажени*

[27] *Юдзава Кōкйтирō*. Указ. соч., стр. 289.
[28] См. *Rodriguez*. Указ. соч., стр. 89. *D. Collado*. Ars grammaticae japonicae linguae. Romae, 1632, p. 33.

нарэба и *соно шисаива*[29]. Юдзава, хотя и приводит примеры на *кара* после форм типа *тору* и *тотта* (*кара* после деепричастия на *тэ/дэ* в смысле ‘после того, как’ употреблялось и раньше), но считает, что *кара* обозначает здесь еще исходность, как и после имен. Переводить *кара* XV—XVI вв. после придаточных предложений в причинном смысле было бы, по его мнению, еще натяжкой[30]. В памятниках *кара* после конечных форм встречается еще весьма редко. В большинстве случаев оно сопровождается частицей *ва: Мидомо-га корэ-ни иру **карава**, рēжи-ва сашену **зо*** (К, 317) ‘раз я здесь, [я] не допущу безобразия’. *Фима-во яру то ю **карава**, дэтэ икаzу-ва нарумаи* (К, II, 72) ‘раз [он] говорит, что дает [тебе] развод, [ты] должна уйти [от него]’. Перевод *кара* словом ‘раз’ является чаще всего наиболее подходящим. Впрочем, иногда напрашивается и перевод ‘если’: *Корэ-во дасу **карава**, ē воджяро **зо*** (К, 87) ‘если [я] дам [тебе] это, хорошо будет? (тебе станет лучше?)’. Как видно, союз *кара* приобретал причинное значение постепенно.

Нодэ появляется еще позже.

Предлагаемое объяснение причин распространения конструкций типа *тору то, тору кара (нодэ)* за счет *торэба* противоречит имеющимся объяснениям. Так, проф. Н. И. Конрад считает, что «отличие... *куру-то* и *курэба* идет по линии противопоставления двух типов суждения: суждения, имеющего вполне конкретное значение, и суждения более отвлеченного характера. Форма на *ба*... в этом своем применении имеет чисто отвлеченный смысл; мысль, высказанная в обороте, построенном с применением этой формы, носит совершенно общий характер. Замечание делается вообще... Дается, так сказать, общее положение, годное для всех случаев.

Форма на *то* также говорит о чем-то «вообще», но, в отличие от формы на *ба*, не в качестве общего положения для всех возможных случаев, а в качестве общего замечания приноровительно к данной конкретной ситуации...»[31].

Что такого различия не могло быть в XVII в.— очевидно: слишком редко встречалось еще условно-временное *то*, чтобы оно могло обслужить все случаи «конкретного условия». Из примеров, приведенных на стр. 144, ясно, что обе формы были вполне взаимозаменимы. Немало подобных примеров и в современном языке. Впрочем, взаимозаменимости их не отрицает и проф. Н. И. Конрад. Он лишь подчеркивает, что «не безразлично применить какую-нибудь одну вместо другой. Каждая из них имеет свой собственный смысловой оттенок»[32]. Вероятно, для установления такого оттенка понадобится специальная монография, в которой нужно будет исследовать и различия между конструкцией с *то* и формой на *тара* в различных стилях современного языка.

Однако уже и из изученного мной материала ясно, что смысловые, точнее — грамматические различия между тремя формами не лежат в области различий между конкретным и общим условием. Анализ примеров, приводимых проф. Н. И. Конрадом в этой связи, показывает, что все его примеры с формой на *ба* относятся к действиям многократным, постоянно повторяющимся. Однако нередко форма на *ба* относится к действиям однократным, уже имевшим место в совершенно конкретных условиях: *атодэ **кикэба**, коно кадзи-нива, якэсинда хйто-мо атта сō-да*

[29] *Rodriguez*. Указ. соч., стр. 89. Последние три союзных конструкции применялись весьма редко и только после разделительной паузы. Чаще применялось *ни ётто*.
[30] См. *Юдзава Кōкйтирō*. Указ. соч., стр. 265.
[31] *Н. И. Конрад*. Указ. соч., стр. 339.
[32] Там же.

(Т. VI, 9 ‘как [я] потом **услышал** (=узнал), в этом пожаре были и погибшие люди (жертвы)’ (ср. также пример на стр. 138). С другой стороны, конструкция с *то* может относиться и к высказываниям общего типа: *онна-ва кодомо-о **моцу то**, мō сайго-да кара на*[33] ‘ведь **если** женщина **имеет** ребенка, [это] уже всё (т. е. у нее уже нет свободного времени. — *Н. С.*)’. В контексте это предложение не могло иметь конкретного характера, так как та женщина, о которой шла речь, детей как раз не имела. В ряде случаев создается впечатление, что обе конструкции используются просто для разнообразия, как синонимы: *агарику́ти-но итадзики-кара, сйки-о **матагэба**, бкйку такиби-но ро-о китта, инакафу-но хирой дайдокоро-дэ, соно ро-но ёко-но субэри-но варуй итадо-о **акэру то**, рокудзё-но дзасйки-ни наттэ иру* (И, 107, 1) ‘**если переступить** через порог с дощатого крыльца, [войдешь] в просторную деревенского типа кухню с большим очагом, а **если открыть** плохо открывающуюся дверь сбоку от этого очага, [увидишь] гостиную в 6 кв. дзё’. Очевидно, что *матагэба* ‘если переступить’ и *акэру то* ‘если открыть’ — действия с совершенно одинаковой степенью обобщения.

По моим предварительным наблюдениям на материале современного языка, конструкция с *то* отличается от формы типа *торэба* тем, что: 1) никогда не относится к ирреальным действиям. Это, однако, надо объяснять не характером самого *то* как союза, а тем, что *то* следует после формы изъявительного наклонения; 2) никогда не устанавливает причинной связи между предложениями; 3) повидимому, конструкция с *то* не имеет чисто соединительного значения, которое описывает проф. Н. И. Конрад для формы на *ба*[34].

«Различие между *тара* и *то* опять-таки в известном смысле идет по линии усиления конкретизации высказывания»[35], — пишет проф. Н. И. Конрад. «*Кэса-ва дэнся-ни ноттара, тэйдэн са* ‘когда я сегодня утром ехал в трамвае, прекратился ток’... *Кэса-ва дэнся-ни нору то тэйдэн са* — ‘как только я сегодня утром сел в трамвай, прекратился ток’».

Перевод дан совершенно правильный, но оба высказывания, повидимому, одинаково конкретны. Вся разница в том, что *ноттара* есть форма предшествующего времени, а *нору* — непредшествующего. Союз *то* соединяет не только два предложения, говорящие об одновременных фактах. Немало и случаев, когда действие главного предложения сменяет действие придаточного, как и в данном случае. Однако между этими действиями не мыслится никакого промежутка: *Синго-га... аннай-о коу **то**, ...сёсэй-га сёдзи-о акэта* (И, 109,2) ‘**когда** Синго ...**попросил** разрешения войти, ...ученик раздвинул сёдзи’.

Таким образом, различие между конструкцией типа *нору то* и *ноттара* следует считать временным. К этому надо добавить, что форма типа *ноттара* не различает изъявительного и вероятного наклонений в современном языке.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

1. Как видно из анализа приведенного языкового материала, ни в современном японском языке, ни в языке XVI—XVII вв. условно-временная связь между предложениями не дифференцируется на реальную и гипотетическую. Четыре различные условно-временные формы дифференцировали в языке XVI—XVII вв. а) различные модальности сказуемого условно-временного предложения, б) одновременное и предшествующее условия. Это подтверждается как морфологическим анализом этих форм, так и их употреблением.

[33] Сб. произведений Исйкава Такубоку (далее — И). Токио, 1927, стр. 102, полоса 3.

[34] См. *Н. И. Конрад*. Указ. соч., стр. 321—322.

[35] Там же, стр. 341.

В современном языке остались две формы, которые утеряли различие по модальности, но сохранили различие по относительному времени.

2. Приведенная в начале статьи традиционная схема условных форм языка XVI — XVII вв. создает впечатление, будто противопоставление «реальных» и «гипотетических» форм имело место постоянно. Более детальное исследование дало такую картину:

речь о будущем	изъявит. формы	——	——
	предполож. формы	*тораба*	*тоттараба*
речь о настоящем	изъявит. формы	*торэба*	——
	предполож. формы	*тораба*	——
речь о прошлом	изъявит. формы	*торэба*	*тоттарэба*
	предполож. формы	——	*тоттараба*

Отсюда видно, что в языке противопоставление различавшихся по модальности условно-временных форм типа *торэба — тораба* имело место только в речи о настоящем, а форм типа *тоттарэба — тоттараба* — только в речи о прошлом, т. е. лишь в меньшей части возможных случаев. Таким образом, противопоставление условно-временных форм по модальности не имело всеобъемлющего характера, что и послужило одной из причин его исчезновения в дальнейшем.

3. Упрощение системы срединных условных форм, связанное с упрощением глагольной системы японского языка вообще, является одной из сторон ее эволюции за исторический период. В статье показана связь условно-временных деепричастий с уступительными, также претерпевшими значительные изменения в тот же период, что и условно-времен ные. Сравнение употребительности срединных и конечных форм помогл выяснить принадлежность тех и других к двум наклонениям (в язык XVI — XVII вв.) — к изъявительному (формы типа *тору, торэба, тотта рэба, торэдомо, тоттарэдомо*) и вероятному (*торо, торозу, торозуру, тораба, тоттараба, торозурэдомо*) и исчезновение такого различия у тех срединных условных форм, которые сохранились и в современном языке. А это, разумеется, несовместимо с державшейся 350 лет теорией о наличии в японском языке условного наклонения.

4. Все это позволяет сделать более широкий вывод: если какая-либо форма в различные эпохи жизни конкретного языка остается неизменной фонетически и функционально, это еще не значит, а) что ее значение не изменилось в результате того, что в другую эпоху она входит в уже изменившуюся систему форм, б) что она не перестала принадлежать к прежнему наклонению или времени или не вошла в другую систему форм.

5. Думается, что вопрос о том, имеются ли разные типы условной связи в других языках (например, в хиндустани) или сама связь является более абстрагированной (условной вообще), а различные формы дифференцируют разную модальность сказуемого придаточного (или главного) предложения, — должен быть поставлен перед специалистами по соответствующим языкам.

К ИТОГАМ СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ АРАБСКИХ СТРАН

Д. А. БАШИРОВ

Важнейшим событием литературной и культурной жизни арабских стран за последнее время, событием, ярко свидетельствующим о росте прогрессивной арабской литературы, явился съезд писателей арабских стран, созванный по инициативе Лиги писателей Сирии. В работе этого первого в истории арабской литературы съезда, проходившего с 9 по 11 сентября 1954 г. в Дамаске, приняли участие писатели и деятели культуры арабских стран (Сирии, Ливана, Египта, Ирака, Иордании, Бахрейна). Круг вопросов, обсуждавшихся на съезде, был очень широк. Наиболее активно и полемически остро обсуждались вопросы развития арабской литературы на современном этапе, который характеризуется борьбой прогрессивной части арабских литераторов против реакционных литературных течений, возникших в результате влияния разлагающейся буржуазной культуры Запада. Этого влияния не сумели избежать даже отдельные крупные арабские писатели. Отойдя от реализма и став на путь формалистических исканий, они постепенно приходят к идейному тупику.

В некоторых выступлениях участников съезда выражался открытый протест против преследования литераторов, пропагандирующих в своем творчестве идею национального освобождения. Приводились факты вынужденной эмиграции писателей из родной страны под угрозой уголовного преследования, случаи тюремного заключения и даже телесных пыток, учинявшихся над деятелями литературы.

Особенно остро этот протест прозвучал в выступлении делегата Ирака, который говорил о том, что прогрессивные иракские писатели переживают сейчас тяжелое время. Они вынуждены бороться за свое естественное право быть свободными гражданами. Перед ними закрыты все пути честного заработка. «...Мы в действительности живем в огромной тюрьме, в которой к мысли применяются законы, возвращающие нас к средневековью, к инквизиции ... Каждое реалистическое произведение о страданиях и чаяниях народа воспринимается правящими кругами как пропаганда коммунизма» [1].

В докладе ливанского писателя Хусейна Муруве, посвященном защите национальной культуры, были приведены многочисленные примеры, свидетельствующие об усиленном стремлении иностранных империалистических кругов навязать народам арабских стран свою идеологию, свои нравы.

[1] «Ас-Сакафа ал-Ватанийя», 15 октября 1954 г., стр. 17

Говоря об активности иностранцев в Ливане, Муруве подчеркнул, что многие так называемые национальные школы и колледжи предоставляют иностранным «экспертам» свои аудитории для распространения среди студентов и преподавателей всякого рода пропагандистских небылиц об экономической «помощи», которая «в действительности является прямым вмешательством в наши культурные, экономические, политические и военные дела с целью использования наших ресурсов, превращения нашей страны в рынок сбыта иностранных товаров, удушения нашей отечественной промышленности...» [2].

Решения съезда, имеющие большое значение не только для развития арабской литературы, но и для развития арабской культуры в целом, знаменуют собой значительный успех прогрессивно-демократического направления в литературе арабских стран — направления, выступающего в поддержку национально-освободительной борьбы многомиллионных народных масс арабских стран.

Решения съезда охватывают все главные вопросы литературной и культурной жизни арабских стран. Так, даны принципиальные теоретические установки о путях развития новой арабской литературы, о связи литературы с жизнью; сделана попытка решить вопрос о языке художественных произведений, о возможности для писателя использовать в своей творческой работе не только литературный язык, но и территориальные разговорные диалекты; намечены пути возрождения и освоения культурного и особенно литературного наследия арабов; даны рекомендации по вопросу об участии писателей в общественно-политической жизни арабских стран; разработаны план и формы борьбы писателей в защиту национальной культуры; четко определены приемы и методы переводческой работы, а также работы критиков и литературоведов.

В теоретической части решений, намечающей пути развития новой арабской литературы, особенный интерес представляют формулировки, в которых даются определения литературы и роли литератора, а также принципов критических оценок. Вот некоторые из этих формулировок [3].

«Литература в нашем понимании есть живой социальный опыт, проявляющийся в деятельности одаренного индивидуума. Она черпает материал из действительности, ей чужда фальсификация. Подобное понимание литературы приводит нас к признанию того, что метод, которым пользуется новая литература, должен максимально соответствовать окружающей нас действительности...»

«... Литература не нейтральна. Она либо на стороне тех сил общества, которые отживают, либо на стороне антагонистических им новых сил, которые возникают и развиваются. История арабской и мировой литературы свидетельствует о том, что место любой бессмертной литературы всегда было в авангарде развивающихся сил...»

«При изучении того или иного литературного произведения следует учитывать тот исторический период, в котором оно было создано...»

«В литературе содержание и форма неразрывны, они представляют единое целое. Природа развивающегося содержания такова, что оно само находит новую форму для себя...»

Все эти формулировки говорят о том, что прогрессивные писатели арабских стран идут по пути освоения реалистического метода в литературе.

Одной из актуальных проблем общественной жизни арабских стран является проблема взаимоотношений между единым для всех арабских

[2] «Ас-Сакафа ал-Ватанийя», 15 октября 1954 г.

[3] Все цитаты даются по тексту решений съезда, опубликованному в ливанской газете «Ас-Сарха» от 19 сентября 1954 г.

стран литературным языком и территориальными разговорными диалектами. Литературный язык является языком научной и художественной литературы, прессы, радио, официальных выступлений. Вплоть до настоящего времени знание современного литературного арабского языка является привилегией сравнительно небольшой части населения арабских стран, т. е. главным образом городского населения. Сельское население, лишенное возможности получать образование из-за слабого развития школьной сети, в подавляющем большинстве имеет смутное представление о литературном языке, а следовательно, не может пользоваться такими благами цивилизации, как художественная литература и пресса, не говоря уже о радио, являющемся недосягаемой роскошью для крестьянина.

В научных и литературных кругах арабских стран существуют различные взгляды на язык как средство художественной литературы. Одни ученые и литераторы вообще игнорируют народную речь и считают, что она портит литературный язык, засоряя его лексику и подчас ломая устоявшиеся грамматические формы. Другие, не ставя по существу вопроса о необходимости коренной реформы, все же стремятся как-то демократизировать язык литературы. Так, один из крупнейших египетских писателей Махмуд Теймур опубликовал ряд своих пьес одновременно на литературном языке и египетском диалекте. Подобное паллиативное средство, безусловно, не может разрешить сложной проблемы языка, ибо для того, чтобы читать, население должно уметь читать, а этого можно достигнуть лишь повсеместным распространением школ.

Съезд арабских писателей подошел к решению этой проблемы с иных позиций. Вопрос о языке был поставлен и рассмотрен в неразрывной связи с совокупностью социальных проблем арабского мира, и прежде всего с проблемой образования, которая в свою очередь теснейшим образом связана с проблемой борьбы за национальное освобождение.

В решениях съезда говорится: «Проблема арабского языка тесно связана со всеми социальными проблемами. Любое окончательное решение языковой проблемы может быть достигнуто лишь в связи с решением этих социальных проблем. Однако это вовсе не означает, что не могут иметь место отдельные попытки решения вопросов языка в соответствии с повседневными насущными нуждами».

Съезд отмечает, что, поскольку литературный язык играет важную роль в развитии арабской культуры, его нельзя игнорировать. Вместе с тем констатируется, что литературный арабский язык не лишен известной доли рафинированности, не прост для понимания.

С другой стороны, нельзя игнорировать и диалекты, ибо они являются народной речью. Поэтому в процессе создания реалистических художественных произведений, в особенности драматических, необходимо использовать народную речь. Она очень уместна и в диалогах, являющихся важной составной частью прозаических произведений. Рекомендуя подобное решение вопроса, съезд, однако, не навязывает его, считая, что каждый писатель вправе «экспериментировать в этой области, вдохновляясь своей личной культурой, художественным чутьем, интересами своего народа, его литературным и культурным наследием».

Важное место в решениях съезда занимает вопрос о возрождении, охране и изучении литературного и культурного наследия арабов. Актуальность данного вопроса диктуется, по мнению съезда, тем, что многое из этого наследия, богатого по содержанию и разнообразного по форме, искажено, сглажено временем или забыто. В особенности это касается исторических трудов, которые часто нуждаются в пересмотре. Отмечая, что творчество многих средневековых арабских историков, мыслителей, литераторов было прогрессивно для своего времени, съезд считает необходимым изучать их огромное научное и литературное наследие, применяя метод, основанный на научной теории исторического развития общества.

В вопросе оценки и переоценки литературно-художественного и научного наследия съезд рекомендует использовать научные критерии, сочетая их со стремлением вскрывать те позднейшие искажения и наслоения, которые появились в ходе длившейся веками политической и религиозной борьбы. При этом съезд указывает на необходимость вскрывать специфические особенности арабской литературы, выявлять те ее стороны, которые роднят ее с другими литературами. В целях ознакомления народных масс с жизнью и творчеством крупнейших арабских писателей, ученых и мыслителей съезд рекомендует самые различные формы пропаганды: печать, радио, кино, лекции, юбилейные торжества. При этом отмечается, что основное внимание при изучении и пропаганде творчества корифеев арабской литературы и науки должно быть обращено на гуманистические стороны этого творчества.

Съезд рекомендует изучать связи, существующие между арабским и европейским искусством, используя данные этого изучения для развития всех отраслей современного арабского искусства — музыки, хореографии, живописи, графики, скульптуры, театрального и декоративного искусства. Теоретически и практически важным моментом в решениях съезда является постановка вопроса о народном творчестве как основе современной арабской литературы и искусства. Съезд рекомендует литераторам различных арабских стран показывать роль народных масс в создании культурного наследия, пропагандируя лучшие образцы фольклора через прессу и радио.

Съезд рекомендует при изучении истории обращать главное внимание на роль народных масс в историческом процессе, на развитие материального производства как основы политического, социального и культурного развития. При этом съезд настаивает на необходимости разоблачать антинаучные толкования исторических событий и фактов.

Съезд отметил, что в области общественно-политической и культурно-просветительной деятельности перед каждым честным, преданным своему народу арабским писателем стоят серьезные задачи. Сюда входят: требование ликвидации неграмотности путем создания вечерних школ, библиотек и читален, главным образом в провинции; борьба за повсеместное распространение обязательного бесплатного начального обучения; требование прекращения деятельности различных иностранных школ и значительного расширения бесплатных школ второй ступени и школ профессионального обучения; борьба за распространение высшего образования, в особенности технического, путем создания филиалов при существующих высших учебных заведениях и новых отечественных институтов, в которых смогли бы обучаться представители различных слоев народа; требование снизить плату за обучение до уровня, соответствующего материальным возможностям бедных и средних слоев населения; борьба за ведение учебного процесса на арабском языке, с одновременным улучшением преподавания иностранных языков; борьба за соответствие учебных пособий научным требованиям и национальному духу; требование преподавания арабской мусульманской философии не как самодовлеющей дисциплины, а с точки зрения ее места и роли в истории развития древней, средневековой и современной философии; борьба против печатных изданий, радиопередач и кинофильмов, проповедующих фатализм, нравственное разложение, прививающих подрастающему поколению вкус к преступлениям; поощрение всего того, что воспитывает молодежь в духе ответственности за судьбу страны, и т. д.

Интересны и актуальны решения съезда по вопросам перевода и переводческой деятельности. Съезд рекомендует переводить прежде всего такие книги, которые развивали бы у читателей чувство национальной ответственности, просвещали бы их и помогли бы каждому гражданину честно и четко определить свое место в национально-освободительной борьбе. Сюда относятся как книги научного и общественно-политического содержания, так и художественная литература. В особенности рекомендуется активизировать перевод и издание научных исследований о жизни и творчестве крупнейших представителей мировой художественной литературы, философии, исторической науки. Съезд считает, что каждой переводимой книге должно быть предпослано обстоятельное предисловие, которое помогло бы читателю правильно понять книгу. Кроме того, все переводимые книги научного, философского и исторического содержания должны снабжаться подробными комментариями. Съезд обратил также серьезное внимание на необходимость удешевления переводных изданий с целью сделать их доступными широким читательским массам. Первым практическим шагом в этом направлении можно считать обращение съезда к переводчикам, являющимся членами учрежденной съездом Лиги арабских писателей, с призывом печатать свои переводы в доступных народу недорогих изданиях. Помимо этого, съезд поставил перед переводчиками ряд чисто профессиональных задач — таких, как совершенствование в овладении языками, повышение научного и культурного уровня, умение передать дух и стиль переводимого произведения и т. д. В отношении книг научного содержания съезд отстаивает принцип коллективного перевода—в целях ускорения выхода в свет, а также необходимость унификации научной терминологии в масштабе всех арабских стран. Съезд высказался также за то, чтобы наиболее значительные произведения арабских авторов переводились на иностранные языки и издавались в самих арабских странах. Наконец, был намечен ряд мероприятий по осуществлению связей между переводчиками различных арабских стран с целью избежать дублирования переводов. Основным мероприятием этого рода должны служить публикации в прессе о переводимых книгах.

Важнейшим результатом работы съезда явилось создание Лиги арабских писателей. До съезда писательские лиги существовали в ряде арабских стран. В большинстве случаев это были замкнутые местные организации. Ныне деятельность всех прогрессивных писателей арабских стран будет направляться Лигой арабских писателей. Как отмечается в решениях съезда, создание Лиги, девизом которой служат слова «Свободная мысль и счастливая жизнь», является важнейшим событием не только литературной, но и общественно-политической жизни арабских стран, ибо оно сделает более организованной и систематической борьбу прогрессивной интеллигенции арабских стран за чистоту национальной культуры, за охрану культурного наследия и явится серьезной поддержкой для народных масс в их борьбе за полное национальное освобождение. Съезд выработал также организационные основы Лиги, которые пронизаны принципом демократизма. Лигу возглавляет генеральный секретариат, состоящий из генерального секретаря, секретаря, казначея и одного члена. В каждой арабской стране будет действовать отделение Лиги. При этом интересно отметить, что генеральный секретариат Лиги может периодически, с интервалами в год, менять место своего пребывания, переезжая из одной арабской страны в другую. Данное положение отвечает коренным интересам развития арабской литературы, ибо оно поможет руководству Лиги поддерживать самый тесный контакт с писателями различных арабских стран.

Съезд писателей и создание Лиги явились важнейшими событиями в культурной и общественно-политической жизни арабских стран. Эти со-

бытия активизировали культурную и просветительную работу в большинстве арабских стран. Отделения Лиги уже созданы в Сирии, Ливане, Ираке, Иордании, Египте, Судане. Ряды Лиги и ее отделений непрерывно пополняются новыми писательскими именами.

Выступая на II Всесоюзном съезде советских писателей, прогрессивный ливанский писатель Хусейн Муруве заявил:

«Успех съезда арабских писателей явился победой демократических сил в наших странах. Этот съезд встретил горячую поддержку со стороны народа и передовой интеллигенции. Приветствие, полученное нашим съездом от Союза советских писателей, вдохнуло в нас уверенность и силу для грядущих побед. Мы уже двинулись в путь, но перед нами большие препятствия.

Борьба, в которую мы вступили сегодня,— это суровая борьба. Враг изо дня в день становится все более жестоким, поэтому мы тем более нуждаемся в вашем опыте и тем более важен для нас ваш вдохновляющий пример...»

Можно не сомневаться в том, что прогрессивные арабские писатели, вооруженные решениями своего первого съезда и используя опыт других прогрессивных литератур, успешно выполнят задачу создания подлинно народной реалистической литературы.

О СОГДИЙСКОМ *ДĒВĀШТĪЧ*

О. И. СМИРНОВА и *М. Н. БОГОЛЮБОВ*

Слово δyw'štyč засвидетельствовано в согдийских документах, открытых в 1933 г. в замке на горе Муг в Таджикистане [1], в контексте: sγwδyk MLK' sm'rknδč MR'Y δyw'štyč ʿсогдийский царь, самаркандский государь Дēвāштīчʾ. Это же слово употреблено в опубликованном впервые в 1944 г. манихейско-согдийском тексте (M 549) из Синьцзяна, где оно противопоставлено прилагательному xwrmztyč ʿормуздовский ʾ[2].

Издатель документов мугской коллекции А. А. Фрейман определил в слове δyw'štyč: 1) именной суффикс -yč; 2) согдийское δyw ʿдемонʾ, производное от древнеиранского *daiva; 3) производное от древнеиранского (авестийского) причастия прошедшего времени *ašta- от глагольного корня az- ʿдвигаться, побуждатьʾ или производное от древнеиранского причастия прошедшего времени *hašta- от глагольного корня haz- ʿовладеватьʾ. В первом составе, более вероятном, как полагает А. А. Фрейман, согдийское δyw'štyč могло бы означать ʿпобуждаемый дивами, одержимыйʾ, во втором — ʿ[тот], которым овладели дивы, демоны, одержимыйʾ.

Для подтверждения вышеуказанной этимологии А. А. Фрейман привлек манихейско-согдийский контекст, в котором он вслед за Хеннингом перевел согдийское δyw'štyyč прилагательным ʿдемонскийʾ (дьявольский)ʾ[3].

Обращает на себя внимание тот факт, что в слове xwrmztyč манихейско-согдийского текста суффикс -yč — не субстантивирующий именной суффикс, а суффикс, образовавший относительное имя прилагательное ʿотносящийся к Ормузуʾ, ʿормуздовскийʾ от имени нарицательного xwrmzt ʿОрмуздʾ. Следовало бы ожидать, что и в слове δyw'štyč представлен тот же словообразующий суффикс. Но тогда предшествующая ему часть слова не может означать ʿдемоном [демонами] направленный [движимый], одержимыйʾ, так как в противном случае сочетание δyw'štyyč(y) δ'myy пришлось бы перевести ʿв мире, относящемся к одержимомуʾ, что не дает требуемого смысла — ʿв демонском миреʾ.

Естественно предположить, что слово, от которого произведено согдийское относительное прилагательное δyw'štyč, было, так же как и xwrmzt-, именем нарицательным. Искомое имя нарицательное мы получим, если объясним предшествующий суффиксу -yč компонент δyw'št- не через глагольные корни az- или haz-, а через древнеиранский глагольный корень *šay- ʿжитьʾ. Авеста сохранила слово gava-šitay- (Altiranisches Wörterbuch, 1706), означающее ʿместо, где обитает рогатый скотʾ. По

[1] См. «Согдийский сборник». Л., 1934.

[2] *W. B. Henning.* The murder of the Magi. «Journal of the Royal asiatic society of Great Britain», октябрь 1944, стр. 142.

[3] См. *А. А. Фрейман.* К этимологии согдийского *дēвāштīч*. «Известия АН СССР», отд. литературы и языка, 1952, т. XI, вып. 5, стр. 461.

аналогии с этим словом можно образовать *δaiwa-šitay- ʿместо, населенное дивамиʾ, ʿадʾ или *δaiwa-šīta-[4] с тем же значением, где *šita- является причастием прошедшего времени от *šay- ʿжитьʾ (ср. авестийское anašita-ʿнеобитаемыйʾ. Altiranisches Wörterbuch, 510).

Существование в согдийском слова *dēwašt<*δaiwa-šitay-, *δaiwa-šita- с кратким гласным -a- между компонентами подтверждается примером из топонимики Пянджикентского района Таджикистана, географическим наименованием *Диваштау*[5] из ʿдивашт-тауʾ, т. е. ʿгоры Дивашт (где обитают дивы)ʾ. В параллель к этому слову идет часто встречающееся топонимическое наименование *Девлох*, персидское dīvlāx, dīvistān ʿместо дивовʾ, ср. согдийское δywst(n) δēwastan[6]. В отличие от восстановленного здесь *dēwašt в слове δyw'štyč гласный -a- между компонентами долгий. Помимо согдийского написания эта деталь четко отмечена и в арабской передаче этого слова: dīwāštī.

Удлинение гласного во втором слоге от начала можно определить для согдийского как явление закономерное[7]. Оно наблюдается в именах прилагательных, образованных от собственных имен с помощью суффиксов -č, -yč, -yyč: sm'rknδč *samārkandič[8] ʿсамаркандскийʾ, βγ'ptyč vaγāpatič ʿиз Багапада, багападскийʾ от иранского *baga-pada- ʿместо обитания боговʾ и в обсуждаемом здесь δyw'štyč, δyw'štyyč *dēwāštič, которое соответственно следует перевести ʿиз Девашта, деваштецʾ.

В манихейско-согдийском тексте религиозного содержания слово βγ'ptyč будет означать ʿнебесныйʾ, а δyw'štyč — ʿадский, дьявольскийʾ. В документах же с горы Муг δyw'štyč не что иное, как нисба (прозвище по месту рождения) феодала — ʿиз Девашта ʾ. Таким образом, исторический деятель, организатор сопротивления согдийцев арабам в VIII в. известен нам не по имени, данному ему родителями, а по своей нисбе[9]. На то, что δyw'štyč было именно нисбой, указывает также форма ad-Dīwāštī, приведенная Табари[10].

[4] Ср. Bəγušt — наименование селения в Бахшире на Памире, которое Моргенстьерне объясняет из иранского *baga-šita- («Indo-iranien frontier languages», Oslo, 1938, vol. 11, p. 279).

[5] Под именем *Дивашгау* известны горы по реке Магиан. Примечательно, что по притоку Магиан реке Шинк горы носят название Вагиштан, т. е. ʿместо боговʾ, ср. согдийское βγyst'n· («Vessantara Jataka», 1005; «Sogdische Texte», 579).

[6] См. *I. Gershevitch.* A grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954, § 1118.

[7] О природе долгого -a- в βγ'ptyč и δyw'štyč см. *I. Gershevitch.* Sogdian compounds. «Transactions of the Philological society», 1945, p. 141—142. Об удлинении второго слога в авестийском см. *Chr. Bartholomae.* Altiranisches Wörterbuch, стб. 398 (upairi-saena-), а также «Grundriss der iranischen Philologie», Bd. I. Strassburg, 1895—1901, S. 44, § 100 a.

[8] О sm'rknδc с долгим -a- помимо мугских документов в согдийской надписи в Тибете см. «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», philologische — historische Klasse XXX—XXXIV, 1925, S. 371; «Bulletin of the school of oriental studies», 1938, vol. IX, p. 504.

[9] Девештич был современником двух царей Согда—Тархуна и Гурека. В согдийских документах Девештич носит титул «ихшид Согда афшин Самарканда» (sγwδyk MLK' sm'rknδč MR'Y). Согласно арабским источникам, тот же титул был присвоен царю Гуреку. А. А. Фрейман предложил идентифицировать личность Девештича с Тархуном, предшественником Гурека. См. *А. А. Фрейман.* Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935 г. М.— Л., 1936, стр. 161—165.

[10] Aṭ-Ṭabarī. Annales, ed. M. J. de Goeje. Leyden, 1885 — 1889, ser. 3, vol. II, p. 1441, 1448, 1453. Аналогичную по форме нисбу носил один из соратников Девештича дехкан Иштихана, некто Ṣābит. Последний в тексте aṭ-Ṭабарй назван Ṣабит Иштиҳанчй.

ДОКУМЕНТЫ И ПАМЯТНИКИ

РАСКОПКИ УРАРТСКОЙ КРЕПОСТИ ГОРОДА ИРПУНИ (ЕРЕПУНИ) НА ХОЛМЕ АРИН-БЕРД

И. М. ЛОСЕВА

Холм Арин-берд (Ганли-тапа), расположенный на юго-восточной окраине Еревана, привлек внимание ученых еще в конце XIX в., когда у его подножья был случайно найден камень с клинообразной надписью урартского царя Аргишти I (781 — 760 гг. до н. э.), сообщающей о постройке крепости. Тогда же по поручению Русского археологического общества холм был обследован А. А. Ивановским, который обнаружил на его вершине остатки древних сооружений [1].

В 1950 г. на вершине холма Арин-берд были предприняты консервационные работы по укреплению обнажившихся в различных местах холма древних стен и произведена геодезическая съемка территории крепости с нанесением всех обнаруженных там древних сооружений. Эти работы проводились под руководством архитектора К. Л. Оганесяна[2]. В 1951 г. они были продолжены отрядом Кармирблурской экспедиции.

Начав выборку грунта для засыпки кладок, К. Л. Оганесян обнаружил почти на поверхности земли два крупных базальтовых камня, содержащих надписи царя Аргишти I и его сына Сардура II.

Текст первой надписи оказался исключительно важным:

«Величием бога Халди, Аргишти, сын Менуа, эту величественную крепость построил, установил (для нее) имя Ирпуни; (построил ее) для могущества страны Биаинили (и) для усмирения (?) вражеской страны. Аргишти говорит: земля была пустынной, могучие дела я там совершил. Величием бога Халди, Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь страны Биаинили, правитель Тушпа города» [3]. Эта надпись открывала не только название древнего города — Ирпуни и сообщала о построении здесь величественной крепости, но и давала возможность с полной достоверностью отождествить его с холмом Аринберд.

Отметим, что название города Ирпуни, который до этой находки на Арин-берде не удавалось локализовать, встречалось в урартских клинописных текстах, и при этом в ряде случаев указывалось на его большое значение. Ирпуни упоминался, в частности, и в летописи Аргишти, отмечающей лишь наиболее крупные события царствования. Так, во

[1] См. *А. А. Ивановский.* По Закавказью. «Материалы по археологии Кавказа», вып. IV. М., 1911.

[2] См. *К. Оганесян.* Арин-берд (Ганли-тапа) — урартская крепость города Ирпуни. «Известия АН АрмССР», общественные науки, 1951, № 8, стр. 75—88.

[3] См. *Г. А. Меликишвили.* Урартские клинообразные надписи. «Вестник древней истории», 1953, № 3, стр. 269 (138).

втором столбце летописи, при описании событий V года правления Аргишти сообщалось об основании Ирпуни для укрепления могущества Урарту и отмечалось свершение там Аргишти могучих дел. Кроме того, надпись давала очень ценные сведения о переселении в Ирпуни пленных хеттов и жителей страны Цупани (Северная Сирия).

«По велению бога Халди, Аргишти, сын Менуа, говорит: город Ирпуни я построил для могущества страны Биаинили (и) для усмирения (?) вражеской страны. Земля была пустынной (?) (и) ничего не было там (раньше) построено. Могучие дела я там совершил. 6600 воинов (пленных) стран Хате и Цупани я там поселил...»[4]

Таким образом выявлялись важность Ирпуни как крупного центра Урарту в первой половине VIII в. до н. э., т. е. в период нарастающего подъема урартского государства, и его значение для Южного Закавказья. Г. А. Меликишвили в своих работах справедливо отмечает, что если в Араратской долине и был в это время один административный урартский центр, то это был именно Ирпуни, а не Аргиштихинили, как это обычно было принято считать [5]. В пользу этого утверждения говорит такой факт, как помещение во втором столбце летописи сообщения о постройке Ирпуни, в то время как постройка Аргиштихинили упоминается только в четвертом. Кроме того, в летописи подчеркивается хозяйственное значение Аргиштихинили (проведение каналов, устройство садов и виноградников), в то время как в сообщении об Ирпуни отмечается его военное и стратегическое значение. О том же сообщает и отмеченная выше надпись, найденная на вершине Арин-берда. Чрезвычайно ценным является и известие о переселении в Ирпуни большого количества пленных из отдаленных областей, что, несомненно, связано с широкой деятельностью Аргишти. Нам кажется, однако, возможным, в отличие от Г. А. Меликишвили, предположить участие пленных не только в строительстве крепости, но и допустить их использование в качестве воинов и в качестве ремесленников, обслуживающих административный центр. Разведывательными работами в 1950—1951 гг. на вершине холма Аринберд и у его подножья, на очень большой территории, включающей поселки Вардашен и Нор-Ареш, были обнаружены остатки древних сооружений, многочисленные фрагменты урартской красной лощеной керамики, зернотерки и каменные чаши.

Эти находки подтверждают сообщения клинописи о существовании здесь большого города и его крепости на вершине холма. Естественно, что в жизни урартского военно-рабовладельческого общества большое значение имело крепостное строительство. Частые войны и нападения могущественных соседних государств требовали хорошо защищенных центров—городов и крепостей. Последние обычно возводились на естественных возвышенностях (холмах или скалах), что делало такую крепость неприступной и давало возможность следить за окружающей местностью. Это характерно и для расположенной в стратегически важном пункте Араратской долины крепости Ирпуни.

Систематические раскопки на холме Арин-берд начали производиться с 1952 г. совместной экспедицией Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва) и Академии наук Армянской ССР (Ереван) под общим научным руководством чл.-корр. Академии наук Армянской ССР Б. Б. Пиотровского.

Экспедиция продолжила раскрытие участка цитадели, начатое во

[4] См. *Г. А. Меликишвили.* Указ. соч., стр. 238—239.

[5] См. *Г. А. Меликишвили.* Наири-Урарту. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Тбилиси, 1954, стр. 260; см. также «Вестник древней истории», 1953, № 3, стр. 112.

время разведывательных работ в 1950—1951 гг. Было установлено, что цитадель, расположенная на вершине холма, занимала площадь в 6 га и была опоясана мощной крепостной стеной. Довольно большой архитектурный ансамбль цитадели исследован пока еще только частично.

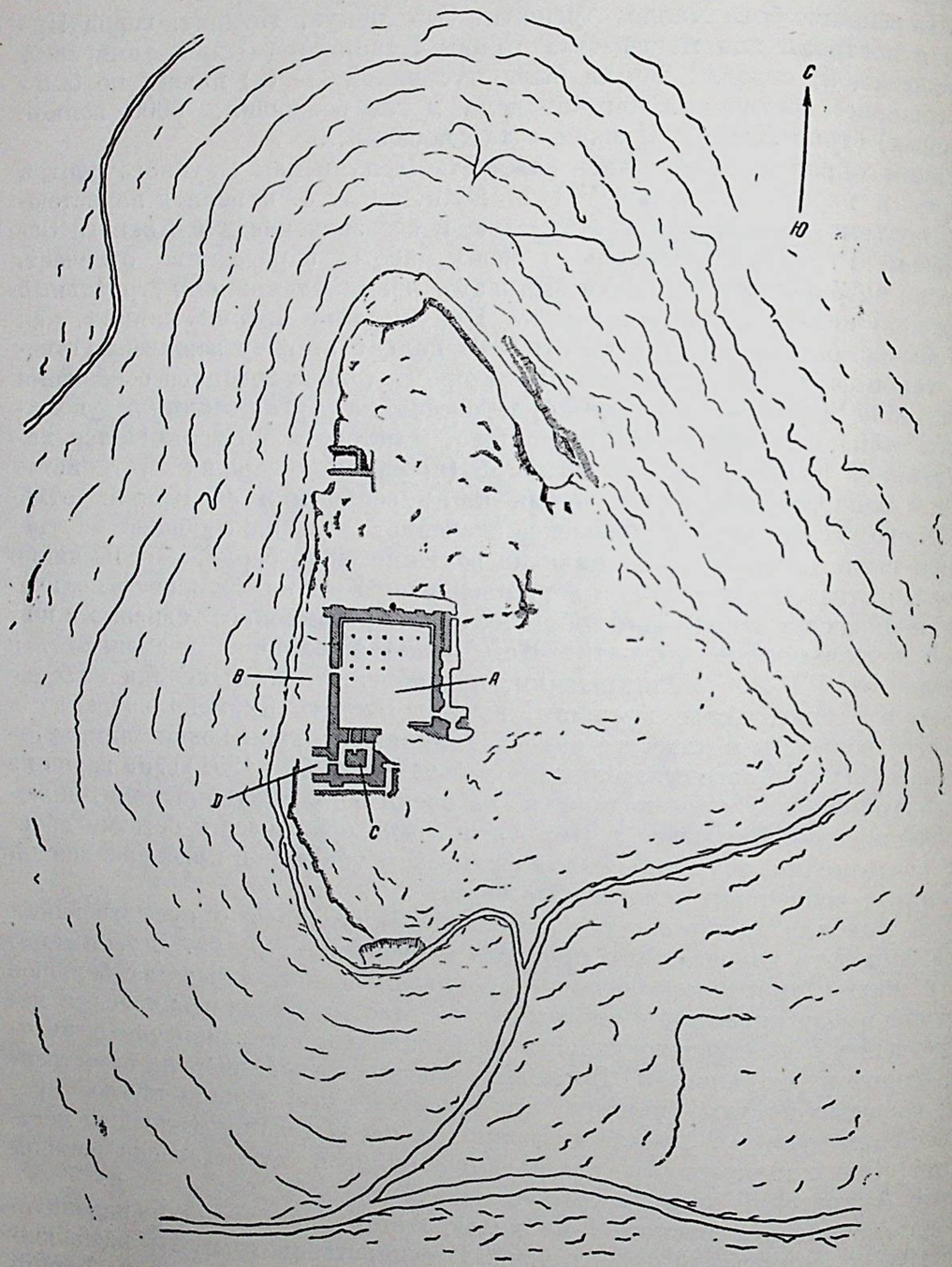

Рис. 1. Генеральный план крепости

Наибольший интерес представляет здание, раскрытое в юго-западной части цитадели. Центральное его помещение оказалось колонным залом (рис. 1, А), а не двором, как это первоначально предполагалось. Вокруг зала шла глинобитная, покрытая обмазкой скамья. Она непосредственно примыкала к стене и имела прямоугольный профилированный карниз, свидетельствующий о строгости и простоте оформления.

Стены местами сохранили слои глиняной обмазки. Судя по многочисленным фрагментам, найденным в грунте, стены были окрашены в ярко-голубой цвет, а на высоте около 3,5 и 7 м украшены росписью, изображения которой перекликались с росписью, обнаруженной в 1950—1951 гг. в соседнем помещении. В них преобладали следующие мотивы: священное дерево со стоящими по сторонам жрецами, шествующие животные и орнамент в виде зубцов.

Северная стена зала резко отличалась от остальных. Различная кладка делила ее как бы на две части. Западная часть имела цоколь, выложенный до высоты 1,5 м из крупных каменных блоков, поверх которых шла сырцовая кладка. Восточная часть имела цоколь из прекрасно обработанных плит серого базальта высотой 50 см. Остальная часть стены была выложена из сырца. Стена сохранилась до высоты 4 м. С наружной стороны отличие не только сохранялось, но и дополнялось различным выполнением контрфорсов. В восточной части они были значительно мельче и расстояние между ними было меньше.

Такое конструктивное различие при оформлении одной стены, естественно, привлекло внимание. Казалось, что над строительством колонного зала работали совершенно различные мастера и в разное время. Можно было предположить здесь пристройку или расширение помещения. Это предположение находило подкрепление в тексте второй надписи, обнаруженной на Арин-берде, которая гласила: «(Сардур, сын Аргишти, эту) (постройку) соорудил в (5200 капи) здесь, Сардур, сын Аргишти, царь могучий, царь великий, царь страны Биайны (царь царей), правитель Тушпа города»[6]. То, что обе надписи (Аргишти, о котором упоминалось выше, и цитируемая) были найдены рядом с колонным залом и, возможно, даже украшали его, позволяет предположить участие в постройке зала обоих правителей, и достаточно вероятным образом объясняет факт применения различных строительных приемов.

Несомненно, однако, что перестраивавшие зал стремились к тому, чтобы различие в конструктивных приемах не бросалось в глаза, чтобы весь зал вместе с пристройкой был выдержан в едином стиле. Об этом говорит внутренняя отделка зала, сооружение скамей, закрывших выделяющуюся ленту базальтовых плит, и тщательное оштукатуривание не только сырцовой кладки, но и (особенно плотным слоем) каменного цоколя западного крыла, т. е. сплошное выравнивание поверхностей стен по всему залу. Все это сделало здесь различие в кладке совершенно незаметным. В западной стене зала на уровне сидений был открыт колодец, выложенный большими хорошо обработанными плитами, с перекрытием из восьми прекрасно сохранившихся бревен, на которых заметны следы рубки небольшим топором. В колодец из центра зала шел небольшой желоб или сток, обложенный камнями, видимо служивший для отвода воды, попадающей в зал извне, возможно через сквозное отверстие в перекрытии. Такие отверстия в кровле позднее встречались в армянском храмовом строительстве.

Из колодца шел большой сток в виде тоннеля (высотой 75 см), обложенного хорошо отесанными базальтовыми плитами. Он проходил под полом соседнего помещения и выходил к крепостной стене. В случае осады или внутренней опасности, этим тоннелем, вероятно, можно было воспользоваться как подземным ходом.

Здесь же, в юго-западной части холма, у линии крепостной стены случайной находкой (В. В. Шлеевым) были обнаружены крупные составные водопроводные трубы из туфа, видимо, связанные с отмеченным водостоком.

[6] Перевод Б. Б. Пиотровского. См. *К. Оганесян.* Указ. соч., стр. 76.

В настоящее время раскопками раскрыта меньшая половина зала, и обнаружены 13 фундаментов колонн, представляющие собой прямоугольные плиты размером в среднем 70 × 60 см при высоте в 50 см. Они расположены под слоем обмазки пола на равных расстояниях друг от друга (4 м 10 см) и от стен (3 м 80 см). На основании предварительных расчетов можно предположить, что после окончания расчистки зала их будет обнаружено 30. Таким образом, открывается неизвестная еще страница истории искусства, посвященная урартскому зодчеству. Выявляется постройка, которую вполне можно считать прототипом персидской ападаны. Надо отметить, что в центральном зале персидской ападаны в Сузах также сохранились лишь фундаменты под базы колонн, в виде каменных кубов. Ни одной из 36 колонн сузианской ападаны, так же как и в Ирпуни, на месте не оказалось[7].

Наличие колонн в урартском зодчестве засвидетельствовано ассирийскими рельефами (Муссасирский храм)[8], об этом говорят и находки в районе Вана остатков каменных баз с клинообразными надписями[9].

Существование на древнем Востоке деревянных колонн и применение дерева в строительстве общеизвестны. Особенно ценились в строительстве ароматные сорта деревьев, например кипарисы, ливанские кедры, привозившиеся издалека. Поэтому нередко их брали в качестве военного трофея или перевозили в связи с перемещением центра. Об этом сообщают письменные источники, в частности, ассирийские царские летописи[10]. Вполне возможно, что в крепости Ирпуни были тоже деревянные колонны, впоследствии вывезенные или вынесенные при каком-то еще не установленном событии в жизни города. Б. Б. Пиотровский предполагает, что это было вызвано перенесением центра в другое место[11]. Возможно, что колонны исчезли в связи с военными действиями, о которых косвенно могут свидетельствовать найденные у наружной стены и в центре колонного зала наконечники стрел скифского типа, а также обнаруженная раскопками временная стена, воздвигнутая наскоро из больших, грубо обработанных камней вдоль восточной стены здания. Однако утверждать что-либо определенное еще преждевременно.

Рядом с колонным залом находилось узкое и длинное (около 40 м длины) помещение (рис. 1, B), связанное с ним дверью в западной стене и примыкавшее к наружной крепостной стене. Это помещение, несмотря на его почти полное разрушение, представляет исключительный интерес благодаря найденным здесь росписям[12].

Росписи, видимо, составляли фриз из горизонтальных, расположенных одна над другой орнаментальных полос: верхняя полоса заключала растительный орнамент (розетки и пальметки), ниже — геометрический орнамент (воспроизводящий зубцы, венчающие стены), еще ниже — линия шествующих коз, под ней были помещены изображения стоящих по сторонам священного дерева жрецов (близкие изображениям на шлемах Аргишти и Сардура, найденных на Кармир-блуре[13], изображениям колонного зала Ирпуни и ассирийским рельефным изображениям) и, наконец, —орнамент из свисающих бутонов цветов.

[7] См. «Всеобщая история архитектуры», т. I. Архитектура древнего мира. М., 1944, стр. 148.

[8] См. *P. E. Botta*. Monument de Ninive., t. II, Paris, 1849, pl. 141.

[9] См. *Б. Б. Пиотровский*. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 252; *Г. В. Церетели*. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939, стр. 33 сл.; *C. F. Lehmann-Haupt*. Armenien einst und jetzt. Berlin. 1910—1928.

[10] См. *B. Meissner*. Die Eroberung der Stadt Ulhy auf Sergons 8 Feldzug. «Zeitschrift für Assyriologie», 1922, XXXIV.

[11] См. *Б. Б. Пиотровский*. Урарту. По следам древних культур. М., 1951, стр. 91—92.

[12] См. *К. Оганесян*. Указ. соч., стр. 85.

[13] См. *Б. Б. Пиотровский*. Кармир-блур, т. I. Ереван, 1950, стр. 63; т. II. Ереван, 1952, стр. 38—39.

Особый интерес представляет часть росписи (высотой около 0,5 м), сохранившаяся лишь в отпечатке, изображающая бога, стоящего на льве.

Росписи были нанесены по голубому фону красной, белой и более темной голубой краской при черных контурах рисунка. Над росписью стена была окрашена в красный цвет, под росписью — в синеголубой.

Нельзя не отметить того уменья, с которым урарты оживляли большие поверхности тусклых сырцовых стен, создавая яркую и красочную гамму убранства сооружений.

Следующее интересное помещение рассматриваемого участка — это постройка, в которой можно предположить остатки зиккурата (рис. 1,C). Зиккурат расположен в центре небольшого дворика, позволяющего проходить вокруг него. Два прохода в северной стене соединяют дворик с колонным залом. Интересно отметить, что эта стена имеет ширину 4 м при обычной ширине стен в 2 м, что позволяет предположить существование здесь ранее мощного портала, обращенного в колонный зал. Любопытно, что проем в самом зиккурате был расположен так, что его не было видно из зала, т. е. он приходился как раз против простенка между двумя проходами портала. Надо сказать, что подобный прием был обычным в ассирийском зодчестве, когда дело шло о необходимости удаления изображения божества или царя от взоров непосвященных. Возможно, что в Ирпуни преследовалась та же цель.

Сохранилась только нижняя часть зиккурата — своего рода платформа, заполненная утрамбованной землей и лишенная внутреннего помещения, служившая основанием для верхних этажей. Цокольная часть сделана из довольно крупных тесаных каменных блоков, стены выложены из сырца. При выемке грунта в дворике было обнаружено довольно большое количество хорошо обтесанных туфовых блоков розового и серого цвета, которые, возможно, служили облицовкой верхних этажей, или этажа. Использование разноцветного камня в урартском зодчестве засвидетельствовано и раскопками на Топрах-Кале. Отметим, что и в древнеперсидской архитектуре, в Пасаргадах, применялся также прием чередования цветов в кладке сооружений[14], что является еще одним свидетельством культурных взаимосвязей между урартами и древними персами.

В украшении заккурата была широко использована и роспись. На нижней части в нескольких местах сохранилась розовая окраска стен, со следами красной росписи. Стены дворика, судя по следам окраски на поверхности стен и фрагментам в грунте, были тоже покрыты полихромной росписью.

Широкое применение росписей в Ирпуни и частично в Тейшебаини позволяет заключить, что традиция монументальной росписи была значительно развита в Урарту, о чем до сего времени не было известно.

Что же представляют собой рассмотренные помещения?

Несомненно, это единый, связанный между собой комплекс. Центром его является колонный зал. Дверь в западной стене зала ведет в длинное узкое помещение, в свое время богато украшенное росписью. Из этого помещения другая дверь ведет в маленькую комнату (рис. 1, D), также украшенную росписью. Из нее проход ведет в дворик зиккурата, откуда два входа позволяют проникнуть снова в колонный зал. Таким образом, создается замкнутое кольцо, связывающее все помещения здания в единое целое, составляя стройный ансамбль.

[14] См. «Всеобщая история архитектуры», т. I, стр. 143.

Существенный интерес представляет вход в колонный зал. Он расположен в конце восточной стены и с наружной стороны образует своеобразно разрешенный портал.

Восточная стена (сырцовая, на цоколе из линии базальтовых плит), прорезанная неглубокими контрфорсами, завершалась выступом в виде скамьи, такой же глинобитной как и в колонном зале, но оформленной несколько иначе. Стенки ее образовывали выступающий валик, затрудняющий сидение. Возможно, что эта скамья предназначалась не для сидения, а для расстановки жертвоприношений. За скамьей, отступая в глубину, находился дверной проем, шириной в 2 м, ведущий в колонный зал. Сохранились поворотные камни для крепления деревянной двери и деревянный порог. Сама дверь не сохранилась.

Вся стена, так же как скамья и дверная притолока, покрыта серовато-той обмазкой. Возможно, что она была окрашена в яркосиний цвет, поскольку в грунте были обнаружены небольшие фрагменты такой окраски.

Особый интерес представляют найденные у входа фрагменты со следами орнамента. Можно предположить, что по типу ассирийских дворцовых входов верхняя часть рассматриваемого портала имела расписное панно.

По другую сторону входа стена была совершенно гладкая, без скамьи и контрфорса и образовывала угол какой-то новой части дворца. На расстоянии около 2 м от этого угла находился еще один вход, оформленный совершенно так же, как и вход в колонный зал. Таким образом создавался довольно гармоничный ансамбль своеобразного и интересного комплекса входов в новом, еще не исследованном раскопками участке дворца.

Надо отметить, что юго-восточная часть холма, где был расположен упомянутый выше участок, имела самый пологий и удобный для подъема склон. Наиболее вероятным является предположение, что именно здесь где-то и был расположен главный вход в крепость.

Тематика росписей, носящая культовый характер, присутствие в ансамбле здания, которое мы имеем основание считать зиккуратом, позволяет предполагать, что перед нами храмовый участок дворца, возможно, даже храмовый комплекс верховного божества и, вероятнее всего, бога Халди. Последнее предположение подтверждают такие факты, как наличие зиккурата, являющегося в Передней Азии неотъемлемой частью храма только верховного божества, а также посвященные Ирпуни вещи, открытые на Кармир-блуре. В основном это части вооружения и главным образом щиты с трафаретным посвящением «Богу Халди, в город Ирпуни»...[15]. (Отметим, что в одном случае название города имело несколько иное написание, вместо Ирпуни — Ерепуни[16]. Название, возможно, связывающееся с названием современной столицы Армении городом Ереван.)

Дальнейшие работы должны окончательно разрешить вопрос о назначении рассмотренного здания.

Таким образом, результаты работ экспедиции уже сейчас дают достаточный материал для подтверждения сообщений клинописных текстов о значении города Ирпуни и его крепости на вершине холма Арин-берд.

---

[15] *Г. А. Меликишвили.* Урартские клинообразные надписи. «Вестник древней истории», 1953, № 3, стр. 273—274 (145—147, в.)

[16] См. там же, стр. 276 (147, в).

СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДНОЙ ПРЕССЫ В РОССИИ

(ЖУРНАЛ «АЗИАТСКИЙ ВЕСТНИК» 1872 г.)

Е. И. ГНЕВУШЕВА

Востоковедная пресса в России 60—70-х годов XIX в. была небогата. Издавалось всего два журнала, не рассчитанных на широкий круг читателей: принадлежавший Академии наук «Mèlanges asiatiques», выходивший крайне нерегулярно на французском языке, и «Известия Русского географического общества».

В 1872 г. в Петербурге вышел новый журнал «Азиатский вестник», издателем и редактором которого был П. И. Пашино, человек известный в литературных и журналистских кругах: в 1864 г. в газетах печатались его «Письма о Персии», в 1868 г. вышла его книга «Туркестанский край в 1866 г.».

О предполагаемом профиле нового журнала в прессе сообщалось следующее: «Сибирь, Амурский, Закавказский и Туркестанский край и также сопредельные с Россией страны будут предметом всесторонних исследований «Азиатского вестника»..., журнал будет содержать «обстоятельные статьи по истории и этнографии Востока» [1].

Одним из первых на сообщение об издании нового журнала откликнулся М. В. Венюков, известный путешественник и знаток Средней Азии, Приамурья, Китая. Предлагая свое участие в журнале, Венюков писал Пашино: «Из газет я узнал, что Вы намерены издавать Азиатский сборник или вестник. Прекрасная мысль эта не могла во мне, как и во всяком, занимающемся Азией, не возбудить сочувствия» [2]. Пашино стремился привлечь к работе в журнале сотрудников из восточных окраин страны. Он писал в Ташкент и Оренбург, откуда вместе с одобрением идеи издания журнала получал статьи и проспекты статей. «Давно бы пора пополнить действительный «пробел» в нашей современной литературе изданием такого журнала, где бы могли собираться все сведения об азиатских странах,— писали Пашино из Ташкента,— и где бы популярно могли докладываться нашему обществу разнообразные, известные только ученому миру факты из умственной и бытовой жизни этих стран, глубоко интересных для нас во многих отношениях» [3]. К участию в журнале были привлечены известные востоковеды: И. Н. Березин, профессор китайской словесности В. П. Васильев, исследователь Средней Азии Н. А. Северцов, этнографы Максимов и Белов. Дал согласие участвовать в журнале и крупный историк-материалист и просветитель Щапов, тогда мившийся тогда в сибирской ссылке. Повидимому, вопросы Сибири должны были занять в новом журнале большое место.

---

[1] «Туркестанские ведомости», 22 ноября 1871.

[2] Архив Института литературы АН СССР, ф. 93, оп. 2, № 192, л. 396.

[3] Там же, л. 414 и 417.

Средств для издания журнала у Пашино не было, поэтому он постарался заинтересовать этим предприятием состоятельных и авторитетных лиц. В воспоминаниях секретаря редакции журнала И. Ясинского есть указание, что Пашино для издания журнала получал «субсидию от лиц, заинтересованных нашими военными успехами в Азии» [4].

Первый номер «Азиатского вестника» носил подзаголовок: «учено-литературный журнал». Его программа, утвержденная министерством внутренних дел, была очень широка. Журналу разрешалось печатать не только статьи, относящиеся к истории, этнографии, «народной экономии» Востока, но и иметь отделы внутренней и иностранной хроники, беллетристики и т. п. [5] Общий тон первому номеру журнала дали статьи Шелгунова, Вагина, Ядринцева и Шашкова, ранее связанных с журналом «Дело» — органом буржуазно-демократической интеллигенции. Трое из этих авторов — Шелгунов, Шашков и Ядринцев — находились тогда в ссылке.

В статье «Что такое Азия» Н. В. Шелгунов сравнивал Европу и Азию: в Европе, по мнению автора, преобладали тенденции разрушения и войн, на Востоке — тенденции мирного труда. Указывая на рост торговых оборотов европейских стран с Востоком, автор ставил вопрос: «какое же участие принимает Россия в этом повороте истории на Восток и в общем стремлении цивилизации к мировому общению [6]. По мнению автора, Россия сильно тяготела к Востоку; экономические связи ее со странами Востока подтверждала масса разнообразных восточных товаров, которые находили возрастающий спрос на русском рынке, но большая часть их приходила в Россию не прямо с Востока, а через Англию, Францию, Германию или даже Испанию и Румынию. Автор приводит любопытные факты: 3/4 китайского шелка Россия получала из Пруссии, 3/4 китайского чая поступало в Россию через Англию и только 1/4 через Сибирь. «Почти нет ни одного товара Дальнего Востока, который бы шел к нам прямым путем,— заключал автор.— Все идет сначала в Пруссию, в Ганзейские города, в Англию, а потом уже через третьи руки достается нам» [7]. Ратуя за усиление торговых связей с Востоком без всяких посредников, Шелгунов выражал интересы тех торговых кругов России, которые упорно стремились к овладению восточными рынками. Отвергая отношения между странами, в основу которых были положены неравноправие сторон, сила оружия, и по условиям царской цензуры не имея возможности открыто выступить против грабежа колоний и колониальных войн, автор выдвигал следующие положения: «Весь русский вопрос по отношению к Востоку и будущее таких богатых стран, как Сибирь, Приамурский край, Кавказ и наши внутренние азиатские владения зависят от одного: от твердо сознанной мысли, что только развитие производительных сил и основных производительных источников, что только благоприятные условия для труда

[4] *И. Ясинский.* Мои литературные дебюты и редакция «Азиатского вестника». «Исторический вестник», 1891, т. XI, стр. 671.

[5] Центральный государственный исторический архив Ленинграда (далее ЦГИАЛ), ф. 777, оп. 2, ед. хр. 31, л. 5.

Сам Пашино, уже после того как издание журнала потерпело крах и он, как редактор, должен был объясняться через прессу с подписчиками журнала, сообщил, что издание он предпринял, «положившись на словесное обещание одного лица, известного своим состоянием, которое обещало мне выдавать по три тысячи рублей ежемесячно... вскоре по выходе первого же нумера у нас явились несогласия, и это лицо, недовольное составом редакции, отказалось выдавать деньги». «С.-Петербургские ведомости», 1872, № 215.

Повидимому, «лицо, известное своим состоянием» — это граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, с которым Пашино познакомился в Туркестане. Воронцов-Дашков желал использовать опыт и знания Пашино для издания журнала, который пропагандировал бы проникновение России в глубь Азии. Пашино же ставил перед журналом иные задачи.

[6] «Азиатский вестник», кн. 1, СПб., 1872, стр. 27.

[7] Там же, стр. 31.

и свободной экономической деятельности, что только рациональное народное хозяйство — источник процветания народов...» [8]. Шелгунов подчеркивал желательность мирных взаимоотношений со странами Востока и тем самым как бы порицал колониальную политику царского правительства в Средней Азии, что и было замечено цензурой.

Статьи Вагина, Шашкова, Ядринцева были посвящены Сибири. Вагин писал о взглядах передового представителя высшей царской администрации Сперанского на Сибирь и о его непосредственной деятельности в Сибири в 1818—1820 гг. Шашков обращался к более ранним страницам истории, и его статья была направлена против произвола царских чиновников в Сибири в XVIII в. Статья Ядринцева знакомила читателей с Сибирью 80-х годов. Перед читателями «Азиатского вестника» Сибирь предстала богатой разнообразными ресурсами страной, которая, по словам Сперанского, «требует государственных соображений». Но это требование не находило отклика в условиях русского абсолютизма. Сибирь была местом ссылки, глушью, где процветал произвол царских слуг.

Зарубежному Востоку была посвящена статья Шелгунова «Французы крайнего Востока». В ней говорилось о Японии и японцах. Ни полнотой, ни глубиной анализа статья не отличалась. Автор восторгался чисто внешней стороной японского быта.

В разделе «Новости и заметки» обращает на себя внимание заметка «Причины тяньцзинской резни», написанная с привлечением немецких источников. Автор смело брал под защиту китайский народ, на который злобно клеветала буржуазная пресса Европы. «Масса китайского народа, как оказывается, далеко не так виновата, как это кажется с первого взгляда» [9],— писалось в заметке. Автор разоблачал методы пропагандистской деятельности французских миссионеров равно как и разнузданное поведение французских колонизаторов.

Большое место в журнале занимали политическое обозрение, посвященное Франции, и обзор беллетристики того времени.

В отзывах на новый журнал отмечалось несоответствие содержания названию журнала. Общей оценки журнала, однако, не давалось. Печать неблагонадежности лежала на редакторе «Азиатского вестника» и на сотрудниках журнала. Все попытки Пашино пробиться через цензурные преграды оказались безуспешными. Ряд статей был запрещен цензурой еще до сдачи первого номера «Азиатского вестника» в набор. Такими статьями были: «Россия в Европе и Азии», автора которой не удалось установить, статья П. Е. Ефремова «О смерти А. С. Грибоедова в Тегеране (по подлинным документам)» и статья И. Оршанского «Кассационный суд и наше законодательство» [10]. Материалы архива С.-Петербургского цензурного комитета дают возможность выяснить мотивы запрещения выхода в свет этих статей и дальнейшую судьбу журнала. Статья «Россия в Европе и Азии» была запрещена, так как, по словам цензора, содержала «косвенное порицание настоящего направления нашей дипломатии» [11].

В своих воспоминаниях Пашино писал, что статья Ефремова содержала «новые сведения об убийстве Грибоедова, т. е. подлинные донесения Мальцова (секретарь русской миссии в Персии — *Е. Г.*) о катастрофе, добытые мною из архива Азиатского департамента». [12] Цензурный комитет запросил Азиатский департамент министерства иностранных дел, не будет ли возражений к помещению статьи. Азиатский департамент уведомил цензурный комитет, что «появление в печати донесений бывшего секретаря миссии в Тегеране, по мнению департамента, было бы неудобно,

[8] «Азиатский вестник», кн. 1, стр. 6—7.

[9] Там же, стр. 83.

[10] Оршанскому удалось впоследствии поместить свою статью в сборнике «Недели», большинство же статей, запрещенных цензурой к помещению в «Азиатском вестнике», утеряно.

[11] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 31, л. 13.

[12] *П. И. Пашино* Живые и мертвые. «Биржевые ведомости», 21 июля 1881 г.

так как лицо, которым были сделаны эти донесения, поныне состоит на службе в министерстве иностранных дел» [13]. Но департамент не возражал, чтобы статья появилась в печати без указания источника, из которого почерпнуто описание.

После того как первый номер «Азиатского вестника» был тщательно рассмотрен на заседании совета Главного управления по делам печати, в С.-Петербургский комитет по делам печати было послано конфиденциальное заключение, в котором предлагалось рассматривать впредь статьи «Азиатского вестника», особенно экономического содержания с усиленной внимательностью и строгостью. То обстоятельство, что в состав редакции «Азиатского вестника» вошли сотрудники «Дела», придало «Азиатскому вестнику», по мнению Главного управления по делам печати, тенденциозный тон и характер, который «проявился в политическом обозрении и мог обнаружиться также в статьях экономического содержания»[14]. «Азиатскому вестнику» впредь запрещалось помещать политические обозрения и статьи по политическим вопросам [15]. Это заключение было послано также министру внутренних дел, а цензурный комитет с удвоенной энергией принялся рассматривать статьи, предназначенные к помещению во второй книге «Азиатского вестника». Запрещения следовали одно за другим. Статья Шашкова «Красноярск и золотопромышленность» была запрещена цензурным комитетом, как имеющая «обличительный характер». «Статья Шашкова,— читаем мы в журнале заседаний цензурного комитета,— ... есть описание прежних, отчасти и нынеших порядков на золотых приисках в Сибири, безобразий, совершаемых там золотопромышленниками, тяжелого и невознаградимого труда, который достается на долю рабочих; подобной оценке подвергается и местная администрация» [16]. Запрещалось цензурой и стихотворение «Вольтер в Бастилии», автор которого не указывался. «Сидящий в каземате философ, услышав доносящийся до него гул народной толпы, предрекает, что люди площадей скоро меж ними — узниками-философами будут находить вождей»,— так излагает цензор содержание стихотворения и делает дальше вывод, что основная мысль стихотворения — торжество революции [17].

22 марта 1872 г. цензурный комитет получил новое заключение совета Главного управления по делам печати, на этот раз утвержденное министром внутренних дел. В нем поощрялись действия предварительной цензуры, которая «сделала все возможное, чтобы обесцветить... статьи» первой книги «Азиатского вестника», выражалось опасение, что журнал будет «проводить социально-демократическое учение [18]. Поэтому цензуре предписывалось относиться «с особой строгостью» к «Азиатскому вестнику»..., так как журнал с первого номера принял «неблагонадежное направление» [19]. Главное управление по делам печати выразило особое возмущение намерением редакции «Азиатского вестника» помещать на своих страницах вместо перечня иностранных событий «теоретическое решение нерешенных проблем», из числа которых журнал ставил на первое место «коренные изменения экономического быта» [20]. В результате вторая книга журнала, вполне подготовленная к печати, о чем свидетельствует в своих воспоминаниях секретарь редакции Ясинский, так и не увидела света [21].

Каталоги библиотек, библиографические указатели, данные архивов говорят о выходе только первой книги «Азиатского вестника». Однако в некрологах о Пашино и в Русском биографическом словаре имеются указания на то, что Пашино выпустил два номера журнала.

---

[13] ЦГИАЛ ф. 777, оп. 2, ед. хр. 31, л. 9.
[14] Там же л, 16.
[15] Там же.
[16] Там же, л. 15.
[17] Там же.
[18] Там же, л. 18.
[19] Там же, л. 18—19.
[20] Там же, л. 19.
[21] *И. Ясинский.* Указ. соч., стр. 675.

Второй номер журнала «Азиатский вестник» был найден автором этой статьи в Исторической библиотеке Москвы, в одном переплете с первым номером. Некогда книга принадлежала П. А. Ефремову, о чем говорит дарственная надпись Пашино: «П. А. Ефремову — библиографическая редкость. Пашино». Вторая книга действительно не вышла в свет, но она была отпечатана. Почему уже отпечатанная книга не поступила в продажу, сказать трудно. Всего несколько экземпляров ее было, очевидно, роздано Пашино своим друзьям и знакомым.

Вторая книга «Азиатского вестника» — это уже определенно востоковедный журнал. Все статьи его посвящены зарубежному Востоку и Востоку России. Во втором номере имелось продолжение статьи Н. Шелгунова «Французы крайнего Востока», где автор излагал японскую религиозную космогонию, мифы и обряды, историю христианства в Японии. Большое внимание уделял Шелгунов последнему труду М. Венюкова «Очерки Японии» — результату его путешествия в страну. Статья В. Лесевича «Очерки мифических верований» трактовала развитие мифических представлений в связи с важнейшими событиями в жизни первобытного человека (например, добывание огня). Особое внимание в статье уделено индийским мифам и такому памятнику, как Ригведы. Небольшая статья без подписи «Зрелища, праздники и обряды в Индии», чисто описательного характера, сообщала о паломничестве в священный город «Аюджи» — столицу Ауда, о мистериях и празднествах в честь различных богов индусского пантеона. Автор приводит также несколько индусских легенд.

Злободневному тогда вопросу о Египте была посвящена статья Н. Шелгунова «Помещик-реформатор». Большой и интересный фактический материал позволил автору охарактеризовать не только современное ему состояние Египта, но и деятельность Мухаммеда Али, который сделал попытку превратить Египет из провинции, подчиненной турецкому султану, в независимое государство. Шелгунов показывает Мухаммеда Али как восточного деспота, который руководствуется не столько государственными, сколько личными интересами и смотрит на Египет как на свою собственность. Существо внутренней политики египетского паши Шелгунов определил следующим образом: «Министерство финансов существует в Египте не для того, чтобы содействовать развитию производительных сил страны, оно считает своей задачей выжимать из народа последний сок, чтобы удовлетворять безумной расточительности хедива и его двора» [22]. Все внимание Шелгунова обращено к феллаху, к нему он относится с постоянной симпатией и участием. В современном автору Египте Шелгунов видел множество «всяких противоречий», основным из которых было противоречие между феодальной верхушкой и трудовым крестьянством.

Где же выход? Автор его не указывал, возможно, по цензурным соображениям. Лишь в одном месте статьи он глухо говорил о неизбежном социально-экономическом перевороте, который, вероятно, и выправил бы создавшееся положение в стране. Состояние современного автору Египта дало возможность ярко и остро характеризовать деспотизм как уродливую форму правления. Для умеющих читать между строк статья о Египте намекала на неприглядную российскую действительность.

Интересная статья П. А. Ефремова «о смерти А. С. Грибоедова была написана на основании рассказа перса [23], который сопровождал русскую миссию из Тавриза в Тегеран и находился при миссии во время пребывания ее в Тегеране, донесений секретаря русской миссии Мальцова—единственного оставшегося в живых члена русской миссии и некоторых других документов. Ефремов сетовал, что ему «не предоставлено права напечатать вполне имеющиеся у нас бумаги», но зато он сделал из них извлечения «в возможно обширном размере» [24]. Анализ источников позволил автору выяснить

---

[22] *И. Ясинский.* Указ. соч., стр. 335.
[23] Рассказ перса был помещен в журнале «Nouvelles annalles de voyages», 1830, vol. 48.
[24] «Азиатский вестник», кн. 2, стр. 365.

действительные обстоятельства гибели А. С. Грибоедова и возложить вину за убийство великого писателя как на шаха и на определенные круги персидского правительства, так и на «некую иностранную державу», которая «страшилась влияния посланника нашего на персидское правительство» (Ефремов намекал на Англию). Статья Ефремова впоследствии была напечатана в «Русском архиве» за 1872 г., причем автор сопроводил ее публикацией важных документов. В наше время эта статья Ефремова высоко оценена советским историком В. Т. Пашуто, который считает ее «незаслуженно забытой»[25].

Статья Ефремова в свое время представляла большой интерес. Она отличалась глубиной анализа, содержала новые факты, разрушала утверждения предыдущих публикаций, где недостоверные факты переплетались с прямым вымыслом; она отвергала официальную версию, и потому, как справедливо замечает В. Т. Пашуто, статью Ефремова пытались замолчать. Были сделаны даже попытки вернуться к заведомо неправильным положениям[26].

Если статья Ефремова представляла интерес исторический, то три корреспонденции с восточных окраин России и Кавказа были весьма злободневны. В «Заметке о современном состоянии нашей торговли с Средней Азией» толково излагалась история торговых взаимоотношений России со среднеазиатскими ханствами со времен Крымской войны. Упадок и застой торговли в 80-х гг. объяснялся в заметке падением покупательной способности населения в связи с недавними военными событиями, конкуренцией английского и американского хлопка и плохой изученностью азиатского рынка русскими купцами. Автор указывал на необходимость расширения торговли хлопком и другими товарами, но прежде всего, по его мнению, надлежало энергично исследовать условия среднеазиатской торговли в целом и улучшить транспорт, соорудив новый железнодорожный путь между Оренбургом и Самарой.

В корреспонденции В. В. Скорнякова «Из Енисейска» указывалось, что золотопромышленность Сибири не оказала положительного влияния на развитие края. В то время в прессе можно было прочесть статьи и заметки, где говорилось о необходимости реформ в золотопромышленности в связи с кризисом в этой отрасли хозяйства. «Нам нужна не коренная реформа в золотопромышленности,— писал автор,— а коренная реформа в нашей политической и экономической жизни».

Вопросу о необходимости изменений в политике переселения в Сибирь был посвящен очерк-рассказ Ядринцева «На чужой стороне».

Во второй книге был сохранен и отдел «Новости, заметки и проч.» В заметке «Новый вид рабства в английских колониях и меры против него» автор определял положение законтрактованных кули, особенно в Британской Гвиане, как «рабство в полном смысле слова»[27].

Как видим, общая направленность журнала резко противоречила официальным установкам, поэтому второй номер журнала, уже отпечатанный и сброшированный, не поступил в продажу.

* * *

В 70—80-х годах XIX в. Восток все более выдвигался на первый план в международной политике капиталистических держав. Повсюду на Востоке гремели выстрелы английских, американских, французских орудий, скрепляя неравноправные договоры кровью порабощаемых народов. В последней четверти XIX в. шло присоединение к Российской империи обширных земель в Средней Азии. Появление «Азиатского вестника» в 1872 г.

---

[25] *В. Т. Пашуто.* Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. «Исторические записки АН СССР», 1947, № 24, стр. 113.

[26] Там же, стр. 114.

[27] «Азиатский вестник», кн. 2, стр. 110.

могло стать положительным фактом в борьбе демократической общественности России против колониальной политики капиталистических государств. Журнал обещал быть актуальным и доступным широким кругам читающей публики: его статьи были изложены живым, легким языком.

То, что в первой книге журнала были помещены статьи, не имевшие отношения к Востоку, делало «Азиатский вестник» похожим на другие современные ему журналы, писавшие обо всем понемногу и снижало его значение как печатного органа, посвященного вопросам Востока. Однако статьи второй книги «Азиатского вестника» имели уже полностью восточную тематику.

Переводы и перепечатки в журнале совершенно отсутствовали. Все статьи были оригинальными. В них светилась яркая демократическая мысль. Опасение цензуры, что «Азиатский вестник» мог стать проводником «социально-демократических учений», было вполне обоснованным.

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ *

Е. Ф. КОВАЛЕВ

Советское китаеведение опирается на лучшие традиции дореволюционной русской синологии, отражавшей прогрессивное, гуманистическое направление общественной мысли в России.

Труды основоположника русского китаеведения монаха Иакинфа Бичурина [1] (1777—1853) и его преемников — архимандрита Палладия (П. И. Кафарова) [2] (1817—1878), В. П. Васильева [3] (1818—1900) и других русских востоковедов высоко оценены советской наукой. Произведения этих ученых проникнуты горячим сочувствием к китайскому народу, твердой верой в его лучшее будущее, искренним восхищением самобытной культурой Китая, подчеркивают исторически сложившуюся дружбу русского и китайского народов.

Используя научное наследие, оставшееся от прошлого русского китаеведения [4], советские ученые сделали значительный шаг вперед, прокладывая новые пути в изучении Китая.

Советскому востоковедению чуждо беспредметное любование экзотической красочностью Востока, заслоняющее богатство материальной и духовной культуры восточных народов и отвлекающее внимание от пороков колониальной системы.

Исходным пунктом советского китаеведения является изучение многогранной жизни китайского народа — творца своей истории и своей культуры.

---

* Доклад, прочитанный автором на XXIII Международном конгрессе востоковедов в Кембридже.

[1] «Описание Тибета в нынешнем его состоянии». Пер. с китайского монаха Иакинфа. СПб., 1828, 249 стр.; «Описание Пекина с приложением плана сей столицы, снятого в 1817 г.». Пер. с китайского монаха Иакинфа, т. XVI. СПб., 1829, 122 стр.; *Иакинф (Бичурин)*. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840, 442 стр.; *его же*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1—3. СПб., 1851; 2-е изд. М.— Л., 1950—1953 и др.

[2] *Палладий Кафаров*. Китайская литература магометан. СПб., 1887, 334 стр.; *его же*. О торговых путях по Китаю и подвластным ему владениям. Б. м. и г., 259 стр.; *Палладий*, архимандрит, и *П. С. Попов*. Китайско-русский словарь, тт. 1—2. Пекин, 1888 и др.

[3] *В. П. Васильев*. Анализ китайских гиероглифов, ч. 2. СПб., 1884, 92 стр.; 2-е изд.— 1898, ч. 1, 133 стр.; *его же*. Буддизм, его догматы, история и литература, ч. 1. СПб., 1857, 353 стр.; *его же*. История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII в. Пер. с китайского. СПб., 1857, 235 стр.; *его же*. Сведения о манчжурах во времена династии Юань и Мин. СПб., 1863, 75 стр. и др.

[4] Так, например, подготовлен к изданию труд «Тун Цзянь Ган-му», переведенный с китайского И. Бичуриным.

История Китая рассматривается как история развития производительных сил и производственных отношений в конкретных исторических условиях страны, а народ — как движущая сила китайского общества. Такой подход к изучению Китая дает советским исследователям обширное поле деятельности и возможность объективных научных обобщений, подтверждаемых фактами и документами. Вместе с этим выявляются роль и место Китая в мировом развитии.

В круг вопросов, изучаемых советским китаеведением, входят история, литература, языки, искусство, экономика, памятники материальной культуры народов Китая.

Изучение Китая в Советском Союзе в основном сосредоточено в Институте востоковедения Академии наук СССР. В секторе восточных рукописей Института собраны и изучаются богатейшие фонды китайских рукописей и ксилографов (VI—IX вв.). Ценнейшие памятники материальной культуры древнего Китая хранятся и исследуются в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. История, литература и экономика Китая изучаются на отделениях Востока исторического и филологического факультетов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, на восточном факультете Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова.

Работы советских востоковедов выходят либо отдельными изданиями, либо публикуются в «Ученых записках Института востоковедения Академии наук СССР», «Кратких сообщениях Института востоковедения Академии наук СССР», «Вестнике древней истории Института истории Академии наук СССР», в журналах «Вопросы истории», «Вопросы языкознания», «Вопросы философии», «Вопросы экономики», в изданиях Московского и Ленинградского государственных университетов и в других изданиях Советского Союза.

Советские ученые разрабатывают ряд проблем прошлого и настоящего китайского народа: периодизацию древней и средневековой истории, особенности рабовладельческого и феодального строя, характер национально-освободительного движения и другие проблемы истории Китая.

В 1953 г. в 21-м томе второго издания Большой Советской Энциклопедии была опубликована обширная работа — «Китай». Этот труд содержит систематизированный материал по истории первобытно-общинного строя, рабовладельческого и феодального общества Китая, по новой и новейшей истории страны.

Советские историки работают над капитальным трудом — четырехтомной историей Китая, объемом свыше ста печатных листов. Усилиями коллектива советских востоковедов предпринята попытка создать большое исследование, охватывающее древнюю, средневековую, новую и новейшую историю Китая. Эта работа, осуществляемая под руководством Института востоковедения Академии наук СССР, опирающаяся на последние данные археологии и палеографии, на мало известные или почти не известные источники раннего и позднего средневековья, на новую документацию экономического и политического развития страны, должна дать всестороннее освещение многовековой истории китайского народа, его материальной и духовной культуры.

Большое место занимает история Китая в многотомной «Всемирной истории», подготавливаемой к изданию Институтом истории Академии наук СССР.

Ученые нашей страны пытливо изучают социально-экономический строй древнего Китая. Осваивая китайские исторические и литературные памятники, советские востоковеды уточняют периодизацию истории древнего Китая. Работы Л. И. Думана [5], Л. В. Симановской [6] и других свидетельствуют о настойчивых усилиях советских ученых решить одну из многих нерешенных проблем далекого прошлого величайшей страны Азии. В этой связи следует отметить подготовленный к печати первый том

---

[5] *Л. И. Думан*. Очерки по древней истории Китая (XII в. до н. э.— I в. н. э.). Л., 1938, 289 стр.

[6] *Л. В. Симановская*. Вопросы периодизации древней истории Китая. «Вестник древней истории». М., 1950, № 1, стр. 37—47.

«Всемирной истории», в котором, наряду с историей других народов, дается история древнего Китая.

В 1950 г. впервые на русском языке вышел перевод с китайского «Трактата о военном искусстве» Сунь-цзы (конец VI— начало V в. до н. э.). Перевод и комментарии к трактату чл.-корр. АН СССР Н. И. Конрада [7] являются ценным вкладом в советское китаеведение, обогащающим наши представления о военном деле и об одном из выдающихся теоретиков военного искусства древнего Китая.

Изучению идеологии и показу богатств духовной культуры древнего Китая посвящены отдельные работы советских философов. Подготовленное к изданию исследование А. А. Петрова о выдающемся материалисте ханьской эпохи Ван Чуне (27—96 гг.) является первой попыткой в советской литературе дать научное толкование наиболее значительных страниц истории борьбы с конфуцианской теологией. Работа другого советского ученого, Яи Хин-шуна, «Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение» [8], вышедшая в 1950 г., раскрывает содержание учения одного из крупнейших философов древнего Китая — Лао-цзы (VI—V вв. до н. э.).

В работах советских китаеведов по новой и новейшей истории Китая вскрываются социально-экономические основы народной революции и ее особенности, вытекающие из специфических черт прошлого полуколониального положения страны, ход революции, приведший к исторической победе китайского народа и к образованию свободной и независимой Китайской Народной Республики.

Анализу крестьянского движения в Китае во второй половине XIX в. посвящена работа о тайпинах Г. С. Кара-Мурзы, вышедшая в 1941 г. [9]

Готовится к изданию обстоятельная работа д-ра ист. наук С. Л. Тихвинского, исследующая малоизученный в советской литературе период реформ Кан Ю-вэя — лидера реформаторского движения в Китае конца XIX в.

«Очерки по новой и новейшей истории Китая» заведующего кафедрой истории стран Дальнего Востока Ленинградского государственного университета Г. Е. Ефимова [10], вышедшие вторым изданием в 1951 г., дают последовательное изложение истории страны с XVII в. Последние главы посвящены вопросам образования и строительства Китайской Народной Республики.

Процессы образования и развития Китайской Народной Республики, свидетельствующие о коренных изменениях на Дальнем Востоке и показывающие превращение бывшего полуколониального Китая в великую державу мира, внимательно изучаются советскими учеными (В. Я. Аварин [11], Г. В. Астафьев [12] и др.).

«Краткая история искусства Китая» О. Н. Глухаревой и Б. П. Денике [13], опубликованная в 1948 г., представляет собой первое исследование в советской литературе, дающее описание исключительных памятников архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства Китая, начиная с культуры Яншао (IV—III тысячелетия до н. э.) и кончая новым временем. Эта коллективная работа двух авторов рассказывает читателям о больших культурных ценностях, из которых многие были созданы гением китайского народа еще задолго до того, как сложилась цивилизация в Европе.

[7] *Н. И. Конрад.* Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Пер. и исследование. М.—Л., 1950, 401 стр.

[8] *Ян Хин-шун.* Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.— Л., 1950, 160 стр.

[9] *Г. С. Кара-Мурза.* Тайпины. Великая крестьянская война и Тайпинское государство в Китае 1850—1864 гг. М., 1941, 124 стр.; 2-изд.,—М., 1950, 140 стр. с илл.

[10] *Г. В. Ефимов.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1949, 436 стр.; 2 изд.— М., 1951, 575 стр.

[11] *В. Я. Аварин.* Борьба за Тихий океан. М., 1952, 671 стр.

[12] *Г. В. Астафьев.* Успехи китайского народа в борьбе за независимость и демократию. «Вопросы истории», 1949, № 5, стр. 26—52; *Г. В. Астафьев.* Проблемы восстановления и развития промышленности Китая. «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. II, 1951, стр. 144—190.

[13] *О. Н. Глухарева* и *Б. П. Денике.* Краткая история искусства Китая. М.— Л., 1948, 211 стр. с илл.

Советские филологи работают над созданием монографических исследований о китайской литературе и китайском языке, уделяя большое внимание переводам выдающихся литературных и исторических памятников Китая.

Крупнейший советский синолог акад. В. М. Алексеев (1881—1951) за пятьдесят лет своей научной и педагогической деятельности создал много трудов по литературе, языку и культуре Китая. Им были переведены новеллы Ляо Чжая (Пу Сун-лин, 1622—1715) [14]; точность и художественные достоинства его переводов пока непревзойдены. В годы Великой Отечественной войны В. М. Алексеев в «Известиях Академии наук СССР» и других изданиях опубликовал статьи и снабженные подробным комментарием переводы китайской классической художественной литературы: «Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве», с приложением перевода поэмы Лу Цзи (261—303) «Ода изящному слову» [15], «Отражение борьбы с завоевателями в истории и литературе Китая» с приложением перевода поэмы танского поэта Ли Хуа «Плач на древнем поле сражения» [16] и ряд других произведений.

Стихи великого китайского поэта танской эпохи Бо Цзюй-и (772—846) [17], переведенные на русский язык кандидатом филологических наук Л. З. Эйдлиным, выдержали два издания: первое вышло в 1949 г., второе — в 1951 г. Молодой советский лингвист В. А. Панасюк впервые перевел на русский язык знаменитый китайский роман «Троецарствие» (Саньго яньи) Ло Гуань-чжуна [18] (приблизительно 1330—1400 гг.), первый том которого появился в начале этого года. Готовится перевод одного из памятников китайской народной литературы — романа «Речные заводи» (Шуйху), написанного около шестисот лет назад. Кроме того, готовятся переводы «Книги песен» (Шицзин, XI—VI вв. до н. э.) и «Исторических записок» (Шицзи) Сыма Цяня. Переводы китайских литературных памятников и произведений классиков знакомят советских читателей с реалистическими традициями китайской народной литературы, восходящими к глубокой древности.

Советское литературоведение пополнилось оригинальной работой о китайской литературе д-ра филол. наук Н. Т. Федоренко. Его «Очерки современной китайской литературы» [19], вышедшие в 1953 г., подчеркивают народность художественной литературы победившего Китая. Над изучением творчества великого китайского писателя Лу Синя (1881—1936) работает доцент Московского государственного университета Л. Д. Позднеева.

Несомненной любовью советских людей пользуется современная художественная китайская литература, правдиво и ярко отражающая жизнь народа.

[14] *Ляо Чжай* (Пу Сун-лин). Лисьи чары. Пер. и предисл. В. М. Алексеева. 1921, 158 стр.; *его же.* Монахи-волшебники. Пер. и предисл. В. М. Алексеева, 1928, 206 стр.; *его же.* Рассказы о людях необычайных. Пер., предисл. и коммент. В. М. Алексеева. М. — Л., 1937, 494 стр. с илл.

[15] *В. М. Алексеев.* Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве. Прил., комментарий-парафраз к «Оде изящному слову (Вэньфу)» поэта Лу Цзи (Ши-хэн). «Известия АН СССР», Отд. литературы и языка, 1944, т. III, вып. 4, стр. 143—164.

[16] *В. М. Алексеев.* Отражение борьбы с завоевателями в истории и литературе Китая. Прил.— строфы Ли Хуа «Плач на древнем поле сражения». «Известия АН СССР». Отд. литературы и языка, 1945, т. IV, вып. 5, стр. 187—199.

[17] *Бо Цзюй-и.* Четверостишия. Пер., вступ. статья и коммент. Л. Эйдлина. М., Гослитиздат, 1949, 224 стр.; 2 изд.—М. 1951, 240 стр.

[18] *Ло Гуань-чжун.* Троецарствие, исторический роман в двух томах, т. I. Пер. с китайского и коммент. В. А. Панасюка. М., 1954, 792 стр. т. II. М., 1954, 791 стр.

[19] *Н. Т. Федоренко.* Очерки современной китайской литературы. М., 1953, 256 стр.

В Советском Союзе на различных языках страны изданы сотни книг китайских писателей, сборников прозы, поэзии, народных сказок. Неоднократно переиздавались произведения Лу Синя. На русском языке вышли отдельные произведения Го Мо-жо, Шао Дуня, Дин Лин, Чжао Шу-ли, Чжоу Ли-бо, Лю Бай-юя, Ма Фына, Ай Цина, Эми Сяо и других писателей и поэтов нового Китая.

Большое внимание уделяется изучению китайского языка. Советские лингвисты В. С. Колоколов, Б. К. Пашков работают над историей китайской письменности и китайского языка. В 1952 г. вышли «Исследования по грамматике современного китайского языка» проф. А. А. Драгунова [20]. В книге предлагается решение ряда вопросов грамматики современного китайского языка и дается грамматическое обоснование частей речи в китайском языке. Пособием по изучению современного китайского языка является изданный два года назад китайско-русский словарь под редакцией проф. И. М. Ошанина [21]. Словарь, составленный по графической системе, содержит около 65 тыс. слов и выражений и является новым вкладом советских лингвистов в дело обобщения словарного богатства китайского языка. Готовится второе, дополненное издание словаря.

Научная общественность нашей страны проявляет большой интерес к трудам ученых Китайской Народной Республики. В публичных и научных библиотеках наблюдается большой спрос на литературу о новом Китае, о его экономике, политической и культурной жизни. Широкое распространение получили теоретические работы вождя китайского народа Мао Цзэ-дуна, переведенные на русский язык и изданные в Москве. С мая 1952 г. вышло уже четыре тома избранных произведений Мао Цзэ-дуна. Переведено на русский язык и издано немало книг китайских историков и экономистов.

Советское востоковедение придает огромное значение изучению прошлой полуколониальной и полуфеодальной экономики Китая, а также народного хозяйства Китайской Народной Республики. Изучение экономического строя общества помогает советским ученым правильно разобраться в сложных политических явлениях данного исторического этапа развития страны. Историко-экономическая работа проф. В. А. Масленникова «Китай» [22], опубликованная в 1946 г., анализирует экономические и политические изменения, которые произошли в стране за период 1914—1937 гг. Работа автора этих строк «Аренда и арендные отношения в Китае» [23], вышедшая в 1947 г., является попыткой обобщить некоторые социально-экономические процессы, происходившие в китайской деревне в довоенное время и в период второй мировой войны. Подготовлена к печати капитальная работа проф. В. А. Масленникова «Экономический строй Китайской Народной Республики».

* * *

Советские люди питают чувство глубокого уважения к свободолюбивому китайскому народу, проявляют огромный интерес к его истории и культуре. Эти чувства и интересы советских людей — яркое свидетельство дружбы народов нашей страны с народами Китая. Советское китаеведение способствует благородному делу укрепления дружбы между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Советско-китайская дружба, содружество советских и китайских ученых, как и дружба между всеми народами и содружество между всеми учеными мира, отвечает интересам всего миролюбивого человечества.

---

[20] *А. А. Драгунов.* Исследования по грамматике современного китайского языка, т. I. М.— Л., 1952, 232 стр.

[21] Китайско-русский словарь, под ред. И. М. Ошанина. М., 1952, XIII, 890 стр.

[22] *В А. Масленников.* Китай. М., 1946, 263 стр.

[23] *Е. Ф. Ковалев.* Аренда и арендные отношения в Китае. Очерк. М., 1947, 110 стр.

ВСТРЕЧА ДЕЛЕГАЦИЙ СТОРОННИКОВ МИРА СИРИИ И ЛИВАНА С СОВЕТСКИМИ ВОСТОКОВЕДАМИ

13 мая с. г. в Институте востоковедения Академии наук СССР состоялась встреча советских востоковедов с сирийской и ливанской делегациями сторонников мира, прибывшими в СССР по приглашению Советского комитета защиты мира и ВОКС. В составе делегации — юристы, инженеры, журналисты, врачи, художники.

Краткой вступительной речью гостей приветствовал директор Института востоковедения, чл.-корр. Академии наук СССР А. А. Губер, отметивший, что данная встреча послужит делу дальнейшего укрепления культурных связей между народами Сирии, Ливана и Советского Союза.

С приветствиями от коллектива работников Института выступили чл.-корр. Академии наук СССР Н. В. Пигулевская и старший научный сотрудник Института канд. эконом. наук Л. Н. Ватолина.

Видный общественный деятель Ливана, доктор Жорж Ханна рассказал собравшимся о борьбе за мир, которую ведет народ Ливана.

Говоря о чувствах глубокой любви народов арабских стран к Советскому Союзу, Ханна отметил, что огромные успехи советского народа в хозяйственном и культурном строительстве вдохновляют ливанских сторонников мира на еще более самоотверженную борьбу за мир и национальную независимость.

Жорж Ханна подчеркнул, что империалисты могут повести за собой наиболее реакционную часть имущих классов Ливана, но не ливанский народ, который не поддержит их агрессивных планов.

Член сирийской делегации, директор библиотеки Дамасского музея, Мунир Сулейман заявил, что на него огромное впечатление произвела тяга советских людей к знанию. Это, сказал он, в частности, проявляется в том, что библиотеки в Советском Союзе с раннего утра до поздней ночи заполнены читателями. Мунир Сулейман отметил, что, по его мнению, в Советском Союзе развитию культуры уделяется исключительное внимание.

Гости ответили на многочисленные вопросы присутствующих. Глава сирийской делегации, секретарь Национального комитета сторонников мира Сирии адвокат Мустафа Амин, отвечая на вопрос о положении крестьян в Сирии, заявил, что прогрессивно настроенные депутаты сирийского парламента внесли новый законопроект об аграрной реформе, который до сего времени еще не реализован. Мустафа Амин отметил, что движение за мир в Сирии охватывает широкие массы народа, в том числе крестьян. Из 100 тыс. подписей, поставленных в Сирии под Венским обращением Всемирного Совета Мира, половина собрана в сельских местностях. Коснувшись вопроса о просвещении, Мустафа Амин сказал, что за последний год в Сирии были увеличены ассигнования на нужды просвещения. Выросло число школ, особенно в сельских местностях, а число студентов в сирийском университете в Дамаске возросло до 7 тыс.

В ответах на вопросы, касающиеся развития прогрессивной литературы Сирии и Ливана, литературного арабского языка и его диалектов, приняли участие член бюро

Всемирного Совета Мира, руководитель ливанской делегации Антуан Табет, доктор Жорж Ханна, журналист Насиб Нумр, инженер Ихсан ал-Джабри и другие члены делегаций.

Антуан Табет от имени делегатов преподнес в дар Институту востоковедения книги, изданные за последнее время в Дамаске и Бейруте. Среди них — переводы на арабский язык произведений Пушкина, Льва Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, Шолохова, Б. Горбатова, И. Эренбурга и других.

А. А. Губер поблагодарил гостей за подарки и в свою очередь передал им ряд работ, изданных Институтом востоковедения.

Встреча советских востоковедов с членами сирийской и ливанской делегаций сторонников мира носила теплый и дружеский характер.

В. Федоренко

О РАБОТЕ ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА ИЗУЧАЮЩИХ СССР

Среди многих демократических ассоциаций современной Японии успешно действует Общество изучающих СССР. Это общество было основано 23 декабря 1945 г., вскоре после окончания второй мировой войны. Его организаторами были прогрессивные деятели культуры, глубоко убежденные в том, что распространением правдивых, не искаженных империалистической пропагандой знаний о Советском Союзе Общество будет содействовать укреплению мира в Азии и во всем мире.

В задачи Общества входит систематическое изучение достижений Советского Союза во всех областях его жизни и широкое распространение этих сведений среди трудящихся масс Японии с целью укрепления культурных связей и дружбы между народами этих стран.

В члены Общества принимаются все, без различия политических взглядов и партийной принадлежности, кто согласен с целями Общества и желает изучать ту или иную сторону жизни Советского Союза.

В последние годы отмечается быстрый рост числа членов Общества. Так, с октября 1953 г. по октябрь 1954 г. число членов Общества увеличилось почти в два раза, и в настоящее время в Обществе насчитывается свыше 400 человек. Большинство из них находится в Токио, однако растет число вступающих в Общество и в других городах страны. В 1954 г. были организованы первые местные отделения Общества в городах Осака, Киото и Нагоя.

Высшим органом Общества является общее собрание, созываемое согласно уставу раз в год. Общее собрание избирает президента, его заместителя и членов правления. Правление руководит деятельностью Общества в промежутках между общими собраниями, которым оно подотчетно.

На общем собрании, которое состоялось в октябре 1954 г., было избрано руководство в следующем составе: президент — Тодзава Тэцухико (член Академии наук Японии, профессор университета города Нагоя); заместитель президента—Ока Кунио (известный прогрессивный научный деятель в области истории естествознания); председатель правления — Йокэмура Йоситаро (специалист в области русского языка и литературы, профессор). Членами правления общества являются виднейшие представители прогрессивной интеллигенции Японии.

Изучение Советского Союза ведется в трех секциях Общества: секции общественных наук, секции естественных наук и секции литературы и искусства. На секциях периодически организуются доклады и дискуссии.

В высших учебных заведениях, в учреждениях и на предприятиях члены Общества организуют кружки по изучению СССР, руководят этими кружками. Число таких кружков в Японии увеличивается, особенно в последнее время.

Общество изучающих СССР сыграло видную роль при создании в 1948 г. Общества японо-советской дружбы, с которым оно постоянно поддерживает теснейшую связь.

Общество издает научно-исследовательские и популярные журналы и книги о

Советском Союзе, публикует переводы книг, выходящих в Советском Союзе, составляет тематические сборники из статей советских авторов.

За последние годы были изданы следующие журналы и книги: «Советская культура» — ежемесячный журнал (в 1946—1949 гг. вышло 16 номеров); «Изучение русской литературы» — ежегодник (в 1946—1950 гг. вышло 5 номеров); «Сборник статей по изучению СССР» — трехмесячник (в 1947—1949 гг. вышло 4 номера); «Бюллетень о СССР» — ежемесячный журнал (в 1952—1953 гг. вышло 9 номеров); «Сборник статей и сведений об СССР»— трехмесячник (в 1952—1953 гг. вышло 4 номера); «Известия о советской литературе» (в 1952—1953 гг. вышло 5 номеров); «Вопросы общественных наук» — сборник переводов советских статей (издано 2 номера); «Изучающие СССР», орган Общества (за все время издано 38 номеров); «Исторический материализм» под ред. Константинова; «Материальная и культурная жизнь советского народа» (1953); «Документы XIX Съезда КПСС» (1953); «Марксистский диалектический метод» под ред. Розенталя (1954); «Избранные сочинения Г. М. Маленкова» (1953); «Коммунистическая мораль» (1952); «Освещение советского общества» (сборник переводов советских статей); «Новый этап советской культуры» (сборник докладов и статей А. А. Жданова); «Письма И. В. Сталина писателям»; «Литературная политика в СССР» (сборник постановлений и резолюций ЦК КПСС и Советского правительства); «Ленин о Толстом»; «Структура и политика народно-демократических государств»; «Тетрадь по советской литературе» (подготовлено к печати); «Краткий философский словарь» под ред. Розенталя и другие.

Одним из важных видов деятельности Общества является организация лекций и докладов для широкой аудитории. Только за последний год были организованы циклы лекций о Чехове и русской литературе, о советской литературе, о материальной и культурной жизни советского народа, о достижениях в области естественных наук в СССР.

Л. Г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ВОСТОЧНОЙ ФИЛОЛОГИИ

28—30 марта 1955 г. при Президиуме Академии наук СССР состоялось Всесоюзное совещание по вопросам восточной филологии. Это совещание, посвященное важнейшим проблемам, связанным с изучением истории, языка и литературы народов советского и зарубежного Востока, явилось значительным событием в научной жизни страны и вызвало огромный интерес востоковедов всех специальностей.

В совещании приняли участие научные сотрудники институтов востоковедения, языкознания, этнографии, истории материальной культуры АН СССР, институтов языка и литературы академий наук союзных республик, профессора и преподаватели университетов и институтов Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Ташкента, Баку, Казани и других городов, а также представители некоторых государственных издательств и библиотек.

На совещании были заслушаны доклад директора Института востоковедения АН СССР чл.-корр. АН СССР А. А. Губера «О состоянии и задачах восточной филологии» и содоклад чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса «Задачи восточной филологии в академиях наук союзных республик» [1].

После докладов развернулись оживленные прения, которые показали, насколько своевременным явился созыв этого совещания, призванного разрешить назревшие вопросы и содействовать поднятию уровня советской восточной филологии.

Обсуждение открыла чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. В своем выступлении она подчеркнула важность подготовки кадров востоковедов на более высоком филологическом уровне. Только на основе серьезного знания языка, литературы и истории можно будет решить проблемы, которые стоят перед советскими учеными в области изучения Востока в целом.

Н. В. Пигулевская отметила, что следует возобновить занятия коптским и амхарским языками, относящимися в настоящее время к забытым специальностям, и подчеркнула важность изучения новых археологических материалов — эфталийских грамот, парфянских документов и др.,— работа над которыми требует значительного числа подготовленных специалистов.

В своем выступлении акад. И. А. Орбели поставил вопрос о необходимости филологического образования для востоковедов всех специальностей. Нельзя быть, например, хорошим историком, не умея пользоваться историческими хрониками, летописями и литературными памятниками. И. А. Орбели отметил, что в некоторых республиках, в частности в Армянской ССР, весьма своеобразно поняли указание о необходимости изучать актуальные проблемы и пытаются ограничить круг этих проблем только XX в.

---

[1] Тезисы доклада А. А. Губера положены в основу редакционной статьи. Отдельные положения содоклада Е. Э. Бертельса использованы им в статье «К вопросу о филологической основе изучения восточных источников. См. стр. 11—18 настоящего номера.

Говоря о важности издания письменных памятников на восточных языках, И. А. Орбели сказал, что часто публикация того или иного памятника задерживается или вовсе откладывается из-за «идеологической невыдержанности» последнего. Эта ничем не оправданная «аллахобоязнь», «аствацобоязнь» и т. д. лишает историков и филологов ценного фактического материала, который помог бы осветить многие невыясненные проблемы истории культуры и языка народов Востока.

Ст. научный сотрудник Института языкознания Э. В. Севортян остановился на некоторых вопросах изучения тюркских языков. В настоящее время, отметил Э. В. Севортян, заканчивается этап тюркологической работы, связанный с необходимостью удовлетворить насущные нужды развивающихся литературных тюркских языков, национальной высшей и средней школы. Основным содержанием многолетней работы на этом этапе было создание письменности, описание мало известных ранее тюркских языков, создание научных и учебных грамматик, различных словарей и диалектологических сводов. В процессе этой работы перед советскими тюркологами возник ряд проблем грамматического, лексикологического и семасиологического порядка, в частности, вопрос о частях речи, о придаточном предложении гипотактического типа, о литературном языке и его диалектной основе и т. д., разрешение которых невозможно без исторического языкознания. Э. В. Севортян особенно подчеркнул важность возобновления сравнительно-исторических исследований для тюркских языков с непродолжительной письменной традицией. Разрешение пока еще частных вопросов сравнительно-исторической фонетики, грамматики и лексикологии тюркских языков, а затем создание обстоятельных монографий, отметил Э. В. Севортян, требуют подготовки специалистов широкого тюркологического профиля, владеющих сравнительно-историческим методом, приемами палеографической и текстологической работы. Такие кадры могут быть созданы, с одной стороны, путем переподготовки части имеющихся у нас лингвистов-тюркологов и, с другой стороны, путем подготовки молодых историков языка под руководством наших крупнейших специалистов.

В своем выступлении В. П. Старинин затронул вопросы, связанные с обеспечением советских филологов книгами. Отметив неблагополучное положение со снабжением специалистов литературой, В. П. Старинин предложил ряд конкретных мер, которые, по его мнению, способствовали бы устранению существующих недостатков. Он предложил, в частности, переиздать многие произведения классиков отечественной и зарубежной филологии, ставшие библиографической редкостью, и более широко применять межбиблиотечный абонемент и микрофильмирование.

Зав. редакцией словарей на восточных языках Л. А. Мерварт, познакомив присутствующих с перспективными планами издания словарей и отметив недостаточный контакт между издательством и Институтом востоковедения, подняла вопрос о реорганизации Института востоковедения в Институт востоковедения и африканистики и о расширении в нем филологического сектора, в задачу которого входило бы и создание словарей и грамматик по всем восточным и африканским языкам.

Л. А. Мерварт охарактеризовала трудности, испытываемые издательством из-за недостатка шрифтов, и предложила созвать в Главиздате специальное совещание по этому вопросу.

Канд. филол. наук Н. Н. Коротков (Институт международных отношений) подробно остановился на задачах, стоящих перед советским китаеведением. Развивающиеся и упрочивающиеся с каждым днем всесторонние экономические и культурные связи между СССР и КНР диктуют необходимость обучать китайскому языку не только научных работников, педагогов и переводчиков, но и работников самых различных отраслей народного хозяйства. Не следует думать, отметил Н. Н. Коротков, что такую сложную проблему подготовки самых различных кадров можно решить путем массового набора в какое-то одно учебное заведение, как это делалось до сих пор. Существующая в настоящее время система преподавания китайского языка на соответствующих факультетах университетов и в ведомственных институтах при явно

недостаточном количестве часов, отводимых на изучение восточного языка, не может обеспечить полноценной подготовки даже с точки зрения узко практических задач.

Н. Н. Коротков предложил ввести преподавание китайского языка в некоторых средних школах; создать, наряду с существующими факультетами университетов, особый институт восточных языков с переводческим и педагогическим факультетами, образовав при нем специальную школу и курсы переводчиков по потребностям тех или иных ведомств.

В заключение Н. Н. Коротков отметил недостатки в планировании научной работы в Институте востоковедения АН СССР.

Положение в области восточной филологии в ЛГУ осветил в своем выступлении канд. истор. наук И. М. Дьяконов.

Далее обратив внимание участников совещания на необходимость улучшить издательское дело, И. М. Дьяконов предложил изменить существующий ныне порядок прохождения рукописей, значительно увеличить количество корректур и пересмотреть нормы оплаты наборщикам, занимающимся восточными текстами. Поддержав В. П. Старинина в вопросе о микрофильмировании, он указал на возможность использовать, кроме фотомеханического способа воспроизведения книг и рукописей, также способ литографии и даже топографическую аппаратуру.

Чл.-корр. АН СССР Г. В. Церетели отметил огромное значение востоковедных дисциплин для изучения истории и культуры Грузии и Закавказья в целом. Так, дешифровка древних текстов на многочисленных языках Передней Азии, филологический анализ этих текстов, необходимые для разрешения многих научных проблем, требуют основательного знания ассиро-вавилонского, древнееврейского, арамейского и других языков.

Говоря о специфике научно-исследовательской работы и особых трудностях преподавания восточных языков, Г. В. Церетели указал, что вопрос о свертывании или расширении востоковедной работы в институтах и университетах нельзя решать необдуманно. По мнению Г. В. Церетели, ведомственные вузы с чисто практическим уклоном не смогут подготовить даже квалифицированных переводчиков. Настоящее овладение восточными языками станет возможным только тогда, когда преподавание в вузах будет построено на научно-теоретической основе, а затем язык будет практически освоен в соответствующей языковой среде.

Ст. научный сотрудник Института востоковедения В. И. Беляев, охарактеризовав положение в семитологии, предложил объединить всех филологов-семитологов, создав в Институте востоковедения специальный сектор. Полностью поддержав Н. В. Пигулевскую по вопросу о подготовке кадров, В. И. Беляев указал, что расширение и улучшение обучения восточным языкам возможно только при разгрузке преподавателей. С этим тесно связан и вопрос об улучшении научно-исследовательской работы сотрудников факультета.

В своем выступлении проф. Г. Д. Санжеев отметил, что вопрос стоит очень остро не только в плане филологии или, в узком смысле этого слова, в текстологии. Недостаточно хорошо поставлено также изучение живых восточных языков.

В связи с этим он предложил организовать институт живых восточных языков, в котором основное внимание уделялось бы филологическому образованию.

Зав. отделом восточных рукописей АН Узбекской ССР А. К. Арендс подробно остановился на вопросах научного издания восточных рукописей. Подлинно научное издание требует одновременного выпуска текста оригинала и его перевода, снабженных обстоятельными комментариями. Однако в настоящее время в силу ряда объективных причин приходится ограничиваться публикацией только комментированных переводов, в связи с этим на переводчика ложится особенно строгая ответственность за точность воспроизведения содержания и формы рукописных памятников.

Ссылаясь на опыт переводческой работы Института востоковедения АН Узбекской ССР, А. К. Арендс указал, что подготовка перевода вовсе не означает ослабления работы над текстом; научный аппарат к переводу следует также снабжать заме-

чаниями текстологического характера, вплоть до фиксации разночтений и редакционных вариантов.

Востоковед, создавая перевод рукописного памятника как возможный широко доступный первоисточник для исторических и экономических исследований, должен уделять особенное внимание правильности передачи социальных, экономических и правовых терминов, встречающихся в тексте восточных источников и документов.

Отмечая большой разнобой в способах передачи на русский язык имен и названий не только в переводах текстов, но и вообще в востоковедной литературе, А. К. Арендс предложил образовать комиссию из востоковедов-филологов, которая разработала бы единые правила упрощенной фонетической транскрипции.

В заключение А. К. Арендс отметил, что наладить издание рукописных памятников мешают, по его мнению, две основные причины: отсутствие единого направляющего плана, возможного лишь при координации работы крупнейших востоковедных центров, и неблагожелательное отношение со стороны ряда издательств, покоящееся на ошибочном представлении, что распространять эти памятники не стоит, поскольку их содержание «не созвучно нашей эпохе».

Доц. Л. Д. Позднеева (МГУ) посвятила свое выступление некоторым вопросам подготовки востоковедных кадров, отметив определенные преимущества университетского образования. При небольших наборах на восточные факультеты и отделения очень важен особенно тщательный отбор поступающих, однако такой отбор обычно затруднен отсутствием возможности проверить способность поступающих к изучению восточных языков. Поэтому, по мнению Л. Д. Позднеевой, было бы целесообразно организовать изучение восточных языков, в частности китайского, в некоторых средних школах.

Л. Д. Позднеева указала на необходимость специализации в отдельных областях науки, подчеркнув при этом положительный опыт изучения китайского языка на таких факультетах МГУ, как экономический, географический, геологический и даже математический.

Чл.-корр. АН СССР Б. А. Серебренников в своем выступлении отметил, что востоковедение, как всякая развивающаяся наука, предполагает наличие совокупности различных аспектов, специальностей и профилей. Поэтому для нормального развития этой науки одинаково важно как изучение древних литератур и текстов, так и проблем современности.

Б. А. Серебренников указал далее, что первейшая практическая задача, которую необходимо разрешить после данного совещания, состоит в том, чтобы четко установить профиль работы, определить, какие востоковедные специальности нам нужны в настоящее время.

Д-р филол. наук А. Н. Кононов, отметив, что филология есть сложный комплекс самых разнообразных знаний языка в его лингвистическом понимании, литературоведения, текстологической техники, техники перевода и этимологических исследований, указал на две стороны, без учета которых невозможно поднять уровень восточной филологии. Во-первых, это изменение условий подготовки молодых филологов-востоковедов, для чего необходимо введение серии специальных курсов, таких как палеография, дипломатика и т. д., и, во-вторых, серьезная работа по плановому изданию восточных памятников и пособий по ряду разделов филологии.

А. Н. Кононов сказал, что создание такого рода пособий может проводиться не только силами советских филологов, иногда целесообразно прибегать и к кооперированию с зарубежными учеными, в первую очередь с востоковедами стран народной демократии.

Декан восточного факультета ЛГУ М. С. Иванов отметил некоторые недостатки, мешающие полноценной подготовке востоковедных кадров: недостаточность пополнения библиотечных фондов поступлениями новой литературы на восточных языках; отсутствие преподавателей — практиков по языкам таких стран, как Индия, Индонезия, Вьетнам; крайняя ограниченность издательских возможностей и полиграфической базы; перегруженность преподавателей восточных языков.

Д-р филол. наук И. М. Ошанин напомнил, что ведущее положение советской науки обязывает советских ученых быть особенно требовательными к себе. И. М. Ошанин призвал к налаживанию более тесного содружества академий наук Советского Союза и Китайской Народной Республики для совместного выполнения особенно больших и важных работ.

Касаясь вопроса о подготовке кадров, И. М. Ошанин отметил необходимость совмещать практическое овладение живым восточным языком с глубокой филологической подготовкой. Для улучшения подготовки филологических кадров через аспирантуру надо повысить требования к кандидатским диссертациям и пересмотреть программы кандидатского минимума. Кроме того, следовало бы открыть восточный вуз филологического направления и, возможно, среднюю школу при нем. Очень важным является тесное сотрудничество с учеными восточных стран, обучение и совершенствование в стране изучаемого языка. Это касается и студентов и в неменьшей степени молодых кандидатов наук.

В заключение И. М. Ошанин остановился на вопросе о недостатках в техническом обслуживании научной работы.

Определив место восточной филологии по отношению к востоковедению и по отношению к общей филологии, проф. Б. Н. Заходер высказался за университетскую подготовку, позволяющую изучать восточные языки в непосредственной связи с изучением общего и русского языкознания, и за подготовку филологов-востоковедов в Институте языкознания, а не в комплексном Институте востоковедения.

Б. Н. Заходер отметил необходимость критического освоения наследия и усиления непосредственной теоретической работы в области восточной филологии. Он обращает внимание на важность бережного отношения к крупным филологам, которых нужно окружить молодыми научными кадрами, способными перенять их опыт и знания.

Для организации широкого обмена опытом и мнениями проф. Заходер предлагает поставить вопрос о созыве съезда востоковедов и о создании Общества советских востоковедов. Без серьезной и постоянной критики, говорит он, развитие восточной филологии невозможно. Нужно обязательно иметь критический журнал или большие критические отделы в журналах, которые помогали бы нам исправлять наши недостатки и связывали бы нас с зарубежным востоковедением.

Чл.-корр. АН Казахской ССР Н. С. Смирнова, выступавшая от имени казахской делегации, подробно остановилась на вопросах о создании централизованных филологических фондов и о подготовке филологических кадров в республиках.

В таких республиках и областях, как Казахстан, Киргизия, горный Алтай, где огромное число источников дошло до нас в устной передаче, успех филологической работы во многом зависит от максимально широкого привлечения вариантов. В этом деле, отметила Н. С. Смирнова, совершенно необходима координация работы союзной и республиканских академий, а может быть и создание специальной координационной комиссии, которая организовала бы работу по выявлению и описанию всех архивных материалов, еще не ставших достоянием науки.

В связи с вопросом о подготовке филологических кадров Н. С. Смирнова отметила, что в вузах периферии студенты не получают необходимых знаний по восточной филологии. Поэтому необходимо решительно перестроить подготовку студентов-филологов не только в Москве и Ленинграде, но и в национальных республиках.

Чл.-корр. АН Таджикской ССР И. С. Брагинский в своем выступлении подчеркнул важность текстологии и для историков, и для экономистов, и для литературоведов. Серьезная филологическая подготовка нужна востоковедам всех специальностей. Главная причина отставания восточной филологии, по мнению И. С. Брагинского, заключается в отрыве теории от практики и практики от теории. Если мы, говорит Брагинский, подчиним тончайший филологический анализ большим обобщающим научным проблемам, тогда он не будет беспредметным, а будет двигать нашу науку вперед.

Другой причиной отставания восточной филологии является, по его мнению, не-

дооценка национальных кадров. Востоковедение и восточная филология смогут быть подняты, если готовить эти кадры со всей строгостью и требовательностью. И. С. Брагинский присоединился к мнению Б. Н. Заходера о необходимости созыва съезда востоковедов всех специальностей с привлечением широкой научной общественности для обсуждения наболевших вопросов востоковедения.

По мнению зав. кафедрой японского язык восточного факультета ЛГУ О. П. Петровой, одной из серьезных причин отставания восточной филологии является бессистемность в деле подготовки кадров.

Развитию восточной филологии, отметила О. П. Петрова, мешает также нерациональное использование кадров, которые готовятся вузами. Окончившие восточные вузы очень часто вынуждены работать не по специальности. Это положение недопустимо. Филологи должны использоваться по филологическому профилю для переводов и научной работы.

О. П. Петрова обратила внимание на важность активного освоения наших рукописных богатств, в частности таких фондов, как тангутский, тибетский, маньчжурский и др., и на необходимость использовать уже имеющиеся картотеки для создания большого японо-русского и китайско-русского словарей.

Ст. научный сотрудник Института языкознания АН СССР В. И. Абаев сказал, что основным показателем успехов и достижений восточной филологии является печатная продукция. А в этой области наблюдается серьезное отставание как с количественной, так и с качественной стороны. Чтобы ликвидировать это отставание, прежде всего нужно перестроить систему подготовки научных кадров, отбирая тех, у кого уже определились научные склонности, и затем предоставляя им все условия для полноценной научной подготовки. Лучше вырастить одного действительно достойного научного работника, чем 10—20 пустоцветов, не дающих никакой научной продукции после получения ученой степени. Серьезным фактором подъема и оживления востоковедной работы могло бы явиться создание единого востоковедного филологического журнала, причем желательно, чтобы такой журнал был создан при Президиуме Академии наук и стал органом не только академических институтов, но и всех востоковедов Советского Союза.

Проф. Д. А. Ольдерогге остановился на вопросе о журнале. Высказав опасение, что созданный журнал «Советское востоковедение» будет иметь общий характер и что мелкие специальные вопросы в нем не смогут быть освещены, Д. А. Ольдерогге предлагает ориентировать журнал на «Вестник древней истории», помещающий как общие, так и специальные статьи.

Затем проф. Ольдерогге обратился к вопросу об изучении африканских языков, отметив, что в настоящее время оно сосредоточено на восточном факультете ЛГУ, где изучаются три языка: амхарский, суахили и хауса. Кроме того, имеется соответствующий сектор в Институте этнографии. Однако этого явно недостаточно. Совершенно необходимо расширение филологической работы по африканским языкам в системе Академии наук и создание особого филологического центра, который смог бы взять на себя работу по изданию словарей.

Канд. филол. наук И. Я. Нейман (г. Одесса) отметил, что, несмотря на большие успехи советской науки в области тюркологии, вне поля зрения советских языковедов остается караимский язык, исследование которого с большим успехом было начато акад. В. В. Радловым. Основная причина этого, по мнению И. Я. Неймана, заключается в том, что древнееврейский алфавит, которым до последнего времени пользовались караимы, делает караимские письменные памятники недоступными для подавляющего большинства наших тюркологов. Нейман предлагает организовать подробное научное описание всех материалов по караимскому языку, а также передачу в сектор восточных рукописей Института востоковедения рукописей на караимском языке и печатных изданий, имеющих отношение к караимскому языку, хранящихся в Бахчисарайском государственном музее.

Доц. М. И. Богданова (Институт мировой литературы) говорила о сложности изучения литератур народов, имевших в прошлом малую письменность или не

имевших ее вообще, культура которых проявлялась в народном поэтическом творчестве, в устной форме. История литератур отдельных народов, сказала М. И. Богданова, исследуется без достаточного учета опыта изучения тех же периодов у других народов, без сопоставления особенностей литературного процесса и творчества писателей в различных условиях исторической жизни народов. Пора поставить вопрос о комплексном изучении восточных литератур в историко-сравнительном плане.

Канд. филол. наук Хван Юн Дюн (Институт международных отношений) отметил плохое состояние корееведения. В Институте востоковедения Академии наук СССР по корейскому языку нет ни одного специалиста. Нужно привлечь специалистов-корееведов и организовать плановую научную работу по корейскому языку.

Директор республиканского рукописного фонда АН Азербайджанской ССР Мамед Ага Султанов остановился на некоторых достижениях и недостатках в филологической работе республиканских научных учреждений.

При Институте литературы и языка АН Азербайджанской ССР создан новый отдел текстологии, который планирует выпуск уже готовых научно-критических текстов поэмы Низами «Хосров и Ширин» и «Лейли и Меджнун»; кроме того планом этого отдела предусмотрено издание произведений классиков XIV и XVI вв. Несими и Физули. Ведется работа по созданию трехтомника истории литературы Азербайджана. Подходит к концу работа по изданию «Джами'-ат-таварих» Рашид ад-дина, подготовленного к печати совместно с Институтом востоковедения АН СССР. Готовится к изданию полное описание архива известного азербайджанского философа-драматурга Мирзы Фатали Ахундова.

М. Султанов отметил необходимость равномерной работы над различными периодами в развитии истории, литературы и языков, недопустимость пренебрежения древними отраслями восточной филологии и указал на имеющиеся недостатки в изучении персидского и арабского языков.

Ст. научный сотрудник Института языкознания В. С. Расторгуева остановилась на организации исследовательской работы в области изучения иранских языков в системе Академии наук и на подготовке востоковедных кадров.

В. С. Расторгуева отметила, что исследовательская работа по иранистике после Великой Октябрьской социалистической революции получила небывалый размах. В исследование отдельных иранских языков включились национальные республики, проведена большая работа по изучению грамматического строя, лексического состава, фонетики и диалектов живых иранских языков, особенно тех, которые бытуют на территории Советского Союза. Вместе с тем в этой области еще имеются существенные недочеты, которые в значительной мере определяются организационными неполадками, а также недостатком научных кадров. В системе Академии наук нет научного центра, в котором сосредоточивалась бы вся научно-исследовательская работа по иранским языкам. Исследование единой группы иранских языков произвольно разделено между Институтом языкознания и Институтом востоковедения. Это делает затруднительной постановку таких общих проблем, как составление сравнительной грамматики, этимологического словаря, которые требуют привлечения всех иранских языков.

Существующее в настоящее время в Институте языкознания искусственное объединение в одном кавказско-иранском секторе двух групп — кавказской и иранской, изучающих языки двух разных языковых семей, научно не оправдано и создает серьезные организационные и производственные неудобства.

В. С. Расторгуева предлагает организовать сектор иранских языков в Институте языкознания и разрешить этому сектору изучение не только иранских языков Советского Союза, но и языков зарубежных, и в дальнейшем проводить разграничение сфер деятельности Института языкознания и Института востоковедения не по территориальному разделению языков, а по тематике, с тем чтобы Институт языкознания занимался преимущественно чисто лингвистическими исследованиями, а Институт востоковедения — историческими, литературоведческими и т. п.

Далее В. С. Расторгуева указала на необходимость соблюдать разумную пропорциональность при подготовке кадров по различным востоковедным специальностям.

В. С. Расторгуева присоединилась к мнению тех, кто выступал за подготовку кадров на базе восточных отделений и факультетов университетов.

Канд. филол. наук К. С. Айни, остановившись на некоторых проблемах иранской филологии, поддержал предложение В. С. Расторгуевой и высказался за ликвидацию существующего разделения исследований по языкам одних и тех же семей, так как это ведет к распылению научных кадров, к ненужному параллелизму в работе, к разъединению специалистов, работающих над сложными темами. Организация изучения всех восточных языков в Институте языкознания или под его руководством могла бы резко повысить качество лингвистических исследований по восточным языкам, а привлечение материалов восточных языков к работам по общему языкознанию расширило бы кругозор всех языковедов. На примере таджикской литературы К. С. Айни показал вредность тенденции ограничивать работу литературоведов изучением только так называемой классической литературы или, наоборот, изучением только литературы советского периода.

В прениях по докладам А. А. Губера и Е. Э. Бертельса приняли также участие проф. Х. К. Баранов, канд. ист. наук А. Ф. Султанов, В. С. Мереж, доц. А. А. Стариков, Р. С. Султанов (Азербайджанский государственный университет), канд. ист. наук Д. Н. Зильберг и другие.

На совещании было зачитано письмо акад. В. А. Гордлевского, в котором он высказывается за уничтожение комплексности при изучении востоковедных дисциплин, считая, что МГУ в этом смысле стоит на правильном пути.

В заключение работы совещания была принята развернутая резолюция, в которой отмечается, что исследования по восточной филологии в СССР характеризуются рядом серьезных достижений. Многое сделано советскими востоковедами по изучению живых и древних восточных языков, их грамматического строя, лексики и диалектов; большая работа проведена по разработке алфавитов, правописания и терминологии литературных языков многих народов СССР; издано большое количество двуязычных словарей народов Советского Союза и стран зарубежного Востока; ведется подготовка к изданию ряда нормативных грамматик восточных языков; опубликовано несколько монографий по отдельным вопросам тюркского и иранского языкознания; выпущен ряд источниковедческих и текстологических работ; значительное внимание было уделено подготовке кадров востоковедов — лингвистов и литературоведов.

Далее в резолюции отмечается, что, несмотря на определенные достижения, уровень восточной филологии в целом не соответствует тем большим задачам, которые поставлены перед ней в настоящее время. Слабо организованы систематическое изучение и издание рукописных памятников, имеющихся в библиотеках и хранилищах Советского Союза. Недостаточно развиваются некоторые направления и отрасли восточной филологии, такие, как семитология, тибетология. Слабо изучаются языки Бирмы, Индонезии, Индо-Китая, мало исследуются африканские языки. Отстает сравнительно-историческое изучение родственных языков, составление сравнительных грамматик, этимологических словарей и т. д., что объясняется, в значительной мере, отсутствием делового контакта между Институтом востоковедения и Институтом языкознания АН СССР. Значительные недостатки отмечаются в деле подготовки квалифицированных востоковедов-филологов. Мало готовится специалистов по изучению восточных текстов и рукописей, совершенно недостаточно практикуются командировки аспирантов и научных работников в те страны, изучением языков и литератур которых они занимаются. По ряду восточных специальностей (египтология, семитология, тибетоведение, некоторые языки Индии и др.) квалифицированные научные кадры почти не готовятся.

Совещание поставило перед учреждениями АН СССР и академиями наук союзных республик ряд задач, разрешение которых должно способствовать дальнейшему развитию восточной филологии.

Основными задачами в области развития восточной филологии, говорится в резолюции совещания, следует считать: усиление научных исследований по истории, экономике и литературам народов советского и зарубежного Востока на основе изучения первоисточников и разработки богатых рукописных фондов научных учреждений Советского Союза; подготовку и публикацию академических изданий текстов памятников на восточных языках по всем отраслям знания, их переводов на русский язык и научных комментариев; изучение языков и литератур в сравнительно-историческом плане.

В резолюции рекомендуется обратить внимание на повышение теоретического уровня изучения восточных языков, предусмотреть разработку вопросов, связанных с историей этих языков, и проведение широких творческих дискуссий по актуальным проблемам языкознания и литературоведения.

Отмечается необходимость разработать сводный план исследований по восточной филологии с целью координации работы между научными учреждениями Академии наук СССР и союзных республик, предусмотрев в этом плане систематическое изучение документов и материалов, попадающих в руки археологов, и подготовку этимологических, толковых и других словарей, описательных грамматик, очерков по истории литератур и т. д.

Совещание высказалось за необходимость переиздания ставших библиографической редкостью наиболее ценных трудов отечественных востоковедов-филологов и за издание реферативных журналов по общественным наукам, в частности по вопросам восточной филологии.

Для разрешения проблемы подготовки высококвалифицированных специалистов по восточной филологии в резолюции рекомендуется: созвать особое совещание при Министерстве высшего образования по вопросам подготовки востоковедов-филологов в университетах; предусмотреть в ближайшие годы подготовку издания необходимых учебников, пособий и хрестоматий для студенчества, в том числе по вопросам языкознания применительно к изучению языков Востока; поставить вопрос об изучении в некоторых средних школах китайского языка; пересмотреть программы по подготовке аспирантов-филологов с целью углубленного изучения ими истории языков и литератур народов Востока.

Совещание предложило Институту востоковедения и Институту языкознания усилить работу по развитию научных связей и сотрудничества с зарубежными востоковедными учреждениями и учеными, обратив особое внимание на организационные связи и обмен опытом работы с востоковедными учреждениями народно-демократических республик, в первую очередь Китая, а также на необходимость совместной разработки и издания трудов по вопросам востоковедения.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. И. СЛАДКОВСКИЙ. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., Внешторгиздат, 1953, 303 стр.

Книга М. И. Сладковского «Очерки внешнеэкономических отношений Китая» — важный шаг в направлении дальнейшего изучения экономики Китая. Это серьезный научный труд, в котором подробно описываются экономические взаимоотношения Китая с другими государствами на протяжении длительной его истории. В очерках Сладковского собран и обобщен большой и интересный материал. В целом работа дает относительно полное представление о внешнеэкономической жизни Китая. Книга состоит из одиннадцати глав, посвященных отдельным периодам истории внешнеэкономических отношений Китая, что позволяет проследить развитие этих отношений в строго-хронологическом порядке. Наиболее удачны главы о внешнеэкономических отношениях Китая в первой трети XX в. (гл. IV—VII).

Уже в III—II вв. до н. э. Китай поставлял в некоторые страны шелк, ковры, драгоценности и другие товары. М. И. Сладковский отмечает, что «к концу XV в. Китай по своему экономическому и политическому значению был ведущим государством Восточной Азии» (стр. 4). Следовало бы развить это положение и полнее показать как успехи культуры древнего Китая, так и их причины. Изобретение в Китае компаса, пороха, книгопечатания, как и многие другие открытия, имели, разумеется, большое экономическое значение. К сожалению, эти вопросы в книге не затронуты.

Вторая глава посвящена борьбе капиталистических держав за китайский рынок. Автор описывает взаимоотношения Китая с государствами Западной Европы, методы постоянной агрессии западноевропейских и американских капиталистов в Китае. В результате «опиумных» войн капиталистические державы уже в доимпериалистический период силой заставили китайских императоров подписать ряд неравноправных договоров. В силу этих договоров Китай предоставил иностранцам привилегии в торговле, согласился с неподсудностью иностранцев китайским судам, предоставил право на учреждение иностранных сеттльментов и др. В подчинении англичан оказалась таможенная система. На территории Китая находились войска интервентов, а в прибрежных водах и на больших реках Китая — их военные суда.

В работе указывается, что капиталисты США стремились овладеть китайским рынком и вместе с английскими и французскими капиталистами нарушали торговые связи Китая с его соседями в Юго-Восточной Азии, навязывали Китаю невыгодную торговлю и душили силой оружия национально-освободительное движение в стране, поддерживая феодальную реакцию.

В книге прослеживаются и взаимоотношения России с Китаем, причем автор, рассматривая эти отношения, пришел к следующему выводу: «В то время как русско-китайские отношения базировались на обоюдной экономической заинтересованности, на принципах равноправия и взаимном уважении законов и обычаев, отношения Китая с другими европейскими странами и США характеризовались вероломством этих стран по отношению к Китаю, насильственным, вооруженным принуждением Китая открыть иностранцам свои города для торговли, в которой китайцы экономически были мало заинтересованы» (стр. 20). Автор отмечает, что русско-китайские

торговые взаимоотношения, регулировавшиеся русско-китайскими договорами, а также характер внешнеторгового режима на русско-китайской сухопутной границе, содействовали развитию взаимно выгодной торговли между обеими странами.

Несмотря на небольшую по сравнению с другими странами долю царской России во внешнеторговом обороте Китая, торговля с Россией имела большое значение для Китая, так как он имел в этой торговле активный торговый баланс. Кроме того, к концу XIX в. Россия стала главным потребителем чая, и, благодаря ее закупкам, производство чая в Китае приобрело мировое значение. В то же время Россия была основным импортером продукции Синьцзяна и главным поставщиком товаров, необходимых для этого района.

Развитие торговых отношений между Китаем и царской Россией отвечало интересам русского капитализма. Вступление России в стадию империализма и включение русских империалистов в борьбу за «сферы влияния» в Китае причинило огромный вред русско-китайским отношениям, было в ущерб национальным интересам как китайского, так и русского народов.

Русский рабочий класс, руководимый Коммунистической партией во главе с В. И. Лениным, горячо сочувствовал китайским трудящимся и решительно выступал против грабительской политики царизма на Дальнем Востоке.

Автор указывает, что иностранное засилье вызывало возмущение китайского народа. Даже китайские реакционные власти не могли не считаться с этим и были вынуждены оказывать известное сопротивление интервентам. В этой связи следует отметить, что автор ошибочно считает, что будто издание цинским правительством указов о запрещении торговли опиумом в 1800 и 1836 гг. привело к увеличению английской торговли опиумом (стр. 11 и 24). В действительности же рост торговли опиумом был вызван не указами императора, а ростом производства опиума в Индии и стремлением английских капиталистов увеличить прибыли, получаемые от этой торговли.

Наибольшее место в книге М. И. Сладковского занимают главы, в которых излагаются внешнеэкономические отношения Китая с империалистическими государствами (гл. III—X).

Проникновение иностранного капитала в Китай имеет длительную историю. Однако наиболее тяжелые последствия этого проникновения стали с особой силой ощущаться в период империализма и общего кризиса капитализма, когда народное хозяйство Китая оказалось под контролем империалистических монополий. Автор отмечает, что «с этого времени (т. е. после подчинения иностранному контролю обширных территорий Китая, разделенных на «сферы влияния». — *П. М.*) судьба страны решалась не столько соглашениями, заключаемыми Китаем с иностранными государствами, сколько путем сговора иностранных государств без участия Китая» (стр. 56). Империалисты, стремясь расчленить Китай, урывали друг у друга «лакомые» куски и выкачивали из страны огромные прибыли.

Автор книги подробно анализирует глубокие противоречия между империалистами в борьбе за господство на китайском рынке. Наиболее острыми были противоречия между США, Японией, Англией и Россией. Империалисты США провозгласили политику «открытых дверей», надеясь, что более мощный экономический потенциал их страны даст им возможность завладеть всем Китаем. Однако другие империалистические государства не собирались добровольно уступать своих позиций американскому империализму. Но противоречия между империалистическими державами не мешали им объединяться против Китая каждый раз, когда им приходилось иметь дело с китайским народом.

Важнейшим средством империалистического закабаления Китая в эпоху империализма были иностранные инвестиции. Объем иностранных капиталовложений составлял в 1902 г. — 787,9 млн., в 1914 г.— 1610,3 млн., а в 1937 г. — 4510 млн. ам. долл. (стр. 79, 201).

Иностранные капиталы направлялись, в основном, в транспорт и на займы, предоставляемые китайским властям для подавления национально-освободительного

движения народа и содержания многочисленной бюрократии. Наибольший удельный вес в иностранных капиталовложениях до второй мировой войны занимали капиталовложения Англии, Германии и Японии. После второй мировой войны на первое место вышли США. Анализируя политику империалистических держав в отношении Китая, М. И. Сладковский приходит к важному выводу: «Каждый из империалистических конкурентов мог временно пойти на ту или иную уступку, но эта уступка предназначалась не для Китая, а для другого империалистического государства. В отношении же Китая политика империалистических государств имела своей целью извлечение максимальной капиталистической прибыли путем жестокой эксплуатации, разорения и ограбления китайского народа, расхищения естественных богатств страны» (стр.127—128).

В годы первой мировой войны единственная империалистическая страна в Азии — Япония, воспользовавшись ослаблением политических и экономических связей других империалистических стран со странами Восточной Азии, предприняла попытку установить свое господство в Китае, предъявив китайскому правительству «21 требование» (стр. 111—112). Эти требования вызвали массовые протесты всех слоев китайского народа. Господство японских империалистов в экономике Китая, установленное в период первой мировой войны, оказалось недолгим и непрочным. После первой мировой войны еще более обострилась борьба за раздел Китая между Японией, США и другими империалистическими государствами. Япония, воспользовавшись тем, что империалистические государства Запада оказались в пучине мирового экономического кризиса 1929—1932 гг. и тем, что в Германии шел к власти фашизм, захватила Маньчжурию. Это потребовалось Японии не только для грабежа китайского населения, но и для создания военного плацдарма против Советского Союза. Этому вопросу в рецензируемой книге уделено серьезное внимание в главах VIII и IX.

Название IX главы книги «Угроза колониального порабощения Китая японским империализмом (1937—1945 гг.)» не может не вызывать возражения. Автор ошибочно, судя по названию главы, угрозу колониального порабощения Китая японским империализмом относит к 1937—1945 гг., в то время как эта угроза нависла над Китаем уже в 1931 г., т. е. с момента вторжения японского империализма в Маньчжурию. В книге М. И. Сладковского отмечается, что на оккупированной территории Китая японские империалисты установили жестокий колониальный режим, стремясь полностью захватить в свои руки экономику страны. Агрессивной политике японского империализма содействовали и империалисты США, которые до 1940 г. снабжали Японию стратегическим сырьем и оружием. М. И. Сладковский приводит данные об экспорте США в Японию стратегических материалов, оборудования и указывает, что только в 1938 г. монополии США поставили Японии военных материалов в размере, покрывающем свыше 90% ее потребностей (стр. 216).

Угроза полного колониального порабощения Китая Японией была предотвращена в результате самоотверженной борьбы китайского народа против захватчиков. Вдохновителем и организатором национально-освободительной борьбы китайского народа была Коммунистическая партия Китая.

Американские монополии, как и японские, проводили в Китае не только экономическую, но также военную и политическую экспансию. Между реакционными силами США и продажными гоминьдановскими властями были заключены соответствующие договоры. Эти договоры, суть которых раскрывается в главе X рецензируемой книги, закрепили господство американских монополий над экономикой Китая. «Американский контроль, — заключает автор, — над внешней торговлей, промышленностью и транспортом гоминьдановского Китая обрек его на зависимость от США, поставил его на грань национальной катастрофы — полной потери государственной самостоятельности и независимости» (стр. 255).

Империалисты держали в своих руках ключевые позиции в экономике Китая. Из всей массы капиталовложений в обрабатывающей промышленности в 1937 г. на долю иностранного капитала приходилось 63,3%, а в горнодобывающей 66,6% (стр. 201—202).

Разрушительная для китайских предприятий империалистическая конкуренция и сознательная политика империалистов препятствовать развитию тяжелой промышленности задерживали развитие производительных сил страны. Путем вывоза капитала в Китай империалисты обеспечивали себе получение максимальных прибылей.

Последствия хозяйничания в Китае иностранного капитала, как уже отмечалось, не ограничивались дезорганизацией его экономики. Господство империалистов оказало губительное влияние на условия жизни трудящихся, но автор рецензируемой книги этому вопросу уделил мало внимания.

Описывая торговлю Китая с другими странами, автор подчеркивает невыгодность для Китая этой торговли. С 1877 г. Китай имел из года в год пассивный торговый баланс. На ввоз иностранных товаров в Китае были установлены низкие пошлины — таможенный тариф до 1918 г. не превышал 5% стоимости товаров, а в последующие годы увеличен был незначительно.

Полное подчинение внешней торговли Китая иностранному капиталу проявлялось в структуре импорта и экспорта. Империалисты стремились сбыть в Китай главным образом те товары, которые не имели серьезного значения для развития китайской промышленности или сельского хозяйства.

Если в 1919 г. в общем импорте Китая импорт оборудования и металлических изделий составлял 15,1%, то в 1927 г. он сократился до 7,8% (стр. 157). Импорт машин и инструментов в Китай в 1936 г. составлял 6,37%, а доля импорта товаров широкого потребления, полуфабрикатов и текстиля в общем импорте доходила до 76,32%. Но и в той незначительной доле машин и инструментов в общем импорте большой удельный вес занимало устаревшее оборудование. Что же касается современного оборудования, то империалисты использовали его лишь на предприятиях, принадлежавших им.

Основными товарами, которые империалисты сбывали в Китай перед второй мировой войной, были хлопчатобумажные ткани, хлопок, табак и т. п. Китаю навязывались продовольственные товары, хотя, имея благоприятные естественные условия, он мог обеспечить себя всем необходимым ему продовольствием. После второй мировой войны в гоминьдановский Китай хлынули американские товары, не имевшие значения для экономики страны: изделия из пластмасс, сигареты, чулки, губная помада и т. д. Тем не менее за эти товары уплачивалось валютой.

Китай постепенно превращался в аграрно-сырьевой придаток к экономике империализма, поставляя до второй мировой войны на мировой рынок 40% вольфрама, 10% олова, 70% сурьмы. Существенное значение для империалистических стран имел экспорт из Китая и сельскохозяйственного сырья: щетины, яиц, соевых, шерсти и т.п. Наибольшее место в экспорте Китая занимали бобы и бобовые продукты (1931 г.—23,1% всего экспорта) и шелк-сырец (10,5% всего экспорта).

М. И. Сладковский привел в книге подробные цифровые данные, характеризующие структуру импорта и экспорта Китая. Однако анализ этих данных в книге не всегда достаточно убедителен. Во многих случаях автор ограничивается лишь описанием изменений в структуре экспорта и импорта. Это относится, в частности, к характеристике внешней торговли Китая в период 1932—1937 гг. и 1945—1948 гг. Книга М. И. Сладковского не дает удовлетворительного ответа на вопрос, почему произошли изменения в структуре импорта и экспорта в эти годы.

В качестве существенного недостатка рецензируемой работы можно отметить известную оторванность описания торговых отношений от описания развития внутреннего производства страны, которое определяло место Китая в международной системе разделения труда при капитализме.

М. И. Сладковским приводится немало примеров, показывающих, какой вред приносила Китаю торговля с империалистическими странами. Любые колебания на мировом рынке пагубно сказывались на внешней торговле и народном хозяйстве Китая в целом. В годы мирового экономического кризиса, в частности с 1928 по 1931 г., китайский экспорт по стоимости сократился в 2,3 раза (стр. 182), увеличившись в натуральном выражении. Автор показывает резкое падение цен на главнейшие

товары китайского экспорта за указанный выше период. В большом количестве в 30-х годах происходил отлив серебра из Китая (стр. 204).

Большое место в рецензируемой книге уделено анализу соперничества империалистических держав в борьбе за монопольное господство на китайском рынке. Это показано автором в главах, посвященных изучению направления внешней торговли КНР. Соперничество империалистов сопровождалось переменным успехом. Но после второй мировой войны доминирующее положение на китайском рынке заняли США, доля которых в китайском импорте составляла 57,1%, а в экспорте—38,7% (стр. 252).

Проводником и агентом экономической экспансии американского империализма в Китае была гоминьдановская клика, представлявшая власть бюрократического капитала. Под видом «помощи» этой клике США все больше овладевали Китаем. Ненавистная китайскому народу власть Чан Кай-ши в 1949 г. была уничтожена. Вместе с падением реакционного чанкайшистского режима была полностью ликвидирована и зависимость Китая от империализма.

В книге, к сожалению, мало уделено внимания освещению экономических взаимоотношений между Советским Союзом и Китаем до 1949 г. Это серьезный пробел, поскольку советско-китайские экономические отношения были одной из предпосылок к современным экономическим отношениям между СССР и Китаем. Отношение Советского Союза к Китаю было наглядным свидетельством новой, бескорыстной политики первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян в отношении Китая, изнывавшего под империалистическим игом. Автор правильно подчеркивает влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Китай, покончившей с захватнической политикой царского правительства. Советское правительство заключило с Китаем равноправный договор — китайско-советское соглашение 1924 г., — который был проникнут духом взаимного уважения и сочувствия со стороны советского народа борьбе китайского народа за независимое демократическое и единое государство.

Торговля Советского Союза с Китаем была обоюдно выгодной. Китай, в основном, имел активный торговый баланс. Это благоприятно сказывалось на финансовом положении страны.

С 1931 г. вследствие японской агрессии в Маньчжурии торговля Советского Союза с северо-восточными районами Китая упала. Это было вызвано тем, что Япония препятствовала продолжению нормальных экономических связей между СССР и Китаем. Советский Союз в тот период имел возможность лишь укреплять торговые отношения с Синьцзяном.

В годы оживленной торговли с Китаем Советский Союз поставлял лесоматериалы, нефтепродукты, каменный уголь, металлические изделия, различные товары народного потребления. Китай был одной из главнейших стран, импортирующих советские металлоизделия, ткани, сахар. Таким образом китайский рынок был заинтересован в продукции советской социалистической промышленности.

В свою очередь Советский Союз был важным рынком сбыта для Китая. Доля экспорта китайского чая в СССР составляла 38,7% в 1936 г. и 56,4% в 1938 г. За несколько лет до нападения Японии на Китай, последний стал поставлять в Советский Союз и цветные металлы. Из Синьцзяна Советский Союз получал главным образом сельскохозяйственное сырье — шкуры, шерсть, хлопок и т. п.

Последняя глава рецензируемой работы посвящена наиболее актуальному вопросу — внешнеэкономическим отношениям Китайской Народной Республики. Описав кратко исторические преобразования в КНР, автор показывает ту новую роль, которую играет внешняя торговля после освобождения страны от иностранного засилья.

Образование Китайской Народной Республики открыло перед Китаем большие возможности для равноправных и взаимовыгодных отношений с иностранными государствами, входящими в демократический лагерь.

Огромная хозяйственная разруха в Китае, усугубленная общей экономической отсталостью страны, экономическая блокада со стороны империализма поставили КНР в тяжелое положение. Советский Союз, обладающий высокоразвитой экономикой, оказал братскую помощь КНР.

Экономическое сотрудничество между СССР и КНР, развивающееся на основе договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанном в феврале 1950 г., принесло за пятилетие замечательные результаты.

В книге М. И. Сладковского описаны лишь первые шаги экономических взаимоотношений народного Китая с Советским Союзом и с другими странами лагеря мира, демократии и социализма. Современное состояние внешнеэкономических взаимоотношений Китая рассмотрено в книге бегло. На стр. 277 лишь упоминается о таких формах сотрудничества между СССР и КНР, как научно-техническая взаимопомощь, обмен производственным опытом, командирование специалистов и т. п.

Китайская Народная Республика в настоящее время является великой мировой державой, что нашло свое выражение и в экономических взаимоотношениях с другими странами. Этот вопрос необходимо было бы в книге раскрыть полнее.

Рост экономической мощи КНР укрепляет положение всего демократического лагеря. В настоящее время по объему товарооборота Китай занимает одно из первых мест во внешней торговле между странами мирового демократического рынка.

Китай оказывает бескорыстную экономическую помощь Корейской Народно-Демократической Республике и Демократической Республике Вьетнам.

Экономическое сотрудничество между КНР и СССР все более расширяется. В октябре 1954 г. были подписаны совместные декларации Правительств Советского Союза и Китайской Народной Республики по вопросам советско-китайских отношений и международного положения, по вопросу об отношениях с Японией. Было опубликовано совместное коммюнике о военно-морской базе Порт-Артур, о передаче Китаю советской доли участия в советско-китайских смешанных обществах, заключено соглашение о предоставлении кредита КНР, расширении помощи в строительстве промышленных предприятий, о совместном строительстве железных дорог, соединяющих СССР и КНР. Советское правительство передало Китаю также оборудование для крупного зернового госхоза. В декабре 1954 г. в Москве была проведена первая сессия Советско-Китайской комиссии по научно-техническому сотрудничеству.

В январе 1955 г. Советский Союз предложил Китаю научно-техническую и производственную помощь для развития исследований в области ядерной физики и использования атомной энергии для мирных целей. Все это — вклад в дело укрепления дружбы и братского сотрудничества между СССР и КНР.

Большой заслугой автора является то, что в подтверждение сделанных выводов им приведен большой цифровой материал. М. И. Сладковский составил много таблиц, проделал большую вычислительную работу, таблицы имеют одинаковые единицы измерения.

Все же текст несколько перегружен таблицами, повторяющими данные, приведенные в приложении. Таблицы, показывающие географическое направление внешней торговли Китая, иностранные инвестиции, товарную структуру экспорта и импорта, следовало бы дать в приложении.

Некоторые цифры, приведенные в книге (гл. XI), неполны, так как за последнее время опубликованы официальные сведения о производстве зерна, хлопка, чая (стр. 261) и др. Карта политико-административного деления КНР, помещенная в книге, устарела.

В книге по вине издательства есть ошибки редакционного характера: вместо Юймынь напечатано Юэмынь, вместо Юньнани — Юнани (стр. 266), вместо Сычуань — Сучуань, вместо Тяньцзинем — Тяньцзином (стр. 267), вместо «Синьхуаюэбао» напечатано «Синьхуажибао» (стр. 274, 275).

Отдельные недостатки рецензируемой книги, конечно, не могут умалить положительного значения этой научной работы по истории внешнеэкономических отношений Китая.

И. И. Марков

ДЖАФАР ХАЙЯТ. Иракская деревня. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1953, 92 стр., 2 л. отд. карт.

Современный Ирак — отсталая аграрная страна арабского Востока. Территория Ирака — 452,5 тыс. кв. км, население — около 5 млн. человек.

Ирак превращен англо-американскими монополиями и местными феодалами-помещиками в одну из самых нищих стран мира. Все усиливающееся подчинение Ирака англо-американским монополиям и господство феодальных пережитков в деревне препятствуют экономическому и социальному прогрессу страны. Трудящиеся Ирака находятся в ужасающей нищете. Крайне тяжелому положению иракского крестьянства и посвящена рецензируемая книга Д. Хайята, которая вышла в Бейруте в 1950 г. и была удостоена премии Иракской Академии наук.

В предисловии Д. Хайят говорит, что он стремится беспристрастно ознакомить читателя с современным состоянием иракской деревни и с характером тех реформ, которые, по его мнению, могли бы изменить существующее положение. «... иракская деревня находится, — пишет Д. Хайят, — в состоянии чрезвычайной отсталости, которая характеризуется широким распространением таких трех социальных бедствий, как нищета, невежество и болезни» (стр. 19). Экономическая, политическая и культурная отсталость иракской деревни обусловливает и отсталость страны в целом, поскольку сельское хозяйство является основой экономики Ирака. Империалисты, подчинив себе страну, держат ее в полном рабстве. Они используют для упрочения своих позиций в Ираке продажные феодально-компрадорские верхи страны и в то же время превращают Ирак в орудие своих империалистических провокаций на Ближнем Востоке. В тревоге за судьбы родины Д. Хайят пишет, что настала пора возродить и развить жизненные силы народа, добиться подъема страны с тем, чтобы Ирак занял достойное место среди других государств мира.

С большим уважением автор относится к иракскому народу, отмечает его проницательный ум, благородство, смелость, умение стойко переносить лишения и его настойчивое стремление к знаниям и прогрессу. «Однако, — с горечью замечает Д. Хайят, — все эти качества, эта жизнеспособность подавляются жестокими условиями жизни. Нужды сельского населения, так же как и большей части остального населения Ирака, преступно игнорируются... большинство жителей Ирака проводит свою жизнь в тяжелом труде, не получая за это даже самого необходимого для поддержания своего существования» (стр. 21—22).

В наиболее бедственном положении оказалось крестьянство Ирака. Оно составляет вместе с кочевыми и полукочевыми племенами до 80% населения. Пригодные для обработки земельные площади составляют приблизительно 25% всей территории страны, но в настоящее время обрабатывается лишь одна пятая этой земли, или 5% всей земельной площади. Огромную роль в развитии сельского хозяйства в странах Ближнего и Среднего Востока играет орошение. В Ираке реками Евфратом и Тигром орошается до 70% возделываемых земель. Использование вод этих рек было одной из основ расцвета древней цивилизации. Однако нашествия арабов, монголов и других завоевателей в прошлом, а затем непрерывные вторжения капиталистов западноевропейских стран привели к расхищению природных богатств страны и почти к полному застою в развитии ее производительных сил. «... ирригационные сооружения были заброшены, — пишет Д. Хайят, — плотины и другие сооружения пришли в негодность. Следствием этих событий явилось то печальное положение, в котором ныне находится страна» (стр. 84).

Как бы отвлекаясь от того, что Ирак находится в зависимости от империалистов, автор пишет: «Если бы воды рек, дождевые осадки... использовать, применяя современную технику, то площадь возделываемых земель можно было бы расширить вдвое. Ее размеры тогда соответствовали бы той площади, которая использовалась землевладельцами в глубокой древности» (стр. 23—24).

Однако задача превращения пустынь и полупустынь Ирака в плодородные земли не может быть решена в условиях засилия империализма и господства феодальных

пережитков. Производительные силы страны получат простор для развития лишь в том случае, если Ирак полностью освободится от оков отживших производственных отношений.

Д. Хайят отмечает, что климатические условия Ирака исключительно благоприятны для выращивания таких культур, как зерновые, финиковая пальма, табак, хлопок и оливковое дерево. Почва страны с древних времен известна своим плодородием, недаром народ сложил поговорку: «Пощекочет плуг землю, — и она рассмеется урожаем». Однако в настоящее время сельское хозяйство Ирака переживает глубочайший застой. По выражению автора книги, оно остается в первобытном состоянии. Крестьянам совершенно незнакомо применение современных сельскохозяйственных машин. Они не используют и не могут использовать каких-либо достижений современной агрономической науки.

Как и в глубокой древности, крестьянин пашет сохой, взрыхляя землю на небольшую глубину. Ему совершенно незнакомы современные методы удобрения, приемы сохранения плодородия почвы, правильные способы вспашки земли, сортировки семян, порядок севооборота. Крестьянин, пишет автор, не умеет бороться против вредителей сельскохозяйственных растений и беспомощен перед лицом стихийных бедствий. Он не умеет выводить новые породы скота и не имеет возможности заготовить корм для имеющегося скота и т. д. Явно недооценивая всей гибельности хозяйничанья империалистов для страны, Д. Хайят ограничивается тем, что подробно критикует отсталые методы ведения сельского хозяйства, сочувствует положению крестьянства. Будучи добросовестным исследователем, Д. Хайят не может все же не видеть, что причины отсталости сельского хозяйства, крайне бедственной жизни крестьянства коренятся не только в культурной и политической отсталости крестьянства. «Основной причиной этой отсталости, — говорит он, — является общее положение в стране... Крестьянин сам своими силами не в состоянии что-либо изменить, ибо нынешнее положение создано господствующими в земледелии страны порядками». (стр. 33).

Не обходит Д. Хайят и вопроса о тесной связи империалистов с феодально-компрадорскими верхами страны, правильно отмечая, что в годы первой мировой войны английские империалисты, оккупировав страну, закрепили существовавшее распределение земель, находящееся в противоречии как с интересами крестьянства, так и страны в целом. Большая часть пригодных для возделывания земель, особенно на юге и в центре страны, находится в руках шейхов, ага, богатых городских торговцев, крупных помещиков. Земельные владения некоторых из этих лиц достигают свыше полумиллиона мушаров[1]. Законы, регулировавшие права на земельную собственность, пишет Д. Хайят, изданные английскими оккупантами в 1932—1933 гг., подтверждали и укрепляли феодальные порядки в стране, усиливали власть помещиков над крестьянами и эксплуатацию трудящихся масс в иракской деревне. На основе изучения данных статистического бюро министерства сельского хозяйства, полученных в результате переписи по семи провинциям, и расчетов о распределении пригодных к возделыванию земель в остальных семи провинциях Ирака, Д. Хайят утверждает, что в руках крестьянства сосредоточена лишь ничтожная часть земли. Земельной собственностью в Ираке владеют лишь 10—12% жителей, включая сюда помещиков и купцов. «Большинство же крестьян, — указывает Д. Хайят, — вообще не имеет ни клочка земли» (стр. 65).

Крестьяне на кабальных условиях арендуют землю у помещиков, уплачивая за аренду такую большую долю урожая, что остающаяся крестьянину часть урожая недостаточна «для поддержания нормального существования» (стр. 65).

На севере страны помещик забирает у крестьянина до половины урожая. На юге существует порядок, при котором урожай делится на пять частей: одна идет в качестве налога в казну (причем этот налог взимается с крестьянина собственником

[1] Иракский мушар = 0,25 га.

земли), две другие собственник получает как арендную плату и две части остаются у крестьянина. «Есть ряд районов, — пишет Д. Хайят, — где доля землевладельцев достигает двух третей урожая» (стр. 37).

В районах культивирования риса распространена субаренда. Посредник (саркал) арендует у помещика землю крупными массивами и затем отдает ее мелкими участками в аренду крестьянам. Посреднику идет от $^1/_{10}$ до $^1/_6$ части урожая. «Можно сказать, — резюмирует автор, — что крестьянин получает в общем меньше половины урожая. А ведь он живет исключительно обработкой земли, которая доставляет пропитание не только его семье, но и его скоту. Не секрет, что подобное положение оказывает пагубное влияние на многих крестьян...» (стр. 39).

Д. Хайят приводит также данные о годовом доходе иракского крестьянина, указывая, что в северных районах страны этот доход составляет мизерную сумму в 6—10 динар, а в центральных и южных районах — 3 динара (стр. 43). Д. Хайят гневно обрушивается на ростовщиков, «которые на своей грязной профессии нажили огромные богатства» (стр. 77).

Приводя пример из книги Абдаль-Джаббар Фариса «Два года на Среднем Евфрате», Д. Хайят сообщает, что в провинции Дивания одному из крестьян пришлось занять у ростовщика небольшую сумму денег на покупку трех кур для угощения приехавших к нему гостей. Для покрытия долга ростовщику — так выросли проценты по долгу! — он вынужден был продать двух быков.

Д. Хайят пишет, что «большинство жителей сельских районов Ирака и рабочий класс в городах не получают достаточного питания ни в количественном, ни в качественном отношении, способного возместить организму израсходованную энергию» (стр. 48).

Крайне тяжелы и жилищные условия крестьян, большинство живет в лачугах, построенных из тростника и глины. Вентиляции и дневного света нет. Жалкая мебель этих лачуг оценивается в несколько динар. Там же, где живут люди, содержится, как правило, и скот. Пригодной для питья воды в деревнях мало. Мыло для значительной части крестьян является роскошью. В таких условиях заболевания и эпидемии не редкость. Наиболее распространены малярия и трахома. Только от одной малярии умирает ежегодно до пятидесяти тысяч человек (стр. 45). Более трети жителей на юге страны страдает бигарциозом, широко распространены также дизентерия, туберкулез и венерические болезни. Однако иракская деревня почти полностью лишена медицинской помощи. В 1944 г. в Ираке насчитывалось 53 казенных больницы и 288 фельдшерских пунктов. В стране было 619 врачей. Таким образом, один врач приходился на 8077 жителей (стр. 49). Почти на пять миллионов населения имелось всего лишь 3473 больничных койки. Больницы и фельдшерские пункты расположены, главным образом, в столице и в других крупных населенных пунктах. Поэтому основная масса жителей деревень почти не получает врачебной помощи. Если на нужды здравоохранения в период с 1938 по 1947 г. ассигновалось ежегодно не свыше 6,7% государственного бюджета, то на армию в 1946—1947 гг. уходило 28,7%, а на полицию — 14% государственного бюджета.

В крайне неудовлетворительном состоянии находится и народное образование в Ираке. В 1946/47 учебном году в стране была 1231 школа с 178 061 учащимся. Но это лишь 20% детей школьного возраста. Более 540 тыс. детей не учится. В школах было всего лишь 7035 учителей. В сельских местностях имелось только 473 начальных школы. В них обучалось 33 530 детей. В этих школах насчитывалось в этом же году 1568 учителей. Одна школа в сельской местности приходится на 7133 жителя, а на одного учителя приходится 2152 детей школьного возраста (стр. 53).

Заканчивая первую часть книги, автор пишет: «Подавляющее большинство крестьянства живет в нужде и в страданиях, в то время как класс старейшин и новых помещиков из влиятельных лиц города, торговцев и им подобных, обогащается, живя в роскоши и предаваясь наслаждениям» (стр. 54—55).

Д. Хайят настаивает на том, чтобы была объявлена беспощадная война нищете

невежеству и болезням. Он требует проведения реформ, которые, по его мнению, и могли бы привести к возрождению деревни и вывели бы страну из кризиса.

Но те или иные преобразования в стране, которые предлагает Д. Хайят, должны быть, по его мнению, результатом реформ в рамках существующего социального строя, а не результатом революционной борьбы масс за освобождение от ига империализма и полуфеодального гнета. При этом он исходит из незыблемости частнопомещичьего землевладения в Ираке. Те реформы, которые выдвигает Д. Хайят, сводятся к ограничению земельной собственности крупных землевладельцев. Он видит в этом панацею против всех зол. Д. Хайят предлагает ввести прогрессивный налог на землю, думая, что при таком налоге владение площадью свыше 100 мушаров стало бы для владельца экономически нерентабельным. Кроме этого, он советует установить прогрессивный налог на землевладельцев при вступлении их в права наследства и, наконец, настаивает на выкупе части земель у крупных собственников, рекомендуя им передать землю мелким крестьянам за выкуп в рассрочку.

Д. Хайят высказывается за то, чтобы внедрять в сельское хозяйство достижения науки, способствовать развитию животноводства, борьбе против различных вредителей и болезней сельскохозяйственных культур. Он рекомендует наладить кредитование мелких землевладельцев, содействовать сбыту сельскохозяйственной продукции и развитию национальной промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья, лесонасаждению и охране лесов. Большое внимание уделяет Д. Хайят необходимости улучшать существующие ирригационные сооружения и строить новые. Он призывает развивать шоссейные дороги и средства транспорта, предлагает переводить кочевые племена на оседлость, рекомендует электрифицировать деревню и провести ряд других мероприятий, направленных на возрождение экономики страны и улучшение материального положения трудящихся масс. При этом Д. Хайят подчеркивает: «Желаемых результатов при проведении коренных преобразований можно добиться только при условии сотрудничества правительства и народа» (стр. 64).

Питая подобные иллюзии, автор, несомненно, заблуждается. Правительство Ирака, глубоко враждебное народным массам и вовлеченное в фарватер политики американо-английских монополий на Ближнем Востоке, ничего не предпринимало и не предпринимает для того, чтобы улучшить положение широких народных масс.

Приведя в своей книге обильный фактический материал, Д. Хайят в отчаянии восклицает: «Жестокое общество! Нет в нем силы, которая могла бы отвести от жителей деревни тяжести бремени и превратности судьбы» (стр. 55). Такая сила, разумеется, есть. Эта сила — сам иракский народ. И он рано или поздно дружно выступит на борьбу за свое лучшее будущее, против иностранного империализма и его агентуры в стране.

В работе Д. Хайята вопрос о классовом расслоении крестьянства совсем не затрагивается. Автор изображает крестьянство как какую-то однородную массу. На деле же процесс классовой дифференциации крестьянства неуклонно развивается, и это порождает и усиливает классовую борьбу в деревне. Автор рецензируемой книги не показывает, каким образом империалисты втягивают крестьянское хозяйство в сферу мировой торговли, какими методами они грабят иракских крестьян, усиливают их ограбление, укрепляют их зависимость от иностранных монополий и как разоряют кустарную и домашнюю промышленность.

В работе Д. Хайята далеко не полно вскрывается антинародная практика британских монополий, которым сейчас подчинена страна, нет в книге и фактов о проникновении в Ирак американских монополий, слабо также освещен вопрос о налоговом гнете, которому подвергается крестьянство.

Несмотря на некоторые недостатки, книга Д. Хайята является ярким обличительным документом, характеризующим колониальную политику империализма.

В заключение необходимо отметить, что предисловие П. В. Милоградова к книге «Иракская деревня» содержит ряд неточностей. П. В. Милоградов незаслуженно упрекает Д. Хайята в том, что он не осветил в работе таких вопросов, как состояние промышленности Ирака, национальный состав страны, ее религию и т. д. Нет спора,

все эти вопросы имеют важное значение в жизни иракского народа, но рассмотрение их не входило в задачу работы Д. Хайята.

Весьма спорно утверждение автора предисловия, что в современном Ираке свыше 95% крестьян не имеют своей земли (стр. 8). Автор же рецензируемой книги, располагая данными, пишет, что земли не имеет большинство крестьян. Об этом же свидетельствует цитата из газеты «Аш-Шарк», приводимая П. Милорадовым в предисловии. В предисловии неправильно утверждается, что революционное движение в Ираке направлено лишь в интересах беднейшего крестьянства.

Качество перевода под редакцией П. В. Милорадова оставляет желать много лучшего. Во многих случаях перевод сильно искажен (стр. 23, 24, 25, 30, 31, 34, 35, 52, 53, 55, 56, 57, 58, 62). Автору книги приписывается то, чего он не писал. Так, на стр. 23 (стр. 10 оригинала) в переводе сказано: «...площадь возделываемых земель можно было бы расширить вдвое». Автор же пишет: «вчетверо». На стр. 30 (см. стр. 17 оригинала) в переводе сказано «орошение посредством морских приливов и отливов» (!). У автора же о морских приливах и отливах как способе орошения полей нет и речи. Где и когда морская вода могла быть средством орошения полей? Переводы книг, подготавливаемых к печати Изд-вом иностранной литературы, должны быть серьезно улучшены.

М. Ф. Гатауллин

«ACTA ORIENTALIA» — ЖУРНАЛ ВЕНГЕРСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ

Венгерские ученые внесли большой вклад в развитие востоковедения. Специалистам-востоковедам широко известны имена Игнатия (Игнаца) Гольдциера, Чомо де Кёрш, Вамбери, Л. Лигети и других.

Новый период в работе венгерских востоковедов начался с победой народной власти в стране. В связи со столетием со дня рождения И. Гольдциера в Будапеште 20—21 июня 1950 г. был созван Первый всевенгерский конгресс востоковедов. На конгрессе были заслушаны доклады Г. Урай (об установлении более тесной связи университета с музеями, библиотеками и другими учреждениями в целях улучшения подготовки кадров востоковедов), Т. Шера (о восточных материалах венгерских библиотек и о создании центральной библиотеки по востоковедению при Венгерской Академии наук), Цегеда (об установлении по всей стране единой транскрипции восточных имен и названий для научных и популярных работ, библиотек, музеев и т. д.), Т. Хорвата и В. Диосэги (о материалах по Востоку в венгерских музеях).

На конгрессе была принята резолюция, в которой указывалось на необходимость изучения и усвоения марксизма-ленинизма венгерскими востоковедами. Было также принято решение о планировании научно-исследовательской работы в целях перехода от исследования односторонних и порой малозначительных филологических вопросов к изучению важнейших проблем современного Востока и крупнейших вопросов филологии, истории и культуры народов Востока.

После реорганизации Венгерской Академии наук было решено издавать новую серию востоковедного журнала «Acta orientalia». Первый номер журнала новой серии, посвященный столетию со дня рождения И. Гольдциера, вышел в свет в 1950 г. В журнале были помещены две статьи (Д. Немета и Б. Чонгора), специально посвященные памяти Гольдциера. Весьма интересны обстоятельно написанные большие статьи К. Цегледи «Карта придунайских стран ал-Хорезми» и Л. Лигети «Слова из языков Центральной Азии, обозначающие предметы материальной культуры, в китайской транскрипции». К. Цегледи пытается восстановить утраченную карту придунайских стран, составленную ал-Хорезми, а Л. Лигети поднимает важный вопрос о происхождении и родстве некоторых народов Южной Сибири. Л. Лигети считает, что

советские востоковеды должны опубликовать материалы В. И. Анучина и К. Доннера, а также активнее собирать тексты и отдельные слова малых народностей Сибири. В первом номере журнала были также опубликованы статьи В. Вешецки (об одном коптском магическом изречении), Н. Тренчени-Валдапфель (о мифе об Адаме), Л. Галя (о выражении Ahura vairya в Авесте), Л. Фекете (к истории грузин), Д. Немета (о церемонии «мавлюд» в Видине), Ринчена (об этимологии названия горы Burqan Qaldun) и Э. Бактан (о пополнении Венгерского восточно-азиатского музея новыми индийскими и тибетскими материалами).

В «Acta orientalia» печатают свои труды ученые-востоковеды многих стран. В третьем томе (вып. 3, 1953 г.) опубликована небольшая статья В. Ф. Минорского «Русь в Закавказье», в которой автор говорит об известных из восточных источников фактах общения народов Руси и народов Закавказья, о взаимоотношениях последних с арабами.

Кроме названной статьи, несколько небольших заметок опубликовал в «Acta orientalia» монгольский ученый Ринчен: во втором томе — о неизвестных монгольских письменностях XVII в., в третьем — о монгольской сфрагистике.

Наибольших успехов венгерские востоковеды добились в изучении финно-угорских, маньчжуро-тунгузских и китайского языков. В этой области работает несколько ведущих венгерских востоковедов. С очень интересной статьей «Древнейшие сношения самоедов с енисейскими народностями» выступил П. Хайду. В ней лингвистическому анализу подвергается ряд слов, сохранившихся в языках этих народностей и свидетельствующих о древнейших связях между ними. В третьем томе (вып. 1—2, 1953 г.) была опубликована статья В. Диосеги «К этногенезу самагиров». В своем исследовании В. Диосеги пришел к выводу, что в самагирском языке существует два диалекта: один — принадлежит к северной группе маньчжуро-тунгузских языков, другой — к южной, причем южный диалект подвергся сильному влиянию панайского языка.

В упомянутой статье Л. Лигети анализирует факты заимствования китайцами предметов материальной культуры и их названий от кочевников сюн-ну. Автор не решается окончательно утверждать, к какой группе языков принадлежит язык сюн-ну, так как данных об этом языке очень мало. Он выдвигает рабочую гипотезу, что язык сюн-ну относился к палеазиатским языкам. Л. Лигети высказывает также мнение о языке киргизов в эпоху династии Тан и о языке народа кидани, который он считает монгольским. Статья Л. Лигети свидетельствует о хорошем знании венгерскими учеными трудов советских востоковедов.

Большое место в исследованиях венгерских ученых занимает китайский язык. Интересное исследование китайских глоссов эпохи Тан в уйгурской транскрипции дал Б. Чонгор. Указав на ошибки, имеющиеся в интерпретации китайских глоссов, записанных по-уйгурски, Б. Чонгор приходит к выводу, что эти глоссы принадлежат к тому диалекту китайского языка, в котором все древнекитайские звонкие, за исключением «жы», превратились в среднекитайском языке в глухие. Автор считает также, что существовавшую в Северном Китае в VII—X вв. группу диалектов типа кан-он нельзя считать прямым продолжением древнекитайского языка, реконструированного Карлгреном.

Венгерский ученый Д. Немет в специальной статье проследил заимствование монгольского слова «nökur» различными языками, в том числе и венгерским. Г. Уран опубликовал статью о суффиксе «е» в тибетском языке. Большой интерес для востоковедов представляет предварительное сообщение Л. Лигети о расшифровке джурдженских «малых» иероглифов.

Ряд востоковедов Венгрии занимается изучением иранских языков. В «Acta orientalia» (т. I и III) им посвящены две статьи Я. Гарматты и статья С. Телегди.

В «Acta orientalia» помещено несколько статей, посвященных истории отдельных стран Востока. Описанию архивов и архивного дела в Турции посвящена обстоятельная статья Л. Фекете (т. III, вып. 3). Во втором томе опубликованы статьи Л. Фекете о подарках Абдул-Хамида I императрице Екатерине II и Д. Немета о турецких текстах Балинта Балаша.

В области иранской истории и филологии работает К. Цегледи. Кроме исследования о географической карте ал-Хорезми, в одном из номеров «Acta orientalia» опубликована его статья о мешхедской рукописи путешествия Ибн-Фадлана. К. Цегледи дает исправленный текст отдельных мест описания путешествия и останавливается на особенностях языка Ибн-Фадлана. Цегледи предполагает, что слово «саклаб» у арабских географов обозначало название народов Северной Европы.

Статьи Э. Бектаи знакомят читателей с восточными материалами, имеющимися в венгерских музеях. А. Шейбер свои статьи посвятил неизвестному еврейскому средневековому поэту и еврейским надгробным камням. И. Дуйчев выступил со статьей о боярах в средневековой Болгарии.

Востоковедный журнал Венгерской Академии наук «Acta orientalia» представляет большой интерес для советских читателей и востоковедов всех специальностей.

Н. А. Кузнецова

А. А. ДРАГУНОВ

21 февраля 1955 г. в возрасте пятидесяти пяти лет скончался Александр Александрович Драгунов, выдающийся советский китаист и тибетолог.

Научные интересы Александра Александровича Драгунова были широки и разносторонни. По существу нет ни одного раздела китайского языкознания, где бы он не оставил оригинальных и тонких исследований. Особенно много А.А.Драгунов сделал в области научной грамматики китайского языка. В его большом труде, посвященном проблеме частей речи китайского языка, одновременно затронут ряд других узловых вопросов китайской грамматики. Работы Александра Александровича Драгунова по реконструкции фонетической системы китайского языка XII—XVI вв. легли в основу особой отрасли восточной филологии. А. А. Драгунов внимательно изучал китайские диалекты; в частности, он открыл весьма важную группу диалектов Центрального Китая.

Благодаря серьезной теоретической подготовке, полученной А. А. Драгуновым под руководством Л. В. Щербы, его труды в области китайско-тибетского языкознания имеют и большое общелингвистическое значение.

Александр Александрович Драгунов не только разрабатывал вопросы исторической фонетики, китайской диалектологии, сравнительного изучения китайского, тибетского и тангутского языков, но и строил на этих теоретических основах преподавание китайского языка в Ленинградском университете.

Работы А. А. Драгунова хорошо известны в Китае, некоторые из них переведены на китайский язык.

А. А. Драгунов всегда горячо отдавался практической работе. С 1929 по 1938 г. совместно с представителями китайской и дунганской общественности он принимал непосредственное участие в создании алфавитов, орфографий и научно-практических грамматик для китайского населения советского Дальнего Востока и дунган Средней Азии. Уже будучи тяжело больным, А. А. Драгунов возглавил комиссию АН СССР по разработке новой письменности для дунган Средней Азии.

В последние месяцы жизни А. А. Драгунов в качестве члена редакционной коллегии журнала «Советское востоковедение» вел большую работу по подготовке первых двух номеров этого журнала.

Как настоящий советский ученый, А. А. Драгунов сочетал напряженную исследовательскую работу с разносторонней общественной деятельностью. В 1947 г. он был избран депутатом райсовета и с увлечением работал в комиссии по здравоохранению.

А. А. Драгунов всегда придавал огромное значение подготовке кадров. Когда болезнь оторвала его от любимого дела — преподавания в университете, он сосредоточил свои силы на воспитании аспирантов. Александр Александрович неизменно сочетал чуткость и внимание к молодежи с высокой требовательностью, воспитывая в своих учениках принципиальность и чувство ответственности перед советской наукой.

Таким он навсегда останется в нашей памяти.

Институт востоковедения АН СССР
Редакция журнала «Советское востоковедение»

СОДЕРЖАНИЕ

Задачи восточной филологии 3

СТАТЬИ

Е. Э. Бертельс. К вопросу о филологической основе изучения восточных памятников 11

И. С. Брагинский. Об изучении эпического творчества народов советского Востока («Гургули» и «Гэсэр») 19

И. П. Плышевский. Конференция стран Азии и Африки в Бандунге . . . 36

М. Н. Иванова. Национально-освободительное движение в Гилянской провинции Ирана в 1920—1921 гг. 46

Э. Я. Файнберг. Из истории установления официальных отношений между Россией и Японией 56

И. Б. Шевель. Осуществление аграрной реформы в провинции КНР — Синьцзяне 71

В. А. Попов. Земельная реформа в Японии 82

Г. А. Алиев. Развитие социалистической культуры в Таджикистане 96

Б. Н. Заходер. Из истории волжско-каспийских связей древней Руси 108

Н. А. Сыромятников. Существуют ли разные типы условной связи в японском языке? 119

Д. А. Баширов. К итогам съезда писателей арабских стран 136

О. И. Смирнова и *М. Н. Боголюбов.* О согдийском *двашт̄ч* 142

ДОКУМЕНТЫ И ПАМЯТНИКИ

И. М. Лосева. Раскопки урартской крепости города Ирпуни (Еребуни) на холме Арин-берд 144

СООБЩЕНИЯ

Е. И. Гневушева. Из истории востоковедной прессы в России 151

Е. Ф. Ковалев. Изучение Китая в Советском Союзе 158

В. Федоренко. Встреча делегаций сторонников мира Сирии и Ливана с советскими востоковедами 163

Л. Г. О работе японского общества изучающих СССР 165

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Совещание по вопросам восточной филологии 167

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

П. И. Марков. М. И. Сладковский. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая 176

М. Ф. Гатауллин. Джафар Хайят. Иракская деревня 182

Н. А. Кузнецова. «Acta orientalia» — журнал венгерских востоковедов 186

А. А. Драгунов 189

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. МАСЛЕННИКОВ (*главный редактор*),
Е. Э. БЕРТЕЛЬС, А. А. ГУБЕР, А. А. ДРАГУНОВ,
А. М. ДЬЯКОВ, Е. Ф. КОВАЛЕВ, И. М. ЛЕМИН,
М. И. ЛУКЬЯНОВА, А. Ф. МИЛЛЕР,
Н. Н. ПОЛЯКОВ (*зам. главного редактора*),
Б. В. РЖЕВИН (*отв. секретарь*), *В. В. СТРУВЕ*

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2. Тел. Б 1-61-23.

Т-05263. Подписано к печати 1.VIII.1955 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6
Печ. л. 16,44. Уч.-изд. листов 16,2. Заказ 1283. Тираж 3500 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

Иванов П. П. **Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии XVI—XVII вв.** (Институт востоковедения). 1954. 376 стр. Ц. 20 р. 70 к. в переплете.

Конрад Н. И. **Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве.** Перевод и исследование. (Институт востоковедения). 1950. 402 стр. Ц. 21 р. 60 к. в переплете.

Лукьянова М. И. **Японские монополии во время второй мировой войны.** (Институт востоковедения). 1953. 396 стр. Ц. 16 р. 35 к. в переплете.

Краткие сообщения Института востоковедения. Вып. V. 1952. 66 стр. Ц. 3 р. 40 к.

Опубликованы статьи и материалы: о народных хуралах МНР; японская агрессия в Китае в 1931—1935 гг.; и предательская политика гоминдана; к истории американской вооруженной интервенции в Китае в 1900—1901 гг.; антимилитаристическое движение в Мальте до начала второй мировой войны.

Краткие сообщения Института востоковедения. Вып. VI. 1952. 82 стр. Ц. 4 р.

Темы статей: Маршал Чойбалсан (из жизни и деятельности); освободительное антияпонское движение в Корее в 1895—1896 гг.; о роли России в борьбе монголов за независмость против маньчжурских завоевателей во второй половине XVII — первой половины XVIII в; к вопросу об иностранном капитале во Внешней Монголии до народно-демократической революции 1921 года и в ее первые годы.

Краткие сообщения Института востоковедения. Вып. VIII. 1953. 62 стр. Ц. 3 р. 25 к.

Темы статей: новые черты в освободительной борьбе народов британских колоний после второй мировой войны; провал английской политики «разделяй и властвуй» в Малайе; английская агрессия в Иране в 1855—1857 годах; о руководящей роли рабочего класса Вьетнама в национально-освободительной борьбе (1930—1931); колониальная политика США и национально-освободительное движение на Филиппинах в период «автономии» (1935—1941).

Краткие сообщения Института востоковедения. Вып. IX. 1953. 90 стр. Ц. 4 р. 60 к.

Темы статей: Мирза — Фатали Ахундов; к вопросу о творческом методе узбекской советской литературы 20-х годов; образец таджикской художественной прозы XII века; роль М. Ф. Ахундова в развитии персидской прогрессивной литературы; некоторые данные о судьбе средневековой народной комедии кёген в условиях современной Японии; памятники корейской литературы в рукописных фондах Института востоковедения Академии наук СССР.

Книги продаются в магазинах «Академкнига», а также высылаются по почте наложенным платежом.

Заказы направлять по адресу: Москва, ул. Куйбышева, д. 8. Контора «Академкнига»